

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРИИ
ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ - 1938

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА при СНК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 1

Под редакцией
проф. Е. Н. ПЕТРОВА

*Допущено Всесоюзным Комитетом
по делам физкультуры и спорта при СНК СССР
в качестве учебного пособия
для институтов и техникумов физической культуры*

Цена 2 р. 30 к., переплет 1-р. 50 к.

Редактор Я. Г. Рохлин

Техн. редактор Е. М. Штунц

Фис № 1229-У

Сдано в произв. I/VIII-38 г.
Бумага 60×92 см, $\frac{1}{16}$ доля

Подпис. к печ. 26/IX-38 г.
Печ. лист. 11, у.-а. л. 11,58

Тираж 10 000

Колич. знаков в печ. листе 43915

Заказ 3585

Уполн. Мособлгорлита Б-4988.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

До последнего времени институты и техникумы физической культуры совершенно не были обеспечены учебными пособиями по курсу истории физической культуры. Студенты вынуждены были изучать этот важный предмет лишь по лекционным запискам и отдельным отрывочным данным.

Ввиду этого признано было необходимым в первую очередь издать те очерки и статьи по вопросам истории физической культуры, которые были подготовлены к печати Ленинградским научно-исследовательским институтом физической культуры.

В дальнейшем выйдут в свет труды института и по другим разделам физической культуры.

Раздел настоящей книги — «Физическая культура античного мира» — освещает ряд интересных моментов истории рабовладельческого общества, где складывались первые элементы физической культуры и спорта, из которых особого внимания заслуживают олимпийские игры.

В разделе «Физическое воспитание в России в эпоху реформ Петра I и во второй половине XVIII в.» собраны материалы, отражающие место и значение элементов физического воспитания в быту народов России.

Данный труд научных сотрудников Ленинградского научно-исследовательского института физической культуры гг. С. Д. Синицына и А. В. Грачева надо рассматривать как первый шаг к дальнейшей работе над созданием учебника по всем разделам истории физической культуры.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА (ГРЕЦИЯ И РИМ)

С. Д. СИНИЦЫН

ГРЕЦИЯ

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В БАССЕЙНЕ ЭГЕЙСКОГО МОРЯ В ДОГРЕЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(Крит и Микены)

Богатая и разнообразная культура Крита и Микен, развивавшаяся на протяжении ряда тысячелетий в восточной части Средиземноморья в условиях позднего родового общества, множеством нитей связывается с позднейшей греческой культурой, помогая осветить целый ряд явлений в культурной жизни Греции и в том числе целый ряд явлений в области греческой физической культуры.

Эпоха позднего родового общества на Крите охватывает два периода (выделяемых на основе анализа археологических памятников):

- 1) среднеминойский период — 2100—1580 гг. до н. э.,
  - 2) позднеминойский период — 1580—1250 гг. до н. э.,
- которым в Микенах соответствуют раннемикенский (2100—1400 гг. до н. э.) и позднемикенский (1400—1000 гг. до н. э.) периоды.

В среднеминойский период, по Л. Б. Богаевскому, критское общество находилось на этапе домашней общины, характеризовавшейся широким развитием скотоводства, игравшего, видимо, уже в то время ведущую роль в хозяйстве. К разведению крупного рогатого скота в конце среднеминойского и на начальных стадиях позднеминойского периодов присоединилось плужное земледелие, а также ряд ремесленных производств, как-то: гончарное, металлическое, ткацкое, судостроительное и др. В это время, вероятно, подготовлялось «первое крупное общественное разделение труда» — отделение скотоводства от земледелия. В области социальной организации наблюдалось оформление племенных союзов (здесь можно отметить возникновение племенных союзов, возглавляющихся Кноссом и Фестом, где раскопками были обнаружены обширные родовые поселения — «дворцы»). В конце позднеминойского периода критское общество постепенно совершало переход от стадий домашней общины к начальной стадии сельской общины, когда начался процесс возвышения отдельных семей и «семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода». Этот процесс перехода к ранней стадии сельской

общины особенно ярко выявился в Микенах, где выделявшиеся экономически сильные и воинственные роды захватывали себе лучшие земли за счет более слабых родов и создавали обособленные укрепленные родовые поселения, выходявшие за пределы общеплеменных поселений. Вновь выделившаяся родовая аристократия, укрепляясь за счет экономически более слабых родов, не ограничиваясь этим, широко практиковала вооруженные набеги на соседние племена с целью их грабежа и с целью добывания для себя домашних рабов.

Именно к этим периодам разветвления патриархальных отношений и относится большинство археологических памятников Крита и Микен в виде рисунков и рельефных изображений, отображающих разнохарактерные физкультурные моменты. Наиболее характерными и многочисленными памятниками такого рода являются изображения разного вида процессий, плясок, игр с быком, сцен кулачного боя, бега и пр., представленных во фресковой живописи, в рисунках на вазах, кубках, печатях и т. д.

Многочисленность подобного рода изображений с несомненностью говорит о необычайно широком распространении зафиксированных в них действий и о их большой роли в общественной жизни крито-микенского общества. Есть все основания предполагать, что на рассматриваемых этапах догреческой культуры все они носили зрелищный характер, первоначально были теснейшим образом связаны с культово-магическими представлениями и проводились большей частью на специально сооружавшихся площадках, примыкавших к крупнейшим родовым и племенным поселениям.

Раскопками, проводившимися в начале XX века в южной части Крита в Фесте, были обнаружены развалины древнего родового поселения, известного в литературе под названием «Фестского дворца». В западной части этого поселения были раскопаны остатки открытой площадки, размером около 25 на 30 м, выложенной каменными плитами, к которой с севера примыкала широкая (во всю ширину площадки) пологая лестница, служившая, видимо, для сидения зрителей. Через площадку по диагонали с северо-запада на юго-восток проходил каменный настил шириною около метра, приподнимающийся над уровнем площадки на высоту около 20 см. Вероятно, этот настил служил «священной тропой». В северо-восточном углу площадки возвышалось небольшое алтарное сооружение. Площадка Феста датируется начальной стадией среднеминойского периода (2100—1900 гг. до н. э.), причем в ней видят место, на котором происходили племенные культовые празднества и церемонии в дни общеплеменных собраний. А. Н. Дальский считает, что на этапе домашней общины, с возникновением племенных союзов, возникла потребность для встречи представителей родов в одном месте для обсуждения общественных дел и для совместного проведения обще-

племенных культовых церемоний, празднеств и жертвоприношений¹, и таким местом, несомненно, являлась площадка при Фестском родовом поселении, бывшем центром союза племен южного Крита.

Подобная же площадка, правда, значительно меньших размеров, была обнаружена при раскопках в 1901—1903 гг. в Кноссе. Она располагалась поблизости от так называемого Кносского дворца, причем, занимая территорию 10 на 13 м,

Процессия представителей родов
(фреска в Кноссе)

она, так же как Фестская площадка, имела каменный настил, шедший с запада на восток, имела обширное алтарное сооружение и была с двух сторон — с севера и с запада — ограничена широкими пологими лестницами, служившими местами для зрителей. Время ее сооружения относится к половине среднеминойского периода.

На этих и подобных им площадках, видимо, и совершалась большая часть тех действий, которые нашли себе отображение в многочисленных рисунках и рельефных изображениях и в которых в широкой степени выступали разнообразные физкультурные элементы. Все они были, видимо, тесно связаны с племенными культовыми праздниками и церемониями.

Одним из действий, происходивших на площадках Феста и Кносса, были театрализованные процессии, прекрасно изображенные на ряде кносских фресок и на каменном сосуде из Агла-Триола. Процессии представителей родов двигались по «священной тропе» площадки, неся в руках предметы своего производства.

¹ А. Н. Дальский. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. 1937. Стр. 166.

Здесь выступали земледельческие процессии, приурочивавшиеся, видимо, ко времени сбора урожая и связывавшиеся с культовыми земледельческими обрядами. Здесь выступали процессии гончаров, шествия молотильщиков и т. д. Судя по изображению на кносской фреске, они проходили под звуки флейты, лиры и систры и под хоровое пение, причем участники процессии во время шествия проделывали ритмические движения, опираясь на носки. Процессии возглавлялись предводителем, видимо, старшиной рода, одетым в обрядовый костюм военачальника, несущим на плече пастушеский посох—эмблему родового старшины.

Характерно одеяние и вид юношей, музыкантов и певцов, в этих процессиях: они одеты в длинные женские платья; у них на голове длинные волосы, локонами спускающиеся на плечи. Видимо, как полагает Дальский, эти юноши являлись прислужниками верховной жрицы, которая иногда и сама изображалась в числе участников процессии. Участие верховной жрицы в театрализованном ритмическом шествии и наличие в нем прислужников жрицы, одетых в женское платье, заставляют предполагать, что данные обрядовые действия уходят своими корнями в глубокое прошлое и связываются с идеологией, созданной матриархальным обществом. И даже теперь, на этапе домашней общины, когда произошла уже отмена матриархата и происходило утверждение власти мужчины, продолжалось господство женщины в области культа: верховной жрицей продолжала оставаться женщина, и хотя в процессиях в качестве ее прислужников начали выступать мужчины, они выступали только под прикрытием женского одеяния.

Другим не менее распространенным действием на площадках Кносса и Феста были культовые танцы, выполнявшиеся первоначально только женщинами. К числу таких танцев относятся танцы со змеями, представленные в ряде статуэток, найденных при раскопках в Кноссе. В более позднее время, уже с установлением патриархальных отношений, появились мужские танцы «прыгунов», имевшие какое-то культовое значение. Были, видимо, парные танцы и групповые, причем все они производились на «священной тропе». Среди плясок особое место занимала пляска Минотавра, изображения которой весьма многочисленны на критских печатях. Она представляла собою магический обряд, в котором мужчины, замаскированные быками, проделывали разнообразные движения, имевшие целью магическое воздействие на размножение скота. Поскольку в обществе Крита и Микен скотоводство играло ведущую роль, постольку культовые празднества и церемонии, связанные со скотоводством, выступали здесь наиболее ярко.

А. Н. Дальский, на основе анализа богатого археологического материала и привлечения многих этнографических па-

раллелей, выдвигает предположение, что празднества составлялись из четырех элементов:

1. Культовая (театрализованная) церемония «брака» верховной жрицы с «Минотавром» (всёждем племени, одетым в обрядовый костюм быка). Она заканчивалась, вероятно, магической пляской «Минотавра» под хоровое пение всех присутствовавших. Проводилась она на сценической площадке.

Сцены, относящиеся к играм с быком
(на кубках Вафио)

2. Театрализованная процессия священных быков-производителей.

Быки торжественно проводились перед зрителями и в сопровождении верховной жрицы направлялись к месту нахождения стад, а также к тому месту, где происходили игры с быками и жертвоприношения.

3. Торжественное жертвоприношение быка.

4. Игры с быками, проводившиеся где-то вне сценической площадки¹.

Этот праздник имел на Крите и в Микенах, видимо, широчайшее распространение, о чем говорит чрезвычайно большое количество относящихся к нему изображений. Наиболее характерными из них являются изображения игры с быком

¹ А. Н. Дальский. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. 1937. Стр. 145—149.

двух девушек и юноши, представленные на фреске в Кноссе (1580—1400 гг.), и изображения на чашах Вафио, относимых Дальским к позднемикенскому периоду.

Судя по рисункам, игры с быком состояли из ряда акробатических упражнений, выполнявшихся на рогах и на спине мчащегося галопом быка. В основных чертах эти игры представляются в следующем виде: разъяренный бык мчится на участника игр, стоящего на арене. В тот момент, когда бык, подбежав к участнику, наклоняет голову, чтобы пронзить его рогами, участник ухватывается за рога и повисает на них. Почувствовав тяжесть на голове, бык, чтобы избавиться от нее, стремительно поднимает голову; в этот момент участник игры, держась за рога, делает сальто через голову быка, становясь ногами на его спину, и затем, отпустив руки, прыгает на землю. Видимо, судя по рисункам, в игре с быком одновременно принимало участие несколько участников, становившихся в одну линию на арене на некотором расстоянии друг от друга. Когда первый из участников проделывал сальто над головой быка, разъяренный бык продолжал мчаться вперед на второго участника, и в то время когда первый участник соскакивал на землю, второй повисал на рогах у быка.

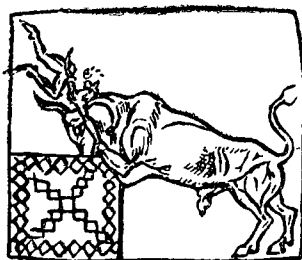
Участники выступали в играх, одетые в короткий критский передник, в легкой кожаной обуви на ногах. Видимо, обязательной принадлежностью участника игр были кожаные браслеты на запястьях; они фигурируют почти на всех изображениях игр с быком; их назначение, вероятно, заключалось в том, чтобы предохранить руки от растяжения связок при стремительных и напряженных движениях.

Как в торжественных театрализованных шествиях и в магических плясках, устраивавшихся на площадках Феста и Кносса в течение среднеминойского периода, ярко выступало влияние идеологии матриархата, выразившегося в ведущей роли женщины в этих действиях, так и в играх с быком данного периода женщина продолжала занимать видное место. Надо думать, что первоначально в качестве основных участниц игр с быком выступали женщины. С установлением патриархата в состав участников начали включаться мужчины, но долго еще они в этих играх оставались в качестве помощников женщины, продолжавшей сохранять в них ведущую роль. Большое количество изображений, на которых в качестве участниц игр выступают девушки, подтверждает эту мысль.

Включаясь как составная часть в культовый обряд, посвященный размножению скота, игры с быком в среднеминойский и в начале позднеминойского периода, т. е. в то время, когда критское общество стояло на этапе домашней общины, носили характер массового общеплеменного праздника с широким составом участников. Они представляли собою магическое действие, которое, производя огромное эмоциональ-

ное воздействие на зрителей, должно было в то же время влиять и на развитие крупного скотоводства в интересах всего племени.

Массовость мероприятий, включавших в себя те или иные физкультурные элементы, являлась вообще их характерной особенностью в среднеминойский и в первой половине позднеминойского периода, пока еще в условиях домашней общины не произошло выделения родовой аристократии.

Тренировочные игры с быком
(изображения на печатях и резных камнях)

Иной характер начали принимать эти действия в конце позднеминойского и позднемикенского периодов, когда резко усилился процесс отделения и возвышения экономически мощных аристократических родов; так появилась родовая аристократия. Особенно ярко это изменение характера празднеств сказалось в организации игр с быком. Лучшие быки-производители и лучшие стада скота оказались в руках экономически возвысившихся родов, которые теперь и сделались основными организаторами и участниками прежде общеплеменных игр.

Мужчина, уже целиком взявший в свои руки власть над родом, теперь сделался единственным участником этих игр, в то время как женщина превратилась только в зрительницу, наблюдавшую за играми из специально построенных лож.

Носившие раньше коллективный характер, теперь эти игры превратились в выступления отдельных исполнителей, являвшихся, видимо, и хозяевами выступавших в играх быков; они становились демонстрацией силы и ловкости выделявшейся родовой аристократии и в то же время служили средством

развлечения этой аристократии, приобретая все более и более спортивно-зрелищный характер.

Изменение характера игр с быком, превращение их в спортивно-зрелищное действие, показывающее ловкость того или иного отдельного исполнителя, выдвинули необходи-

Тренировочный бег критских и негритянских юношей
(фреска)

мость тренировки участников. Наряду с изображением зрелищных игр с быком, устраиваемых перед толпою зрителей, памятники конца позднеминойского и позднемикенского периодов дают и достаточно большое количество изображений сцен тренировки. К числу таких изображений относятся многочисленные рисунки на печатях, пронизках и резных камнях, где представлены акробаты, тренирующиеся на рогах стоящего или лежащего быка. К числу таких же изображений тренировочных игр относятся и рисунки на кубках Вафио. На одном из них изображена сцена тренировки с быками, перепрыгивающими через натянутую между деревьями сеть. На другом изображено стадо быков, из которого хозяин уводит быка, видимо, для игр или тренировки. Уводимый бык на этом рисунке привязан за заднюю ногу. Оставшийся до недавнего времени неясным смысл привязывания быка за заднюю ногу, нам кажется, весьма удачно разъяснен А. Н. Дальским

приведением этнографической параллели игр с быками у современного племени фульбе в Нигерии. Там быка, привязанного за заднюю ногу, держат два человека, в то время как третий держит его за веревку, привязанную к рогам. Быка чем-нибудь раздражают, и человек, держащий веревку, привязанную к рогам, подтягивается на веревке к голове животного, ухватывается за рога и проделывает на них различные упражнения¹. Подобные же действия, надо думать, имели место на Крите.

Вместе с изменением характера игр с быками в конце позднеминойского и в позднемикенский период, с превращением их из производственно-магического действия в спортивно-зрелищное мероприятие, изменились характер и содержание и других крито-микенских празднеств. Проводившиеся раньше на «сценических» площадках массовые общеплеменные культовые действия теперь также приобретали более театрально-зрелищный характер, насыщаясь спортивными элементами, в которых отражалась усиливающаяся «роль героической личности мужчины в развивающемся патриархальном обществе».

Наряду с кулачным боем на «сценических» площадках устраивался также военизированный бег, прекрасно изображенный на одной из сохранившихся фресок; на этой фреске изображен минойский воин с двумя дротиками на плече, состязавшийся в беге с чернокожими воинами.

Кроме кулачного боя и бега, в Микенах, где процесс развития патриархального общества шел значительно быстрее, чем на Крите, и где обособление экономически сильных и воинственных родов выступало более ярко, практиковались также выезды на боевых колесницах и состязания в беге колесниц. Во всех этих действиях уже ярко выступают элементы военизированных игр и состязаний, связанные с развитием военного дела, сосредоточенного в руках обособляющейся родовой аристократии.

Более яркое выражение нашли подобные военизированные игры и состязания позднее в Греции, в период разложения греческого рода и становления рабовладельческого государства.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ГРЕЦИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ РОДОВОГО СТРОЯ («Гомеровский период», IX—VII вв. до н. э.)

Греческий героический эпос (поэмы «Илиада» и «Одиссея»), создававшийся на протяжении IX—VII веков до н. э., является основным источником, на основании которого можно восстановить картину быта Греции того периода во всех

---

¹ А. Н. Дальский. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. 1937. Стр. 118.

его проявлениях. Эти же поэмы являются и основным источником для характеристики физического воспитания в Греции в период разложения родообщинных отношений.

Характеризуя героическую эпоху Греции, Энгельс писал: «В поэмах Гомера мы видим, что греческие племена в большинстве случаев уже объединились в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена. Они жили уже в городах, окруженных стенами; численность населения возрастала с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; это усиливало имущественные различия, а вместе с тем и аристократический элемент внутри древней первоначальной демократии». И дальше: «Мы видим в греческом общественном устройстве героической эпохи еще в полной силе древнюю организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду; влияние имущественных различий на общественное устройство посредством образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство сперва одних только военнопленных, но уже открывающее возможность обращения в рабство собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение былой войны племени против племени в систематическое разбойничество на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств»¹.

В это время еще «каждый взрослый мужчина, член племени, был в то же время воином», но уже существовало различие между воинами из родовой аристократии и воинами из народа. Аристократический элемент в греческом войске играл руководящую и решающую роль.

«Фоас, благородный сын Андремонов, муж Этолийский знатнейший, искусный в бою стрелобойном» при осаде Трои, как описывается в «Илиаде», в один из критических моментов осады, в ожидании битвы с Гектором, советовал на собрании военачальников:

Ратной народной толпе повелим к кораблям удалиться,
Мы же, сколько ни есть здесь, храбрейшими в рати
слывущих,

Противостанем...

Базилевс — верховный военачальник — и группировавшиеся вокруг него мелкие военачальники, все те, кого гомеровский

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 107.

эпос выставляет под именем «героев», были кровно связаны с родовой аристократией. Играя в войне руководящую роль, они прежде всего отличались от простых воинов характером своего вооружения. Простые воины выступали, не имея «ни медных с гривой конскою шлемов, ни круглых щитов, ни возвышенных ясенных копий», надеясь «только на верные луки и волну, скрученную в пращи».

В то же время знатные «ратоборцы», «храбрейшие мужи» нередко вступали в бой на боевых колесницах, защищенные поножами, надев на грудь «медные латы», а на голову «шлем ярко блестящий с конскою гривой» и вооружившись мечом «среброгвоздным с медяным клинком», тяжелым копьем и щитом «кругловидным».

Обладая более разнообразным вооружением, воины-аристократы, естественно, выступали и более подготовленными в отношении владения этим вооружением, требовавшим большой тренировки.

Сила и ловкость, выносливость и храбрость для них были теми необходимыми качествами, которые выделяли их из числа простых воинов и которые помогали им поддерживать свой авторитет в народе и власть над народом.

Характерны в этом отношении строки «Илиады», описывающие, как Одиссей умиряет волнение в войске, утомленном войною, при осаде Трои:

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
«Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания
слушай,

Боле почтенных, чем ты! Невоинственный муж
и бессильный!

Значащим ты никогда не бывал ни в боях ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
аргивянам!»

Поэмы Гомера, рисуя родовую аристократию как основную руководящую военную группу внутри греческих племен, в то же время подчеркивают и те физические качества, которыми обладают «герои» и которые тесно связаны с их военными качествами. Достаточно перечислить хотя бы эпитеты, сопровождающие имена отдельных предводителей: Аякс и Ахиллес — «быстроногие», Петейд Менесфей «в ратоборстве искусный», Идомей — «знаменитый копейщик», Тлиподем — «копьеборец гибельный в битвах», Филоктет — «стрелец превосходный» и т. д.

Для нас наиболее интересно то, что эти физические качества проявляются героями не только в битвах, но и в многочисленных играх-состязаниях, неоднократно описываемых в обеих гомеровских поэмах.

Судя по поэмам, всевозможные соревнования по различ-

ным видам упражнений занимали прочное место в быту гомеровских греков. Игры-соревнования устраивались по множеству поводов. Всюду, где происходили какие-либо собрания, проводились игры. Они имели место при сборе войска в поход, их устраивали на свадьбах, их проводили на погребальных торжествах в честь какого-либо знаменитого героя.

Прекрасное описание таких игр, связанных с погребением Патрокла, дано в «Илиаде». Здесь перед нами выступает соревнование в беге на колесницах. Здесь же дано описание состязаний в борьбе и кулачном бое, несомненно, имевших громадное военно-прикладное значение, поскольку в то время исход боев нередко решался единоборством сильнейших и опытейших воинов, выставляемых обеими сторонами. Даже в игре кулачный бой не утрачивал своего боевого характера, отличаясь жестокостью. «Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю», — предупреждает «славный кулачный боец» Эпеос своих соперников перед состязанием на могиле Патрокла.

Вот как описывает автор «Илиады» кулачный бой между Эпеосом и Эвриалом:

...Разом один на другого могучие плечи заносит,
Сшиблись; смешались быстро подвижников тяжкие руки,
Стук кулаков раздается по челюстям; пот по их телу
Льется ручьями; как вдруг приподнялся могучий Эпеос.
Резко врага оглянувшегося грянул в лицо — и не мог он
Больше стоять; подломившись, рухнулись крепкие
члены¹...

Состязания в борьбе были рассчитаны на изнурение противника:

...Чресла свои опоясав, борцы на средину выходят,
Крепко руками они под бока подхватили друг друга,
Словно стропила, которые в кровле высокого дома
Умный строитель смыкает, в опору насильственных
ветров.

Сильно хребты захрустели, могучестью стиснутых рук их
Круто влекомые, крупный пот заструился по телу;
Частые полосы вокруг по бокам и хребтам их широким
Вышли багровые...

Видимо, конечная цель состязания в борьбе заключалась в том, чтобы трижды положить противника на землю, самому сохраняя стоячее положение.

Кроме состязаний в борьбе и кулачном бое, «Илиада» отмечает и состязания в беге, описывая бег Одиссея и Аякса:

¹ «Илиада», кн. 23. 1935. Стр. 577.

Все эти игры-соревнования пользовались в гомеровскую эпоху Греции необычайной популярностью и имели широкое распространение, о чем говорит тот факт, что уже в «Одиссее» для обозначения человека, выделяющегося своими физическими качествами, искусного в упражнениях, появляется специальное слово «атлет». При этом следует отметить, что слово «атлет» в этой поэме неотделимо от понятия «аристократ», и атлет выступает как противопоставление человеку из народа.

Когда Одиссей, после долгих странствований, в облике странника, попадает в страну феакийцев к царю Алкиною, последний демонстрирует перед ним ловкость своих юных воинов в разнообразных играх. Во время этих игр Лаодам — сын Алкиноя — предложил Одиссею принять участие в них.

В ответ на отказ Одиссея Лаодам с усмешкой сказал ему:

Странник, я вижу, что ты не подобишься людям,
искусным
В играх, одним лишь могучим атлетам приличных;
конечно,
Ты из числа промышленных людей, обтекающих море
В многовесельных своих кораблях для торговли, о том
лишь
Мысля, чтоб, сбыв свой товар я опять корабли
нагрузивши,
Боле нажить барыша: но с атлетом ты вовсе не сходишь¹.

Эти слова, характеризующие Одиссея лишь как обыкновенного купца, странствующего по морю, не способного показать себя как атлета, были для него жесточайшим оскорблением, и он должен был ответить на них не только словами, но и делом:

...Сердце в груди у меня возмутил ты своею
Дерзкою речью. Но я не безопытен, должен ты ведать,
В мужеских играх; из первых бывал я в то время, когда
мне
Свежая младость и крепкие мышцы служили надежно.
Ныне ж мои от трудов и печалей истрачены силы;
Видел не мало я браней и долго среди бедоносных
Странствовал вод, но готов я себя испытать и лишенный
Сил; оскорблен я твоим безрассудно-ругательным
словом.

И далее в поэме описывается, как Одиссей, в подтверждение своих слов, схватил камень «огромней, плотней и тяжеле

---

¹ «Одиссея». Пер. В. А. Жуковского (Собр. соч. Изд. А. Ф. Маркса. 1902. Т. VIII, стр. 21).

всех дисков» и метнул его на далекое расстояние, поразив окружающих.

Следовательно, физическая сила и ловкость, проявлявшиеся в играх, были в представлении Гомера как бы отличительной чертой родовой аристократии, противопоставляющей себя народу, и в этом отношении слово «атлет» тесно связывается с понятием «благородный герой».

«...Ничто не дает столь великой славы, как легкие ноги и крепкие мышцы», — говорится в другом месте той же поэмы.

Героический эпос Греции, давая богатый материал, характеризующий многообразие игр и физических упражнений в древней Греции, не дает, однако, никаких данных для суждения о том, как было организовано в то время обучение этим физическим упражнениям. Видимо, организованного обучения в то время еще не существовало, и каждый из героев развивал в себе качества атлета в процессе игр и соревнований с другими героями, начиная с юношеского возраста. Не было также, повидимому, и твердо организованного порядка проведения игр и соревнований. Они приурочивались не к какому-то заранее определенным датам, а к случайным, порой совершенно неожиданным событиям, большею частью связанным с отправлением культовых обрядов. Правда, надо отметить, что из этих непредвиденных эпизодических игр нередко вырастали игры, периодически повторявшиеся в память того или иного события и сохранявшиеся на протяжении длительного времени. К таким играм относятся, например, празднества в честь ахейского царя Пелопса, которые, как говорят легенды, впоследствии послужили основой для Олимпийских игр.

Но какие бы организационные формы ни принимали эти игры-соревнования, как бы ни было организовано воспитание физических качеств человека времен гомеровской Греции, из всех приведенных данных о них вытекает одно — это то, что в условиях разложения родообщинных отношений выдвигающаяся из массы членов рода родовая аристократия, постепенно концентрирующая в своих руках военное дело, использует элементы физической культуры и физического воспитания для совершенствования военных навыков и качеств и тем самым — для усиления своего влияния в роде и власти над родом.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СПАРТЕ

(VII—V вв. до н. э.)

Начавшийся в так называемый гомеровский период Греции процесс разложения родообщинных отношений в дальнейшем проходил с все увеличивающейся интенсивностью. Все больше и больше усиливалась внутри рода власть выкри-

сталлизовывающейся родовой аристократии, все дальше шел процесс увеличения зависимости мелких производителей от крупных владельцев земли и скота, и все шире и шире раз-вертывались рабовладельческие отношения. Но «нехватало, — говорит Энгельс, — учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним. И такое учреждение появилось. Было обретоено государство»¹.

В новых условиях, при наличии государства, развитие физической культуры и физического воспитания всецело было подчинено требованиям вновь возникшего учреждения.

Но на территории Греции процесс развития рабовладельческих отношений и образования государств не везде проходил однородно, и в соответствии с этим обнаруживалась неоднородность в развитии физического воспитания. Особенно сильно выступали своеобразные черты физического воспитания в Спарте, резко обособлявшейся от других греческих государств своеобразием своего социально-политического устройства.

Возникшая около половины IX века в результате завоевания дорийцами Лаконии, Спарта в первое время имела характер военно-организованного родового союза, и черты этой организации она сохранила в дальнейшем на протяжении почти всей своей последующей истории. Черты примитивизма и первобытного коллективизма, связанные с военно-лагерным устройством, долгое время характеризовали собою социально-политический строй древней Спарты. Спарте не была знакома частная собственность на землю. Все земли, поделенные на равные участки — «клеры», принадлежали спартанской общине в целом и передавались отдельным спартиатам лишь в пользование, без права передачи их кому-либо другому. Население, жившее на этих землях до захвата их спартиатами, обращалось в состояние полурабов (илотов) и отдавалось вместе с клерами во владение тому или иному спартиату. Спартиаты сами не обрабатывали земли; земля обрабатывалась жившими на ней илотами, которые обязаны были отдавать своему хозяину продукты своего труда. Сами спартиаты заняты были исключительно военным делом, при помощи военной силы и оружия поддерживая установившиеся отношения и закрепляя свое господство над массами покоренных илотов. Этот первобытный коллективизм, упрочившийся уже в условиях развивающихся классовых отношений и приобретший ярко выраженную классовую сущность, пронизывал собою все стороны общественной жизни древней Спарты. Отношения эти, конечно, не могли не сказаться дол-

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1902. Стр. 108.

жным образом на характере возникшей в Спарте системы воспитания вообще и физического воспитания в частности.

Согласно преданию, переданному греческими историками и, в частности, Геродотом, установление своеобразного общественно-политического устройства, а также и введение соответствующей этому устройству системы воспитания в Спарте приписывается древнему спартанскому законодателю Ликургу, деятельность которого предание относит к началу VIII в. до н. э. Сейчас, однако, правдоподобность этого предания подвергается большому сомнению. Если бы действительно все учреждения Спарты были установлены в порядке законодательства каким-то отдельным законодателем, то это нашло бы отражение и в записанных постановлениях, как это мы имеем во многих других государствах Греции — в Картане, Митилене, Аргосе и т. д. В Спарте никогда не существовало письменных законов, и поэтому мы имеем больше оснований допускать, что спартанское государственное устройство и спартанская система воспитания не являлись плодом деятельности какого-то отдельного законодателя, а родились непосредственно из доклассовых отношений.

Эта связь спартанских государственных установлений и, в частности, спартанского физического воспитания с доклассовыми отношениями может быть раскрыта достаточно подробно.

Семейная жизнь спартиата носила явные признаки обобщественности.

Спартиаты мало внимания уделяли семье. Большую часть своего времени они проводили в «сисситиях» — своеобразных общественных клубах, куда собирались ежедневно воины какого-либо определенного подразделения. Здесь они проводили целые дни, часто оставаясь и на ночь; здесь же они и питались, внося в свою «сисситию» определенное количество продуктов, доставлявшихся их илотами. Геродот устанавливает связь «сисситий» с военным строем Спарты, считая, что благодаря им мужчины были все время в полной боевой готовности, постоянно живя в условиях походной обстановки. Связь с доклассовыми отношениями «сисситий» несомненна. Они напоминают «мужские дома», широко возникавшие при родовом строе.

Дорифор
(работа скульптора
Поликлета)

С «сисситиями» теснейшим образом было связано также воспитание молодого поколения, из которого вырабатывались будущие воины. Как и все в Спарте, воспитание носило характер обобщественности, и молодой спартиат воспитывался буквально под присмотром всего государства. Спартакское общество, в лице коллегии эфоров, ведавших всей государственной жизнью, контролировало жизнь молодого спартиата с первых дней его существования. По установившемуся неписаному закону, как передают древние писатели, каждый новорожденный представлялся матерью эфору своей филы. Эфор осматривал ребенка и, если находил его слабым и нежизнеспособным, распоряжался умертвить его. По преданию, слабых детей сбрасывали в пропасть со скалы Тайгета. Здесь выступало явное стремление господствующих спартиатов не допускать в свою среду людей болезненных и слабых, не могущих выполнять военные функции и, тем самым, не только не могущих быть полезными в деле охранения созданного общественного порядка, обеспечивающего господство над илотами, но, может быть, способных стать обузой для государства. Ведь надо иметь в виду, что численность спартиатов выражалась всего в количестве около 9 тыс. мужчин; и эта небольшая кучка людей должна была обеспечить себе господство над массой илотов, численность которых доходила до 250 тыс. чел.

До семилетнего возраста ребенок оставался в своей семье и воспитывался под наблюдением матери, причем за это время все воспитание ребенка сводилось главным образом к его физической закалке. С семилетнего возраста начиналось воспитание мальчика под присмотром государства. Мальчики брались из дома и жили в общественных зданиях. Их воспитанием руководил специальный наставник (педоном) со своими помощниками, которые содержались за счет государства. Воспитывающиеся под присмотром педонома мальчики делились на возрастные группы, в чем опять-таки сказывались отголоски доклассовых отношений. Особую группу воспитанников составляли мальчики от 7 до 12 лет. Об этой возрастной группе Плутарх писал, что «тот, кто среди них обнаруживал наилучшее поведение и наибольшую храбрость, выбирался в капитаны. Все остальные не сводили с него глаз, повиновались его приказаниям и терпеливо выносили все налагаемые им наказания; таким образом, все воспитание было упражнением в повиновении». Физическое воспитание занимало в этом возрасте преобладающее место. В возрасте от 12 до 14 лет мальчики проходили более суровое воспитание, имевшее целью приучить их к выносливости. Им давали весьма скудную пищу, одевали в весьма скромную одежду в целях закалки организма. По словам Плутарха, «с годами их воспитание становилось суровее: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе — обыкновенно без

одежды. На 13-м году они снимали с себя рубашку и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой, они не брали теплых ванн и не мазались маслом; только несколько дней в году им позволялась эта роскошь». Их подвергали всевозможным истязаниям в целях выработки в них выносливости.

Существует мнение, что истязания мальчиков, в отдельных случаях приводившие к смертельному исходу, связаны с древним культом богини Артемиды, которой когда-то приносились человеческие жертвы. Впоследствии эти жертвы заменились сечением. Но как бы ни объяснять происхождение этого жестокого обычая, он в пору расцвета спартанской общины выступал как одно из средств воспитания молодежи, имеющее целью выработать в ней выносливость и мужество.

С 14 лет мальчики переводились в разряд эйренов, продолжая получать то же суровое воспитание и помогая педономам в воспитании младших мальчиков. Эйренам полагалось присутствовать на «сисситиях», прислушиваясь к разговорам взрослых. Это участие в «сисситиях» было своего рода школой общественного воспитания молодежи. В этот же период эйрены принимали участие вместе со взрослыми воинами в походах внутри страны, приучаясь постепенно к лагерной жизни. По истечении 18 лет юноша вступал в разряд эфебов, получал оружие воина и всецело предавался чисто военной подготовке, участвуя в военных упражнениях и маневрах.

В этот период юноши-спартиаты принимали участие в так называемых «криптиях», т. е. в ночных походах по дорогам Лаконии. Во время походов они нападали на каждого попадавшегося в пути илота и убивали его. По мнению спартиатов, всякий илот, находящийся ночью за пределами своего дома, являлся заговорщиком, и его нужно было уничтожить. «Криптии» должны были явиться, таким образом, дополнительным средством устрашения илотов и пресечения в зародыше всякой возможности восстания и в то же время должны были быть практической школой для молодых воинов. Становясь воином, спартиат вступал в «сисситию» своей филы в качестве полноправного ее члена. С достижением 30-летнего возраста юноша становился уже мужчиной и получал возможность часть времени отдавать семье, не порывая, однако, связи с «сисситией», оставаясь ее ежедневным посетителем.

Такова была организация спартанского воспитания. Его содержание, таким образом, ограничивалось по преимуществу физическим воспитанием. Плутарх писал: «Что касается обучения предметам, то ограничивались лишь абсолютно необходимым. Во всем остальном воспитание было рассчитано на то, чтобы сделать юношей послушными приказаниям, выносливыми в работе, способными сражаться и побеждать».

Обучение чтению и письму отнимало минимум внимания, и то этим делом стали заниматься лишь ко времени упадка Спарты. Умственное образование не было предметом заботы со стороны государства и было частным делом каждого спартиата. Основными же элементами обучения молодежи были: охота на диких зверей, проводившаяся под руководством старших и развивавшая в юношах мужество и находчивость; религиозные и военные танцы, а главное, разнообразные физические упражнения, которым посвящалась большая часть дня мальчика. Занимались упражнениями в беге, прыжках, метании диска и копья, борьбе и в особенности в кулачном бое. Эти занятия молодежи обычно протекали в присутствии взрослых.

Присутствием взрослых спартиатов на занятиях молодежи как бы осуществлялся общественный контроль над воспитанием, подчеркивалась общественная значимость проводимого воспитания.

Аристотель писал о спартиатах: «В одном отношении лакедемоняне заслуживают большой похвалы: они посвящают много внимания воспитанию своих детей, и соответственно с этим развертывается и воспитательная деятельность государства». Из рассмотрения содержания и организации спартанского воспитания нетрудно сделать заключение и о целях этого воспитания. Цель его была создать находчивого, послушного солдата, могущего обеспечить спартанской общине в целом господствующее положение над покоренными народами.

Эта цель полностью согласовалась с положением Спарты и целиком связывалась со всем общественно-политическим устройством спартанской общины, представляющей собою вооруженный лагерь.

Своеобразие общественно-политической жизни Спарты, уходящее своими корнями в доклассовое общество, сказалось не только на оформлении системы воспитания мужской части спартанской молодежи. Не менее своеобразным было воспитание и спартанской девушки.

Женщина в Спарте занимала совершенно иное положение, нежели в других государствах Греции. Она здесь пользовалась относительно большой свободой и нередко принимала активное участие в общественной жизни. Это, несомненно, оставалось еще как пережиток матриархата. Спартанские девушки и женщины нередко наравне с мужчинами участвовали в военных упражнениях. Об этих особенностях спартанских женщин позднее, в период упадка Греции, с большой похвалой отзывался один из крупнейших философов древности — Платон, характеризуя спартанку как идеал женщины.

В соответствии с тем положением, которое занимала женщина в Спарте, и воспитание ее здесь мало чем отличалось от воспитания юношей. Физическое воспитание, упражнения

в беге, прыжках, метании, борьбе и т. д., религиозные и военные танцы — все это составляло основу воспитания спартанской девушки. В отличие от юношей спартанские девушки воспитывались в семье.

Главная цель физического воспитания спартанской девушки, так же как и юноши, связывалась все с тем же усилением военной мощи Спарты. Девушки, получившие соответствующее физическое воспитание, крепкие и закаленные, должны были участвовать в укреплении военной мощи Спарты, как матери таких же крепких и сильных воинов.

«Девы также упражнялись в беге, в борьбе, в бросании диска и копья, — писал Плутарх, — чтобы их тела были сильны и крепки и чтобы такими же были и рождаемые ими дети. Закаленные такими упражнениями, они могли легче вынести муки деторождения и выйти из них здоровыми».

Об общности целей и однородности физического воспитания юношей и девушек говорит также и то, что только в Спарте, и ни в одном другом государстве Греции, устраивались периодические праздники с гимнастическими соревнованиями, так называемые спартанские гимнапедии, в которых равное участие принимали как юноши, так и девушки.

Девушка — участница состязаний

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В АФИНАХ

(V в. до н. э.)

Афины в пору своего расцвета являлись одним из мощных государств на территории древней Греции. Они представляли собою типичный для античной истории образец полис-государства, выросшего непосредственно из разложения доклассового родоплеменного общества и основанного на использовании рабского производства, как своей материальной базы. Афины, как и все древнегреческие полисы, носили

ярко выраженный характер военно-рабовладельческого государства, обуславливавшийся необходимостью, с одной стороны, держать в повиновении рабов, а с другой — необходимостью обеспечения своей внешней независимости от покушений других, более сильных полисов, или упрочения своего господства над более слабыми полисами. В этом отношении Афины имели общие характерные черты со Спартой.

Но зато в других отношениях они резко обособлялись от Спарты. В отличие от консервативно-земледельческой Спарты, Афины выступали как государство с широко развитой торговлей и рабовладельчеством. Философия, искусство и зачатки науки обнаруживали в Афинах бурный рост, особенно ярко наблюдавшийся в V в. — в период наивысшего расцвета греческих полисов. Афины выступали в то же время и как государство с наиболее ярко выраженными формами рабовладельческой демократии, обусловленной в значительной мере необходимостью создания достаточной вооруженной силы в условиях растущего, в связи с развитием торговли и рабской промышленности, имущественного неравенства среди афинских граждан.

Аристотель определял демократическое государственное устройство греческого полиса как «военную политику» и связывал демократизацию общественного строя с ростом значения гоплитского (тяжеловооруженного) ополчения, набиравшегося из числа среднесостоятельных граждан. Уже проведенное законом Солона (594 г. до н. э.) деление афинских граждан на классы, фиксировавшее определенные права демоса в политической жизни полиса, в то же время являлось и военным делением граждан. По закону Солона афиняне делились на 4 класса, «в зависимости от размеров их земельных владений и доходности последних; 500, 300 и 150 медимнов зерна (1 медимн равен приблизительно 41 литру) были минимальным доходом для первых трех классов; имевшие меньшие участки или совсем не обладавшие земельной собственностью попадали в четвертый класс»¹. Эти же классы легли и в основу комплектования гражданского ополчения: второй класс поставлял конные отряды, третий класс — гоплитов (тяжеловооруженную пехоту) и четвертый класс — фетов, которые составляли легковооруженную пехоту или давали гребцов на военные корабли.

В соответствии с этими особенностями Афин — их торгово-промышленным развитием, демократизмом и культурным ростом, выступавшими в общих для всех греческих государств условиях военно-рабовладельческого строя — афинское воспитание, и в частности физическое воспитание, получило совершенно особый характер по сравнению с рассмотренной выше Спартой.

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 116.

Платон в своем диалоге «Протагор» писал о том, как протекало воспитание афинянина:

«Воспитание и наставление начинается с самых первых лет существования и продолжается до конца жизни. Выучив ребенка игре на лире, учителя знакомят его с поэмами других выдающихся поэтов, являющихся представителями лирической поэзии. Эти произведения они поют под звуки инструмента и приучают свои души к ритму и гармонии, благодаря чему они научатся быть более благородными, гармоничными и ритмичными и более пригодными для слова и дела, ибо вся человеческая жизнь нуждается в гармонии и ритме. Потом они посылают их (детей) к учителю гимнастики, чтобы таким образом лучше приспособить их тела к мужественной жизни и чтобы благодаря телесной слабости у них не появлялось малодушия во время войны или в каких-либо других случаях. И таким образом поступают те, которые имеют средства, а имеют средства те, кто богат. Их дети раньше всех начинают свое образование и оканчивают последними».

В этом произведении Платона, хотя и относящемся уже к периоду начинающегося упадка Афин, достаточно ярко представлены основные особенности афинского воспитания, отличающегося своей разносторонностью и классовостью.

Первый этап воспитания ребенка — до 7 лет — протекал обычно в семейной обстановке под надзором матери, а чаще всего под надзором няньки или специально приставленного раба. Главная задача первоначального воспитания заключалась в физическом укреплении ребенка. Как и в Спарте, в Афинах существовал обычай умерщвления детей, которые имели какие-либо физические недостатки или обладали слабым здоровьем. Но в отличие от деспотической Спарты в демократических Афинах вопрос о жизни и смерти ребенка решался не государственными чиновниками, а самим отцом. В процессе первоначального воспитания маленького афинянина большое внимание уделялось разнообразным играм, заполнявшим жизнь ребенка.

С 7-летнего возраста начиналась школьная жизнь афинского мальчика. В отличие от Спарты демократические Афины, обеспечивавшие большую свободу для личности, не отрывали в период школьного обучения ребенка от семьи. Ребенок продолжал жить в семье под присмотром раба или дядьки, которым доверялось общее наблюдение за его поведением и совершенствованием. В этот период, продолжавшийся до достижения молодым афинянином 14- или 16-летнего возраста, мальчик в сопровождении своих дядек посещал частные школы, где обучался музыке, чтению и письму и физическим упражнениям.

Существовало три вида школ, которые одновременно посещал афинский мальчик: грамматическая школа, где обуча-

ли чтению и письму, музыкальная школа, где учитель-кифарист обучал детей пению и игре на музыкальных инструментах, и, наконец, гимнастическая школа — «палестра», где мальчики занимались борьбой и другими физическими упражнениями. Последняя школа для нас представляет особый интерес. «Палестра» (от слова «пале» — борьба) представляла собою школу, где мальчик, проводя значительную часть дня, обучался под руководством специального педагога разнообразным физическим упражнениям и проводил время в состязаниях со своими сверстниками под присмотром того же педагога.

По достижении 14- или 16-летнего возраста юноша афинянин выходил из-под опеки педономов и прекращал посещение частных школ. Теперь все его воспитание протекало в общественных учреждениях — гимназиях — под руководством государственных чиновников — педотрибов. Здесь он занимался главным образом физическими упражнениями, получая в то же время элементы общественного воспитания путем вступления в товарищеские отношения и бесед со взрослыми, путем посещения театров, народных собраний, судов и т. д.

Воспитание в гимназиях являлось как бы подготовительной ступенью к военному обучению, начинавшемуся в Афинах по достижении юношей 18 лет, когда он зачислялся в число свободных граждан, приносил присягу на верность государству и вступал в разряд эфэбов. Вступление юноши в разряд эфэбов сопровождалось торжественным вручением ему на народном собрании экипировки солдата. Пребывание в эфэбах, продолжавшееся два года, целиком было направлено на военное обучение юношества. Первый год юноши проводили в бараках или в лагерях в непосредственной близости от города; здесь они под руководством и наблюдением государственных чиновников занимались всевозможными упражнениями, связанными с овладением техникой и тактикой военного дела того времени. Второй год обучения юноши проводили уже в отдаленных гарнизонах, ведя жизнь регулярного солдата и неся сторожевую службу на границах государства.

Таков был в основных чертах строй афинского воспитания. Вне всякого сомнения, конечной и основной целью этого воспитания было воспитание солдата, могущего в нужный момент выступить на защиту своего государства или на подавление всякого восстания со стороны бесправных рабов. Эта цель полностью согласовалась с основным характером Афин как военно-рабовладельческого государства. Такая же цель стояла, как мы видели, и перед Спартой. Но все же, несмотря на общность целей, между воспитанием молодежи в Афинах и в Спарте наблюдалось существенное различие. Тот дееспотизм, то беспрекословное принесение интересов отдельной личности в жертву рабовладельческому коллективу, которые наблюдались в Спарте, не могли иметь места в демократиче-

ских Афинах с их широкой торгово-промышленной деятельностью. Афинская система воспитания открывала большие возможности для разностороннего совершенствования личности. Если во всяком греческом военно-рабовладельческом полисе военная подготовка гражданского населения в целях создания гражданского ополчения играла первостепенную роль, то в Афинах наряду с ней, в связи с развитием торгово-промышленной деятельности и установлением тесных торговых и культурных связей с отдельными государствами и колониями, не могла не возникнуть потребность в умственном образовании, в более разностороннем развитии личности. И в соответствии с этим мы видим в Афинах в системе воспитания, наряду с широко представленными элементами физического воспитания, и элементы умственного и общественного воспитания, выступавшие во всех периодах обучения молодого афинского гражданина.

Сущность военно-рабовладельческого полиса с его гражданским ополчением требовала, чтобы соответствующее воспитание, приводящее к созданию солдата, давалось всем свободным гражданам данного государства, из которых составлялось войско. Такое положение в действительности наблюдалось в Спарте в период ее расцвета, и такое же положение мы в праве были бы встретить и в Афинах. Действительно, как передают исторические источники, Солон, являвшийся одним из первых основоположников афинской демократии, своим законодательством пытавшийся регулировать все стороны общественной жизни, в области воспитания поставил задачу, чтобы каждый афинянин получал соответствующее воспитание и образование. Родители сами должны были заботиться о воспитании своих детей, и если отец почему-либо не давал ребенку необходимого воспитания, последний имел право впоследствии отказаться от поддержки и помощи своим родителям, когда они достигнут старческого возраста. Однако в Афинах при господстве частной собственности и при наличии ярко выступавшего имущественного неравенства в среде граждан (что нашло себе отражение в законах Солона о делении граждан Афин на классы) не могло быть осуществлено одинаковое воспитание всего юношества, как это имело место в Спарте.

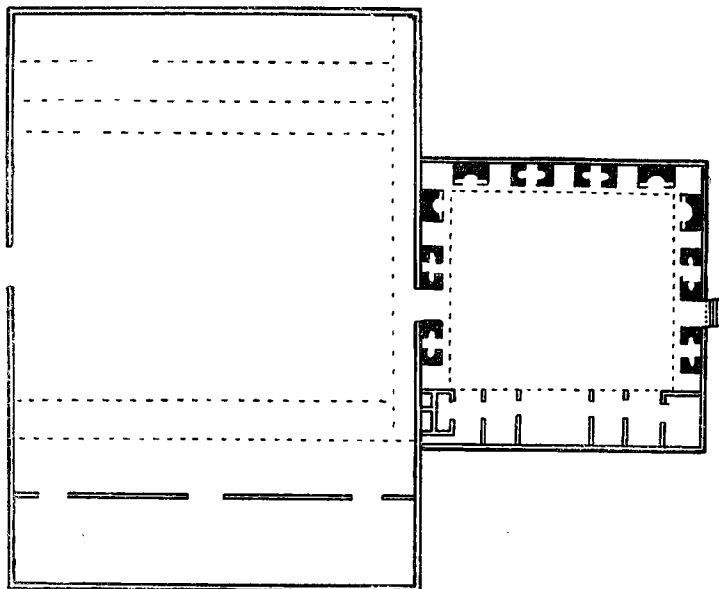
Естественно, что наиболее полное воспитание получали дети имущих родителей, имевшие возможность посылать своих детей в частные школы — к учителям грамматики, музыки и гимнастики. Опять-таки воспитание давали своим детям только те, кто «имеют средства, а имеют средства те, кто богат. Их дети раньше всех начинают свое образование и оканчивают последними», — писал Платон в уже цитированном нами выше «Протагоре». Для неимущих или для лиц, имеющих недостаточно средств, оставалась возможность предоставить своим детям лишь ту скудную часть воспитания и

образования, которая давалась за счет государства и осуществлялась в гимназии и в военных лагерях. Но с точки зрения господствующих классов как раз эти части воспитания и являлись наиболее важными и существенными для военно-рабовладельческого полиса, так как через них создавалось крепкое и хорошо обученное гражданское ополчение. Не случайно афинское государство, предоставив дело умственного воспитания частной инициативе и сосредоточив его в несубсидируемых государством школах, в руках частных учителей, оставило за собою организацию физического воспитания, создав для него соответствующие учреждения — гимназии, содержавшиеся на государственный счет и контролируемые государственными чиновниками. Поскольку эти учреждения принадлежали государству, в них был открыт свободный доступ каждому свободнорожденному греку, и каждый афинянин мог получать в них соответствующую физическую подготовку, необходимую для выполнения его военных обязанностей. Больше того, при переходе юноши в разряд эфэбов государство оказывало материальную помощь неимущим, приобретая за свой счет военное снаряжение, торжественно вручавшееся эфебу на народном собрании.

Военно-рабовладельческий полис — Афины, заинтересованный в физической подготовке своих граждан в целях качественного улучшения гражданского ополчения, создал прекрасные по тому времени учреждения для физической подготовки — гимназии, по примеру которых позднее стали создаваться подобные же учреждения и в других греческих полисах.

Гимназия являлась учреждением, где афинская молодежь под руководством педотрибов занималась разнообразными видами физических упражнений. Слово «гимназия», происходящее от греческого «гимнос» — нагой, само говорит о характере этого учреждения. Первоначально гимназии в простейшем своем виде представляли собою участок сада, окруженный стенами. Но с течением времени устройство их все более усложнялось, в них отводились специально оборудованные площадки для различных учреждений, строились монументальные здания, где молодежь готовилась к упражнениям или же занималась некоторыми упражнениями, которые можно было проводить в закрытом помещении. Первые публичные гимназии были созданы в Афинах в VI в. до н. э., а в V в. их планировка и архитектура достигли наибольшего совершенства. В V в. афинские гимназии представляли собою как бы физкультурные городки, состоявшие из обширного плаца для упражнений на открытом воздухе, с тенистыми аллеями, и из палестры — закрытого помещения для некоторых видов упражнений и для всякого рода процедур, связанных с выполнением упражнений. Наиболее полное описание греческих гимназий оставил римский архитектор Витрувий.

Согласно Витрувию, а также другим источникам, главным сооружением гимназии являлась палестра — большое четырехугольное здание с внутренним двором около 400 м в окружности. Внутренний двор палестры предназначался для разнообразных упражнений, главным образом для борьбы, но иногда засаживался деревьями и тогда служил местом отдыха занимающихся. Передняя часть здания палестры состояла из целого ряда помещений, имевших специальное назначение.

План гимназии по Витрувию

В центре передней части корпуса находилось большое крытое помещение — эфебейон, где собиралась молодежь и где проводились упражнения во время плохой погоды.

Рядом с эфебейоном находился корикейон — мешочная, где упражняющиеся раздевались. Каждый юноша, приходя в гимназию, приносил с собой мешок — корикос, куда складывал свою одежду, и вешал этот мешок в корикейоне на стену. В корикейоне же производили и некоторые упражнения, в частности упражнения для тренировки к кулачному бою. Для этих упражнений в комнате имелись специальные мешки, наполненные песком, мукой или пухом, подвешенные к потолку и служившие своеобразным тренировочным снарядам. Иногда в качестве такого снаряда использовались и мешки с одеждой занимающихся.

В передней же части палестры находились помещения для специальных процедур, введенных греками перед началом

упражнений. Одно из таких помещений — элеотезий — предназначалось для смазывания тела маслом. У греков существовал обычай перед упражнением намазывать тело. В представлении древних эта процедура имела целью сделать кожу более упругой. Другое помещение — конистерий (песочная) — предназначалось для посыпания тела песком. Здесь лежали кучи очень мелкого песка, который иногда специально привозился с Нила (из Египта). Греки посыпали свое тело этим песком через сито, а иногда просто валялись в песочных кучах. Посыпание песком имело главной своей целью сделать более возможными захваты при борьбе.

Наряду с комнатами для процедур перед упражнениями, палестра включала в себя и помещения для процедур, проводившихся после упражнений.

По окончании упражнений греки обычно особым каменным скребком (стригилом) счищали со своего тела корочку, образовавшуюся от оседания пыли и песка, обмывали тело сначала теплой водой, потом холодной и затем снова смазывали его маслом. В соответствии с этим в палестрах имелся ряд помещений, предназначавшихся специально для очищения тела: имелось помещение для обмывания тела холодной водой, особые помещения для потения — комната, наполненная горячим паром, и комната с сухим разогретым воздухом, и, наконец, имелось помещение для обмывания тела горячей водой (баня). Поскольку для гимназии вода, в связи с этими процедурами, играла значительную роль, старались строить гимназии вблизи от ручьев и снабжать их специальными сооружениями для подачи воды.

Все перечисленные помещения находились в передней части здания палестры. Остальные части здания были заняты под трапезную, под комнаты для судей и наставников, часть здания отводилась под храм. Снаружи к стенам палестры примыкали небольшие портики, в которых проводили свои беседы философы.

К задней части палестры обычно примыкал обширный плац, часть которого засаживалась деревьями и образовала тенистый сад. Часть плаца отводилась для упражнений в беге; на ней были проложены беговые дорожки длиной в 1 стадий (192 м), откуда и название этой части — стадий. На этом же плацу, обычно рядом со стадиом, отводилось особое место для борьбы и кулачного боя и для других упражнений. Здесь же иногда устраивались большие крытые галереи, предназначавшиеся для упражнений при плохой погоде. Вокруг плаца или по одной из его сторон часто устраивались места для зрителей, приходивших наблюдать упражнения и соревнования молодежи.

Гимназии были открыты с восхода и до захода солнца и в отличие от частных палестр, в которых занимались маль-

чики до 14—16 лет, были доступны для всех граждан всех возрастов. Взрослые афиняне часто приходили в гимназию не только для того, чтобы посмотреть на занятия юношей, но и для того, чтобы поупражняться самим или послушать беседы философов.

Гимназии обслуживались довольно значительным количеством лиц, частично назначавшихся для ведения той или иной работы, частично избиравшихся народным собранием. Управлялась гимназия советом — «ареопагом», состав которого избирался афинскими гражданами. Во главе ареопада стоял гимназиарх, избиравшийся обычно на один год. Гимназиарху принадлежала высшая власть в гимназии. В качестве непосредственных руководителей занятий с молодежью выступали особые учителя — педотрибы и гимнасты. Между этими двумя категориями руководителей было существенное различие. Педотрибы обучали физическим упражнениям вообще, не преследуя каких-либо специальных целей. Работа гимнастов связывалась чаще всего с какими-либо специальными задачами; в отдельных случаях на их обязанности лежала подготовка участников больших соревнований. Нередко гимнасты преподавали только один какой-нибудь вид упражнений; так, среди них были специалисты по борьбе, панкратиону, кулачному бою и т. д. Хотя гимнасты в части, касающейся физических упражнений, являлись довольно узкими специалистами, но от них требовались большие знания в других областях, в частности в медицине и педагогике. На обязанности гимнастов, кроме специальной подготовки участников соревнований, лежало также наблюдение за влиянием упражнений на организм и за соблюдением тех гигиенических правил, которые в то время существовали, т. е. за растиранием тела маслом, за очищением тела и т. д. К учителям гимназий, как педотрибам, так и к гимнастам, предъявлялись высокие требования: они должны были уметь быстро и хорошо распознавать характер ученика, не должны были быть болтливыми, но в то же время не должны были быть молчаливыми¹.

Кроме этих непосредственных руководителей, при гимназиях имелся большой обслуживающий персонал: «алипты», мазавшие тело занимающихся маслом, банщики, привратники, сторожа и т. д. Весь этот штат содержался за счет государства. В период наивысшего расцвета Афин, в V в. до н. э., в городе имелись две публичные гимназии. Но, кроме публичных гимназий, существовали гимназии частные, организованные наиболее богатыми афинскими аристократами для себя и своих детей.

Уделяя большое внимание вопросам физического воспитания граждан, затрачивая большие средства на устройство

---

¹ F. Mezö. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 194.

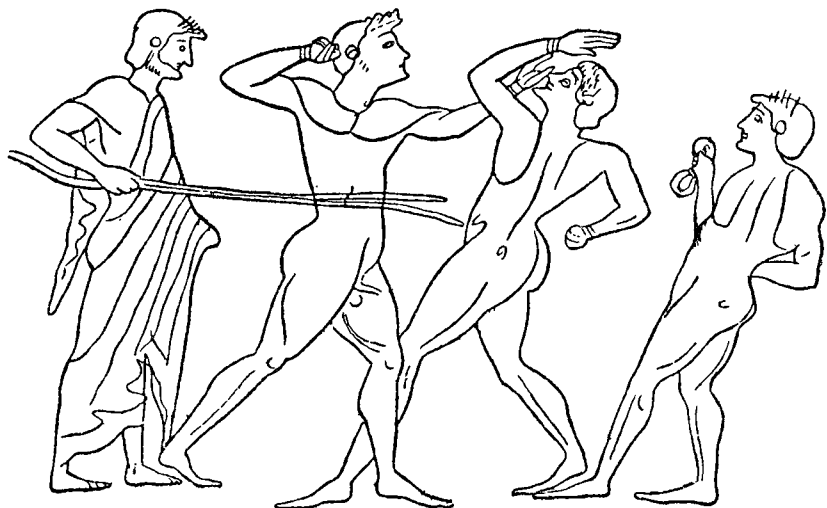
и содержание специальных учреждений — гимназий, Афинское государство вместе с тем преследовало цель воспитать в своих гражданах прежде всего хороших солдат, могущих составить стойкое войско. Гимназии были доступны для всех и должны были охватить физической подготовкой все афинское население. Однако вряд ли они оправдывали себя в этом отношении.

Афинские граждане жили не только в городе Афинах, но и в окружающих деревнях, отстоящих от города на расстоянии 1—2 дней пути. Эти жители, обитавшие за пределами города, были преимущественно крестьяне, мелкие земледельцы, которые, конечно, не могли отправлять своих детей специально для занятий в гимназиях и тем более не могли идти упражняться сами. Да и в самом городе многочисленный слой ремесленников и рыбаков вряд ли мог найти достаточно времени, чтобы регулярно посещать гимназии и заниматься физическими упражнениями. Поэтому надо полагать, что в основном круг посещавших гимназии, как правило, ограничивался кругом наиболее зажиточных и привилегированных граждан Афин.

Однако этот круг был более широким, чем круг граждан, посылавших детей к частным учителям. Основная же масса афинских жителей (крестьяне и ремесленники), составлявшая при наборе войск легковооруженную пехоту, фактически не имела возможностей заниматься своим физическим совершенствованием и вступала в народное ополчение без достаточной подготовки. Но все же свидетельства позднейших греческих писателей и греческие легенды приводят целый ряд примеров стойкости, выносливости и тренированности афинских воинов, относящихся главным образом к периоду греко-персидских войн. Такова легенда о прославившихся своим искусством в плавании и нырянии Скиллиде и его дочери Гидне, которые погубили большое количество кораблей персидского флота, подплыв к ним ночью во время бури и перерубив канаты якорей. Таков замечательный эпизод о знаменитом марафонском воине, который, после продолжительного сражения с персами под Марафоном, нашел в себе достаточно сил и выносливости, чтобы пробежать с поля битвы в Афины (42 км) и первым сообщить афинянам радостную весть о блестящей победе. Таков, наконец, рассказ Геродота о той же Марафонской битве, о том, как афинское тяжеловооруженное войско с полной боевой выкладкой на расстоянии 8 стадий (около 1½ км) бросилось на персов, пробежало это расстояние в очень короткий срок и внезапностью удара смяло численно превосходящие силы противника.

В противоположность Спарте, в Афинах в воспитании женщины меньше всего выступал физкультурный элемент. Афинская женщина была в гораздо более придавленном и подчиненном положении, чем женщина Спарты, и стояла вдалеке

от общественной жизни своего государства. Она была только хозяйкой своего дома, ее обязанностью было только следить за детьми, за домом, за прислугой да иногда участвовать в религиозных церемониях. В соответствии с этим складывалось и воспитание афинской девушки, состоявшее главным образом из обучения рукоделию, используемому для дома, музыке и танцам, необходимым при совершении религиозных обрядов.

Кулачный бой

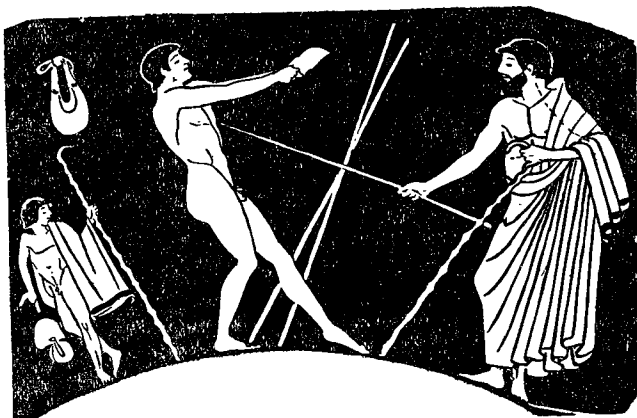
Широко развивавшееся и получившее государственное признание физическое воспитание располагало для осуществления своих целей богатым комплексом разнообразных физических упражнений и игр, объединявшихся под общим названием «гимнастика».

Термин «гимнастика» появился сравнительно поздно. Он получил распространение только в V в. до н. э. и применялся для обозначения комплекса физических упражнений, используемых с определенной образовательной целью (в частности в целях военной подготовки), а позднее (уже в период упадка Афин) — с лечебной целью. Гимнастике, как комплексу развивающих упражнений, противопоставлялась агонистика, включавшая в себя упражнения или варианты упражнений, применявшиеся лишь для показа высоких результатов в публичных состязаниях.

Греческая гимнастика по составу входивших в нее упражнений подразделялась на три раздела: палестрику, орхестрику и игры¹.

¹ П. Ф. Лесгафт. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. 1912. Ч. 1, стр. 10.

Палестрика включала в себя все упражнения, которыми больше всего занимались в гимназиях и которые имели наиболее близкое отношение к разрешению главной задачи физического воспитания — военной подготовки. Сюда входили: пятиборье, состоявшее из бега, прыжков, метания копья, метания диска и борьбы, кулачный бой, упражнения с пращей, стрельба из лука, верховая езда, езда на колесницах, плавание и пр. Сюда входили различные виды бега, как-то: стадион — бег на 1 стадий (192 м), диаул — бег на 2 стадия (384 м), делиходром — бег на выдержку, бег с факелами, устраивавшийся обычно при проведении культовых обрядов,

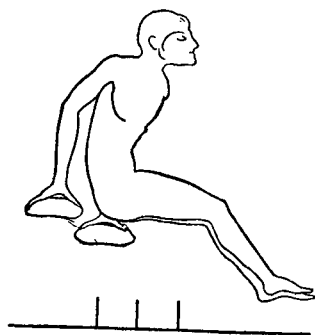

Прыжок с гантелями
(рисунок на вазе V в. до-н. э.)

бег в вооружении, используемый и как гимнастический бег в гимназии и как элемент агонистики на публичных состязаниях. Сюда же входил и своеобразный вид бега «вперед и назад без поворотов», применявшийся в гимназии как учебный бег¹. Он состоял в следующем: на земле проводилась черта длиной около 44 м, которая разбивалась на 22 равных отрезка. Упражняющийся становился на одном конце черты и отсюда, по знаку педотриба, бежал до противоположного конца; добежав до конца черты, он, не поворачиваясь, задом бежал обратно до первой отметки от начала, затем снова бежал вперед до первой отметки от конца, отсюда снова задом до второй отметки от начала, потом опять вперед до второй отметки от конца и т. д. Добежав таким образом до центрального отрезка, упражняющийся тем же самым способом бежал обратно и заканчивал бег на том же месте, где он его начинал, покрыв в общей сложности расстояние около 1 км.

¹ П. Ф. Лесгафт. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. 1912. Ч. 1, стр. 15.

Наряду с бегом в состав палестрики входили упражнения в метании копья и метании диска, применявшиеся и как образовательное средство и как агонистика. При обучении детей и юношей метанию в качестве подготовительного упражнения применялось метание мяча и вообще игра с мячом. В палестрику включались также прыжки в длину. Для детей в качестве подготовительного упражнения к прыжкам практиковалась игра со скакалкой. Подобно метанию, прыжки выступали как образовательное средство в гимназиях и как элемент агонистики. Агонистические прыжки проводились с применением гантелей. Видное место в составе палестрики занимала борьба, рассматривавшаяся как одно из лучших средств для общего гармонического физического развития. Пять упражнений: бег на 1 стадий, метание копья, метание диска, прыжки и борьба объединялись в единый комплекс — пятиборье. Кулачный бой и панкратион (соединение борьбы и кулачного боя) также составляли существенную часть греческой гимнастики и агонистики. Как чисто военные упражнения, палестрика включала в себя упражнения с пращей, стрельбу из лука, верховую езду и езду на колесницах; последняя, правда, выступала главным образом как элемент агонистики. Особое место в составе палестрики занимало плавание, на которое обращалось очень большое внимание.

Прыжок с гантелями
(рисунок на вазе VI в. до
н. э.)

Вторая часть гимнастики — орхестрика — включала в себя всевозможные танцы, игравшие большую роль в Греции при совершении культовых церемоний и в публичных зрелищах. В соответствии с этим танцы разделялись на культовые и обиходные.

К культовым, религиозным танцам относились танцы, посвященные тем или иным божествам, нередко сопровождавшиеся хорами. Большое место в культовых танцах занимали танцы с оружием, так называемые пиррические или военные танцы. Таковы были, например, танцы в честь Аполлона, исполнявшиеся в Спарте взрослыми и мальчиками и имитировавшие движения воинов в бою.

К обиходным танцам относились танцы, устраиваемые при театральных представлениях, а также народные танцы, исполнявшиеся во время общественных празднеств.

Из игр, составлявших третью часть греческой гимнастики, необходимо прежде всего остановиться на играх с мячом, получивших широкое распространение как среди взрослых,

так и среди детей¹. Иногда для игры в мяч в гимназиях отводились специальные помещения, так называемые сферистерии. Большой популярностью среди греков пользовалась игра под названием файнинда, заключавшаяся в перебрасывании друг другу маленького мяча ладонью руки; участвовало в игре два игрока.

Не меньшей популярностью, особенно в Спарте, пользовалась игра, носившая название эпиксирос. Суть ее состояла в следующем: игроки составляли две партии; поле игры делили чертой на две равные половины; игроки становились по обе стороны этой черты; позади каждой партии проводилось еще по черте, и каждая партия стремилась забросить мяч за эту вторую черту на территории своего противника. Правила игры, видимо, были различны: в одних случаях подбрасывать мяч можно было только рукой, в других — только ногой, иногда — и рукой и ногой.

Из других игр надо отметить игры с удержанием равновесия. Здесь были игры, напоминающие современный «бой петухов», когда играющие, прыгая на одной ноге, толкают друг друга. Были игры с пузырем, когда один из игроков становился на бычий пузырь, а другие старались его столкнуть.

Большим распространением пользовались игры с перетягиванием каната или палки. Среди детей любимой игрой была игра, напоминающая современные жмурки, прятки и т. д.

Весь этот богатый комплекс физических упражнений, объединявшийся под общим названием «гимнастика» и используемый прежде всего как средство для воспитания воинских качеств в гражданах греческих полисов, нашел яркое отражение в произведениях греческого искусства и прежде всего — искусства Афин в период их расцвета. Мастера вазовой живописи и мастера скульптуры широко использовали физкультурную тематику в своих произведениях и создали целый ряд изображений идеальных многосторонне развитых физкультурных типов. Такие произведения, как «Дискобол» Мирона или «Диадумен» и «Дорифор» Поликлета, изображающие типы атлетов с идеальными гармонически развитыми формами тела, могли появиться только при наличии оригиналов, обладающих многосторонним физическим развитием, явившимся результатом систематического использования всего богатого комплекса упражнений греческой гимнастики.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

(Эпоха расцвета — по V в. до н. э.)

В истории физической культуры древней Греции наряду с системами физического воспитания, развившимися в Спарте и Афинах, несомненно одним из наиболее ярких явлений

¹ Gardiner. Athletics of the ancient world. 1930. Стр. 230 и сл.

были Олимпийские игры, проводившиеся в течение более 1000 лет в городке Олимпии.

В литературе, посвященной древнегреческим Олимпийским играм, довольно распространенным является утверждение, что Олимпийские игры ведут свое начало с 776 г. до н. э. Такое мнение не верно. Несомненно, что зарождение Олимпийских игр надо искать в более глубокой древности, задолго до образования государств, в период господства родоплеменных отношений. 776 год до н. э. является годом, когда Олимпийские игры уже получили в Греции всеобщее признание как мероприятие огромной общественно-политической важности, имеющее общегреческое значение. Именно с этого года в Греции вводится счет времени по олимпиадам. Вне всякого сомнения, что прежде чем получить такое признание, игры должны были пройти долгий путь в своем развитии. И действительно, о существовании подобных игр, которые можно считать родоначальниками Олимпийских празднеств, говорят многочисленные греческие предания и легенды, относящиеся еще к догомеровской эпохе.

Олимпийские игры происходили в Олимпии, расположенной в Элиде¹ при впадении речки Кладея в реку Алфей. Древнегреческие предания считают эту территорию местом обитания мифических пеласгов, куда впоследствии вторглись ахейские племена под предводительством легендарного Пелопса. Те же предания рассказывают об учреждении в честь Пелопса на берегах Алфея пышных погребальных игр, соединенных с культом пеласгического Зевса. Другие предания, связанные с именем Геракла, приписывают последнему возрождение игр Пелопса и придание им общегреческого характера; они называют Геракла основателем Олимпийских празднеств. Более поздние легенды связывают начало проведения Олимпийских игр с заключением священного союза между Спартой в лице ее мифического законодателя Ликурга и Элидой в лице ее правителя Ифита.

Было бы неверным игнорировать данные этих легендарных сказаний и начинать историю Олимпийских игр со времени их признания как общегреческих празднеств в 776 г. до н. э.

Дискобол
(статуя V в. до н. э.)

¹ Элида — одно из государств Греции (Эллады).

Можно считать бесспорно доказанным существование на территории Греции задолго до образования греческих государств многочисленных культовых празднеств и церемоний, включавших в себя элементы спортивных состязаний. Таковыми являются древние празднества на Крите и в Микенах, справедливо вызвавшие и вызывающие к себе громадный интерес исследователей истории древнейших культур. Знаменитые игры с быком, фигурирующие на многочисленных фресках и на художественных вазах Крита и Микен, изображения сцен кулачного боя и состязаний в беге на памятниках крито-микенской культуры — все это является элементами прочно утвердившихся родоплеменных празднеств, тесно связанных с родоплеменными культовыми церемониями. Гомеровские поэмы содержат прекрасные описания подобных празднеств, сопровождавшихся спортивными состязаниями. Таковы погребальные игры, устроенные в честь Патрокла и описанные в «Илиаде». В этих играх спортивный элемент в виде состязаний воинов-героев в беге, прыжках, борьбе, кулачном бое и пр. выступает с необычайной яркостью. Широкое распространение подобных празднеств на территории древнейшей Греции позволяет с полной обоснованностью предполагать, что и Олимпийские игры в своей первоначальной форме были одним из подобных многочисленных празднеств, имевших местное значение и проводившихся в рамках определенной родоплеменной группы.

Прообразом таких празднеств можно считать племенные празднества Крита и Микен с их торжественными культовыми шествиями, проходившими по «священной тропе» сценических площадок Феста и Кносса.

В позднейшей Греции мы встречаем подобные же пышные торжества, несомненно, выраставшие из племенных торжественных церемоний, аналогичных крито-микенским празднествам. Таковы Элевсинские мистерии, связанные с культом Деметры, Персефоны и Диониса — богов земли и плодородия, состоявшие в торжественной земледельческой процессии по священной дороге из Афин в Элевсин и заканчивавшиеся драматическими представлениями на сюжеты из жизни богов. Таковы Панафиней, справлявшиеся в Афинах в честь богини Афины, заключающиеся в торжественной процессии с перенесением платья богини и сопровождавшиеся драматическими представлениями и музыкальными и гимнастическими выступлениями. К этой же категории празднеств, несомненно, надо отнести и празднества в Олимпии, культовый характер которых выступал почти на всем протяжении существования игр.

Тот факт, что, как говорит предание, Олимпийские празднества получили широкую популярность в Греции с заключением священного союза между Ликургом Спартанским и Ифитом Элидским, дает основание предполагать, что игры.

и до этого времени бесспорно существовавшие, носили ограниченный местный характер. Вероятно, первоначально это был племенной праздник, в котором участвовали представители родов, входивших в состав племени. Посвященный Зевсу — богу богов, властителю природы, этот праздник впоследствии становится праздником союза племен, в котором выступают уже представители не только отдельных родов, но и отдельных племенных групп, а в дальнейшем принимает и общегреческий характер. Первоначально содержание праздника, вероятно, ограничивалось только культово-магическими церемониями, выражавшимися в процессиях и жертвоприношениях; надо думать, что, подобно таким же праздникам крито-микенской эпохи, ведущую роль в нём играли женщины-жрицы, о чем можно судить по сохранившейся и впоследствии почетной роли жрицы богини Деметры при проведении Олимпийских торжеств. Можно предполагать даже, что в древнейшую пору своего существования, уходящую, несомненно, в эпоху материнского права, праздник в основе сводится к почитанию женских божеств земли и плодородия. На это указывает сохранившийся здесь храм и культ Геры — сестры и жены Зевса, по первоначальным воззрениям греков, вероятно, считавшейся самостоятельной богиней земли и плодородия. Культ мужских божеств, в частности культ «громовержца» Зевса, властителя мира, сложился, несомненно, позднее — в эпоху уже развившегося патриархального общества. «Религиозный мир есть только отражение реального мира», — писал Маркс, и мужские божества греков во главе с Зевсом, обосновавшиеся на Олимпе, как раз и отражали беспокойный, воинственный, шумный реальный мир эпохи господства отцовского права. Вместе с утверждением в празднике культа мужских божеств, вероятно, наряду с культово-магическими церемониями появились и элементы спортивных состязаний. Дальский, говоря о кулачном бое и военизированном беге в составе крито-микенских празднеств, справедливо замечает, что они «отражали усиливающуюся роль героической личности мужчины в развивающемся патриархальном обществе». С этой точки зрения

Дискобол
(скульптура Мирона. V в. до н. э.)

и древнейшие сказания о начале Олимпийских игр, отражавшие «усиливающуюся роль героической личности мужчины», приобретают для нас определенное значение.

Одной из древнейших легенд, связанных с началом Олимпийских состязаний, является легенда о Пелопсе и Гипподамии. Пелопс — внук Зевса, сын Тантала — отправился в Пису, один из городов Элиды, свататься за Гипподамию, дочь властителя Писы Эномаю. Эномаю было предсказано оракулом, что если его дочь выйдет замуж, то он умрет. Чтобы отсрочить день смерти, Эномай всем женихам, сватающимся к его дочери, ставит условие, чтобы они состязались с ним в беге колесниц от города Писы до храма Посейдона на Истме, причем если Эномай догонял жениха, он пронзал его сзади копьем. Хотя много юношей уже погибло в этих состязаниях, Пелопс принял условия Эномаю и, как любимец Посейдона, победил Эномаю и завладел дочерью его, а с нею и его страной. Получив Пису, а вскоре завладев и священную Олимпию, Пелопс, по словам легенды, в воспоминание о своей победе учредил на Олимпийском празднике состязания. Другие легенды рассказывают, что на том же Олимпийском празднике после смерти Пелопса, сильнейшего властителя Пелопоннеса, проводились погребальные игры в воспоминание о его героических подвигах и мужестве.

Прекрасная легенда об Эндимионе и его трех сыновьях является вариантом той же темы о мужской героической личности, возвышающейся над другими и становящейся в ряд крупнейших родовладельцев. По этой легенде, прекрасный Эндимион, любовник Селены и властитель Элиды, заставляет своих трех сыновей, Эпея, Этола и Пэона, состязаться в беге на священном празднике в Олимпии, обещая победителю в качестве награды господство над Элидой. Здесь, в этом мифе, власть родовладыки, могущественного и храбрейшего мужа из всех мужей рода, как бы освящается богами, в честь которых совершается праздник. Победивший в состязании на празднике выступает как бы избранником богов, которые отметили его мужество и предназначали ему владычество над людьми.

Этот же мотив восславления героизма и силы лежит и в основе мифа об устройстве Гераклом состязаний на том же празднестве в Олимпии. После выполнения Гераклом, как гласит предание, одной из 12 работ, порученных ему Эврисфеем (очищение Авгиевых конюшен), и последующего похода на Авгия, уничтожения его богатства и опустошения его земли — Геракл в Олимпии учредил состязания, опять-таки как бы демонстрирующие героическую силу победившего племени, силу, освященную самими богами.

Таким образом, уже в древнейший период своего существования Олимпийский праздник, являясь племенным культовым

праздником, несомненно способствующим сплочению составных частей племени (а может быть, и союза племени), в то же время включал в себя, судя по данным легенд и преданий, и элементы спортивных состязаний. Эти состязания отображали возрастающую роль героической личности мужчины-родовладыки, а по мере усиления в роде ведущей роли военно-земледельческой родовой знати — и силу этой последней.

Значение олимпийского праздника, как фактора объединения и сплочения греческих племен на поздней стадии развития родового строя, особенно ярко подчеркивают сказания об Ифите Элидском. Согласно этим сказаниям, Ифит, владыка Элиды, видя беспрестанные распри и войны между греческими племенами и желая умиротворить эллинов¹, обратился за помощью к богам. Боги через жрецов Элиды внушили Ифиту мысль об организации праздника дружбы эллинов. Веление богов Ифитом было истолковано как указание на необходимость восстановления и регламентирования прежде часто проводившегося, а ко времени Ифита забытого, олимпийского праздника. Ифит возобновил этот праздник и заключил с правителем одного из сильнейших греческих племен — Ликургом Спартакским — договор, по которому Олимпия признавалась священным местом для всех граждан, и тот, кто нарушал святость ее вооруженным вторжением, признавался богоотступником. Текст этого договора был высечен на металлическом диске, и Павзаний, спустя 100 лет, уже во II в. н. э., видел этот диск, хранившийся в храме Геры в Олимпии².

О том, как проводился олимпийский праздник при Ифите, через какие промежутки он повторялся, исторических данных не сохранилось. Первые достоверные данные о празднике относятся к 776 г., когда вводится запись имен победителей на играх и устанавливается счет времени по олимпиадам.

¹ Греки называли себя эллинами, а свою страну Элладой. Название «греки» дано им римлянами.

² F. Mező. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 19.

Бег стадион
(рисунок на вазе)

Олимпийский праздник, получивший общегреческое признание в 776 г. до н. э. фактом установления счета времени по олимпиадам, в дальнейшем обнаружил быстрый рост своего значения и на протяжении VI и V вв. до н. э. достиг своего наивысшего развития.

Этот праздник, состоящий из многочисленных культовых церемоний и спортивных состязаний, сначала проводившийся в течение одного дня, к V в. (к 468 г. до н. э.) вылился уже в грандиозное торжество, длившееся 5 дней и привлекавшее к себе жителей всех греческих государств. Время проведения праздника падало на «священный месяц» — иеромения, начинавшийся с первого новолуния после летнего солнцестояния.

Когда праздник продолжался один день, он обычно устраивался в 18-й день «священного месяца», а с удлинением продолжительности до 5 дней он проводился с 11 по 16 число «священного месяца», т. е. в период полнолуния. Праздник повторялся через каждые четыре года, вернее, через каждые 1417 дней, которые и составляли олимпийский год (олимпиаду).

На протяжении всего «священного месяца» во всей Греции объявлялся «священный мир», исходя из договора легендарного Ифита. С приближением праздника специальные послы расходились по всем греческим государствам, объявляя о дне празднеств и провозглашая священный мир. Всякие войны должны были прекращаться на это время, и, в соответствии с договором Ифита и Ликурга, сделавшимся общепризнанным для всей Греции, всякий отряд, вступивший на территорию Элиды, должен был сложить оружие.

Ко времени начала празднества в Олимпию стекались со всех концов паломники: шли из ближайших городов, шли из отдаленных греческих колоний, из Малой Азии и даже из Африки. Все прибывавшие сюда считались гостями Зевса. Наряду с отдельными греками, шедшими в Олимпию по своей инициативе, сюда направлялись и официальные представители различных греческих государств. Поскольку Олимпия не была городом, имевшим постоянное население (в нем жили лишь лица, связанные с храмами олимпийских богов), все прибывающие на праздник располагались вокруг Олимпии в шатрах или даже под открытым небом. Сюда же прибывали торговцы со своими товарами. Прибывшие на праздник должны были выполнить церемонию жертвоприношения олимпийским богам, причем особенной торжественностью обставлялись церемонии жертвоприношения на алтарь Зевса официальными делегациями отдельных греческих государств.

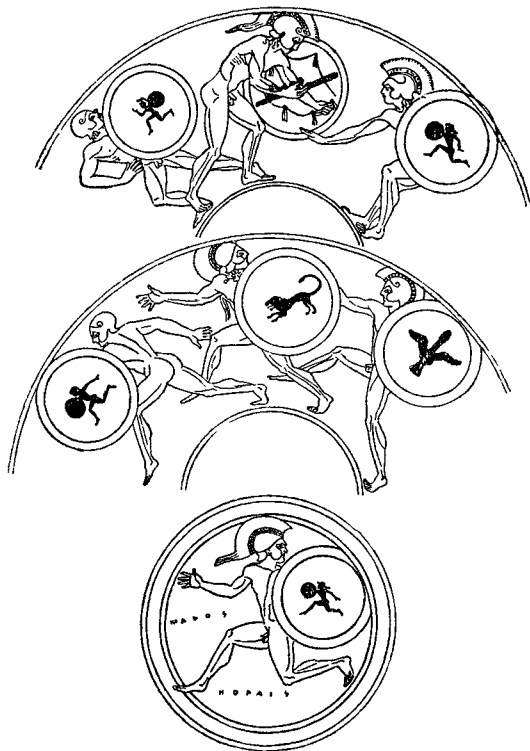
Напоминая церемониал прохождения по «священной тропе» представителей родов в племенных празднествах эпохи родового строя, представители государств во главе со своим старейшиной в белых одеяниях, расшитых золотом, вступали

в Алтис и направлялись к храму Зевса, в котором находилась величественная статуя бога богов, сделанная из золота и слоновой кости крупнейшим художником древности Фидием. Позади официальных представителей шли юноши из аристократических семей данного государства, а за ними рабы, несшие приношения богам. Совершив обряд жертвоприношения Зевсу, процессия направлялась к храмам других богов, где тоже выполняла соответствующие церемонии. По Пиндару, эти церемонии и обряды заполняли один из дней в середине праздничного периода.

Но главным содержанием праздника, заполнявшего большую часть праздничного времени, были спортивные состязания, устраивавшиеся на стадионе, расположенном около Алтиса и входившем в общий комплекс сооружений священной Олимпии.

Алтис, главное святилище Олимпии, находился у подножия южных склонов Кроносского холма, имея форму четырехугольника, обнесенного с южной и западной стороны стенами, по преданию, сооруженными Гераклом. Размеры площадки Алтиса простирались на 200 м с запада на восток и на 175 м с севера на юг.

В юго-западной части Алтиса высился величественный храм Зевса, позади которого, окруженное оградой, росло священное оливковое дерево. К северу от храма Зевса находился холм, окруженный стеной в виде пятиугольника; этот холм, по преданию, представлял собою могилу Пелопса. Еще дальше на север, у подножия Кроносского холма, лежал храм Геры, где долгое время хранился диск с высеченным на нем текстом упомянутого выше договора Ифита

Бег в вооружении

(по рисунку на вазах V в. до н. э.)

Элидского и Ликурга Спартанского. Здесь же, в Алтисе, в северо-западной стороне, располагался ряд строений — камер, где хранились драгоценности, принесенные в Олимпию почитателями олимпийских божеств: дары отдельных греческих государств и городов и дары отдельных греческих граждан. Между всеми этими строениями Алтиса находилось множество (до 70) алтарей, на которых приносились жертвы многочисленным богам, почитавшимся в древней Греции.

На территорию Алтиса доступ был возможен через ряд ворот, расположенных в западной и южной стороне. Главный вход, богато украшенный, через который направлялись в Алтис торжественные процессии, находился в южной части западной стены.

К северо-востоку от Алтиса находился стадион, лежавший в углублении, метра на 4 ниже Алтиса. Он был соединен с Алтисом подземным ходом, тянувшимся на протяжении 32 м. Через этот ход участники состязаний в сопровождении судей после принесения жертвы богам выходили на стадион для соревнований.

Самый стадион представлял вытянутую с запада на восток площадку, длиною 213,75 м и шириною в западной части — 28,6 м и в восточной — 29,6 м. Раскопками остатков стадиона обнаружено, что с обоих его концов, перпендикулярно оси длины, были устроены как бы два порога, выложенные из каменных плит шириною до 80 см. Во всю длину этих каменных порогов шли два параллельных желобка глубиною около 2 см и шириною до 4 см; расстояние между этими желобками было 16 см. Вероятно, эти пороги были местом старта для олимпийских бегунов, а желобки на них служили для упора ног. На обоих порогах раскопками обнаружен был, кроме того, ряд кругообразных углублений, отстоящих друг от друга на расстоянии 124—141 см. На восточном пороге таких углублений было обнаружено 21. Вероятно, эти углубления являлись местами, где когда-то стояли колонны, отделявшие места старта участвующих в состязании бегунов. Подобные же сооружения были найдены не только на олимпийском стадионе, но и на других стадионах древней Греции, в частности особенно хорошо они сохранились в Дельфах. Судя по количеству выемок для колонн на олимпийском стадионе, на нем могли принимать участие в состязаниях одновременно 20 бегунов.

Павзаний говорит, что стадион в Олимпии был обнесен насыпью из земли. Вряд ли, однако, это утверждение Павзания полностью справедливо, так как с восточной и северной сторон стадион был ограничен естественными возвышениями — Кроносским холмом, и искусственный вал был возможен только с южной стороны. По Павзанию, на этой насыпи были устроены места для судей. Здесь же, видимо, находились и места для наиболее знатных гостей. Вообще для зрителей олимпийский стадион не имел специально устроенных мест, и зри-

тели, собиравшиеся в Олимпии в количестве до 40—50 тыс., располагались, сидя или лежа, прямо на склонах Кроносского холма.

К числу сооружений Олимпии, имевших теснейшую связь с праздником и с происходившими во время его спортивными выступлениями, принадлежала также гимназия, расположенная к северо-западу от Алтиса.

Олимпийская гимназия занимала обширную площадь, простиравшуюся на 220 м с севера на юг и на 120 м с запада на восток. Она представляла собою обширный двор, окруженный колоннадой, на котором были устроены дорожки для бега, места для метания, для борьбы и т. д. В северной части гимназической площадки в Олимпии находилось любопытное сооружение, смысл которого до сих пор остается неразгаданным. Там на земле была устроена площадка из глиняных плит; размер площадки 5,44 м на 24,8 м. Плиты, составлявшие площадку, были двух видов: с гладкой поверхностью (типа черепиц для крыш) и с гофрированной поверхностью. Вся площадка состояла из 12 ячеек, составленных из разных плит; в середине площадки лежали друг против друга две ячейки, сложенные из гладких плит, направо и налево от них располагалось по 4 пары ячеек из гофрированных плит, и, наконец, края площадки снова замыкались двумя парами ячеек из гладких черепиц¹. Несомненно, что эта площадка, выложенная гофрированными плитами, служила местом для каких-то упражнений, при которых требовалась особая устойчивость ног.

Предполагают, что данная площадка представляла собою двухколейную дорожку для прыжков; другие считают, что это было специальное место для борьбы; наконец, третьи предполагают, что здесь было место для учителей гимнастики и судей, которые отсюда наблюдали за ходом упражнений. Нам кажется, что в данном сооружении правильнее было бы видеть место для прыжков.

В пределах того же гимназического двора были положены аллеи с тенистыми деревьями, где атлеты отдыхали после упражнений. Здесь же стояли высеченные из мрамора статуи наиболее знаменитых победителей в олимпийских состязаниях. В центре гимназического двора находилось каменное здание—палестра, размерами 66,35 м на 66,75 м. Это здание предназначалось для разных упражнений, а также для разного рода процедур, связанных с упражнениями. Здесь имелись комнаты для игр в мяч, для упражнений с мешками (тренировка для кулачного боя). Здесь же были устроены бани, где атлеты могли принять холодную или теплую ванну, здесь была комната для смазывания тела маслом перед упражнениями и здесь же была комната-песочная, где был сложен специально

¹ F. Mez ö. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 43.

привозимый из Египта мелкий нильский песок для обсыпания тела. Известно, что греки перед упражнениями смазывали тело маслом и затем посыпали его песком.

За пределами олимпийской гимназии, почти примыкая к ней с юго-запада, находилось помещение для жилья атлетов, прибывающих на олимпийские состязания.

Гимназия в Олимпии, сооруженная неизвестно когда, но постепенно расширявшаяся, предназначалась для тренировки и испытания атлетов, принимавших участие в священных играх. По правилам Олимпийских игр (также неизвестно кем и в какое время установленным), каждый атлет, изъявивший желание участвовать в празднике, должен был за месяц до начала игр прибыть в Олимпию и здесь под надзором специальных инструкторов и судей проходить испытания и тренировку.

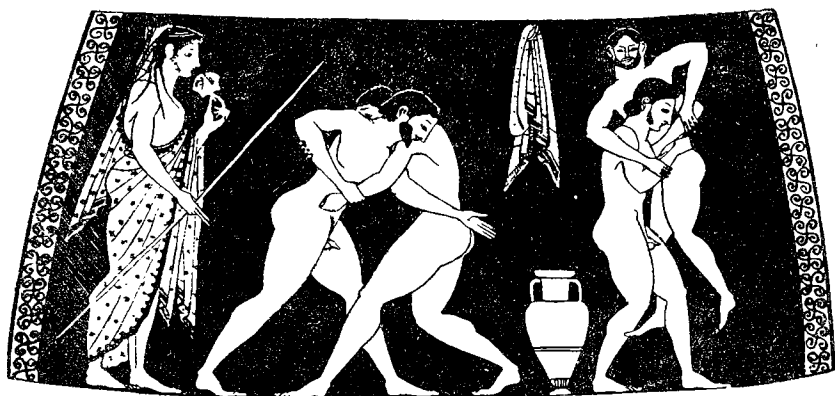
К периоду наивысшего расцвета Олимпийских игр, т. е. к V веку до н. э., установились четкие правила, касающиеся состава участников Олимпийских игр. К участию в олимпийских состязаниях не допускались рабы и варвары, причем под словом «варвары» понимались иностранцы, т. е. лица, не состоящие гражданами греческих государств. Участниками игр могли быть только греки. Это ограничение состава участников игр, недопущение к ним иностранцев, несомненно, должно было укорениться еще на самых ранних этапах развития праздника, когда он являлся праздником определенной родоплеменной группы или определенного, четко очерченного союза племен. В то время в нем по самому характеру родоплеменного праздника могли принять участие только члены справляющего праздник рода.

Такое же положение сохранилось и позднее, когда праздник сделался общегреческим, т. е. по существу праздником обширного союза греческих племен. Недопущение к участию в играх рабов, с одной стороны, исходило из того же принципа недопущения к играм иностранцев, так как раб большей частью являлся чужеземцем. С другой стороны, раб в условиях рабовладельческого строя не считался человеком, он был низведен до положения рабочего скота, и «свободнорожденный» грек считал немыслимым ставить раба в один ряд с собою.

Ограничение состава участников одними только свободнорожденными греками имело к моменту расцвета игр и другие основания. Мы видели, что в период своего возникновения в эпоху родоплеменных отношений соревновательный элемент выступал как демонстрация торжества мужской героической силы, особенно ярко проявляющей себя с усилением роли войны, как «регулярной формы сношений» между племенами.

Следовательно, в этих соревнованиях с самого начала их

проявления в какой-то мере выступал элемент демонстраций военной мощи, который в дальнейшем, естественно, должен был все более и более усиливаться. В период расцвета греческих государств, а вместе с этим и в период расцвета Олимпийских игр, военное значение состязаний не вызывало сомнений. Участники состязаний, представители своего родного города или государства, демонстрируя перед всей Грецией свою силу и ловкость, этим самым подчеркивали физическую подготовку армии своей страны. Но армия того времени комплектовалась из числа свободных граждан греческих государств, и поэтому демонстрировать мощь этой армии могли только люди, представлявшие эту армию.

Борьба
(рисунки на амфоре)

Но все ли свободнорожденные греки имели право и возможность участвовать в олимпийских состязаниях? Устав запрещал выступать на играх только рабам и варварам, оставляя место свободнорожденным грекам. Но свободнорожденные греки были неоднородны по своему социальному и имущественному положению. Наряду с аристократической рабовладельческой верхушкой в Греции существовали многочисленные мелкие землевладельцы и мелкие ремесленники, относившиеся к категории свободнорожденных. Устав не запрещал им участие в играх, но целый ряд требований, предъявляющихся к участникам, фактически не давал им возможности выступать в состязаниях. По олимпийским правилам каждый из участников состязаний для того, чтобы быть допущенным к играм, должен был представить доказательство того, что он в течение не менее 10 последних месяцев перед играми готовился к состязаниям, повседневно упражнялся. Кроме того, каждый из участников за месяц до начала должен был прибыть в Олимпию и в течение месяца проходить

испытания в олимпийской гимназии, причем пребывание в гимназии относилось за счет самого участника.

Несомненно, что мелкий землевладелец-крестьянин и мелкий ремесленник этих условий выполнить не могли. Они не могли в силу своего экономического положения в течение почти целого года уделять регулярно известное время физической подготовке. В то же время они не могли по тем же причинам больше чем на месяц совершенно бросить свое хозяйство и идти в далекую Олимпию, затрачивая при этом большие средства на свое содержание в пути и в Олимпии. Поэтому в числе участников игр мы не видим почти совершенно представителей многочисленного греческого демоса.

Народ, как правило, выступает на этих играх в роли зрителя, в то время как непосредственное участие в соревнованиях падает на долю имущей верхушки греческого общества — греческой аристократии.

Такое положение, когда участниками игр выступали только представители имущих слоев, опять-таки вполне согласовалось с тем значением, которое имели игры в общественно-политической жизни Греции. Греческая армия, организованная из солдат, набираемых среди свободнорожденных греков, ядром своим имела отряды, сформированные согласно законам Солона из людей высшего достатка, вступавших в армию со своим богатым вооружением и получавших перед вступлением в армию широкое физическое воспитание. И только эти люди, составлявшие костяк армии, прекрасно физически подготовленные, естественно, и могли в первую очередь продемонстрировать на празднике в процессе соревнований военную мощь своего города или своего государства.

Участники олимпийских состязаний, допускаемые к играм, выступали на этих играх как представители определенного государства, и победа, одержанная на играх тем или иным участником, воспринималась как победа города или государства, откуда происходил победитель.

Трактуя вопрос об участниках игр, правила олимпийских состязаний не допускали к участию в играх женщин, даже больше того, они запрещали женщинам присутствовать на празднике в качестве зрителей. Только одной женщине разрешалось присутствовать на празднике — жрице богини Деметры.

Запрещение женщинам и девушкам участвовать в играх оформилось постепенно и, видимо, в очень отдаленное время. Говоря о происхождении Олимпийских игр, мы указывали, что вначале, вероятно, ведущую роль в данном празднике играли женщины и что лишь позднее, с усилением роли мужчины в жизни рода, женщина как участница праздника начала оттесняться на задний план и совершенно была вытеснена с установлением мужского господства. Доказательством того,

что женщина когда-то играла выдающуюся роль в празднике, являются некоторые, правда, весьма случайные указания легенд и сказаний о существовании в отдаленном прошлом состязаний в беге девушек. Да и в период расцвета греческих Олимпийских игр, проводившихся только с участием мужчин, в той же Олимпии, также через каждые четыре года, проводились особые празднества в честь Геры, во время которых устраивались состязания в беге молодых девушек. Эти женские состязания, существовавшие параллельно с пышно проводимыми мужскими состязаниями, несомненно сохранились как пережиток того периода, когда женщина играла в общественной жизни такую же ведущую роль, какую она играла и в общественных праздниках.

Мужчина — глава семьи, оттеснивший женщину от руководящей роли в жизни племени, постепенно вытеснивший ее как основную участницу племенных общественных празднеств и взявший в свои руки руководство всей общественной жизнью — не ограничился этим.

Женщина была лишена не только права участия в общественных празднествах, но временами лишалась и права присутствовать на этих празднествах.

«У Эврипида,—пишет Энгельс,—жена обозначается словом *oikurema*, вещью для работы по хозяйству, и в глазах афинянина она действительно являлась, помимо «машин» для деторождения», не чем иным как старшей служанкой. Муж предавался своим гимнастическим упражнениям, общественным делам, от участия в которых женщина была отстранена»¹. Правда, такое положение имело место в рассматриваемый период не у всех греческих племен. В Спарте, например, положение было несколько иным, и женщине там отводилась известная роль в общественной жизни, но все же, как общее правило, женщина в Греции от общественной жизни была отстранена. Павзаний пишет, что женщинам под страхом смерти запрещалось присутствовать на играх. Он говорит, что вблизи Олимпии, на берегу Алфея, высилась высокая скала, на которую должны были приводить женщин, пытавшихся проникнуть на священные игры, и сбрасывать их оттуда². Павзаний, правда, при этом добавляет, что был один только случай, когда на празднике была обнаружена женщина — то была легендарная Каллифатерия или, как ее многие называют, Переника. Легенда о Каллифатерии довольно любопытна. Рассказывают, что эта женщина, желая посмотреть на выступление в состязаниях своего сына, надела мужское платье и проникла на стадион на место, где находились учителя гимнастики. Когда ее сын вышел победителем, она, будучи не в силах сдерживать свою радость, перепрыгнула через барьер,

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 64.

² F. Mezö. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 177.

бросилась к сыну и начала обнимать его, сбросив с себя при стремительном беге мужскую одежду. Судьи, говорит легенда, усмотрели в поступке Каллифатерии нарушение закона, и, дабы впредь не допускать повторения подобных случаев, было постановлено, чтобы учителя гимнастики, находящиеся в непосредственной близости от участников состязаний, присутствовали на играх обнаженными.

Наряду с правилами, трактовавшими вопрос об участниках игр, в процессе развития олимпийских праздников устанавливались и правила руководства играми. Руководство играми, видимо, с начала их возникновения, поручалось специальным лицам, избиравшимся из числа граждан Элиды, на территории которой проводились игры.

По сохранившимся данным известно, что на 25-й олимпиаде руководили праздником два человека, избранные по жребию из числа граждан Элиды. К 95-й олимпиаде (400 г. до н. э.) число судей доходило до 9, а позднее было увеличено до 18¹. Судьи (руководители игр) носили название элланодиков.

Избрание элланодиков происходило за год до начала празднества. Их обязанности были разнообразны. Прежде всего они должны были тщательно изучить все правила, связанные с проведением игр. На их обязанности лежало наблюдение за подготовкой места соревнований, а также наблюдение за отбором участников игр. Они вели запись желающих участвовать в состязаниях и проверяли их право на участие в играх. С наступлением игр они возглавляли процессию атлетов к алтарям богов перед началом праздника, а во время самого праздника наблюдали за ходом соревнований, за соблюдением установленных правил соревнований и, наконец, в конце праздника присуждали награды победителям.

Обычно при наблюдении за выполнением правил состязаний элланодики делили между собою судейские функции. Так например, в тот период, когда число элланодиков доходило до 10, трое из них руководили пятиборьем, трое конскими бегами и остальные четверо всеми другими видами соревнований.

При проведении игр существовали твердые правила для участников. Так, участники во время состязаний не должны были прибегать к каким-либо недобросовестным приемам в целях достижения победы, в частности, запрещался подкуп участниками друг друга, запрещалось наносить при соревнованиях друг другу увечья или убивать и т. д. За соблюдением всех этих правил должны были следить элланодики. Трудно сказать, случайность это или закономерность, но наибольшее количество нарушений правил, зарегистрированных в исторических документах, падает на время, начиная с IV в. до

---

¹ F. Mez ö. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 52.

н. э. Весьма вероятно, что эти нарушения являлись закономерным следствием начинавшегося разложения рабовладельческого строя. Нарушения правил, зафиксированные в исторических памятниках, были весьма разнообразны. Так, на 71-й игре (496 г. до н. э.) элланодики не признавали за атлетом Клеомедом победы в кулачном бое, потому что он во время состязания случайно убил своего противника. На 75-й олимпиаде (480 г. до н. э.) был оштрафован элланодиками знаменитый атлет древности Теаган за то, что он отказался от участия в панкратионе под предлогом, что он утомился во время кулачного боя. На 90-й игре (420 г. до н. э.) не была признана победа возницы Лихаса, потому что он незаконно принял участие в играх: Лихас был спартанец, но на этой игре Спарта участия не принимала, и Лихас выступал со своей колесницей от имени другого города. Во время 93-й игры был оштрафован кулачный боец фессалиец Евполос за то, что состязался со своими противниками на деньги. Во время 100-й игры (380 г. до н. э.) было обнаружено, что победитель в беге на выдержку Сотад, родом из Крита, был куплен за деньги Эфесом и выступал от имени Эфеса. На 11-й игре (332 г. до н. э.) был оштрафован Колтипос за то, что пытался подкупить своего противника.

Кулачный боец
(бронзовая статуя III в. до н. э.)

Наряду с наложением штрафов и взысканий на обязанности элланодиков лежало и присуждение наград победителям. Основной наградой для победителя на Олимпийских играх яв-

лялся венок из ветвей священного оливкового дерева росшего позади храма Зевса в Алтисе и посаженного по преданию легендарным Пелопсом.

До сих пор нет ясности в вопросе о том, на основе каких показателей выделялся победитель на Олимпийских играх, которому присуждался оливковый венок; источники древности об этом ничего не говорят. Есть лишь указания о том, что основным видом состязания, показатели которого играли решающую роль при присуждении награды, в V в. было пятиборье. Павзаний говорит, что для того, чтобы получить награду, атлет должен был одержать победу по трем видам упражнений, входивших в пятиборье, причем одним из этих видов была борьба. Каковы два других вида, необходимых для получения награды, остается неизвестным.

Победители, получившие награду, вписывались в книгу олимпиоников, хранившуюся при олимпийских храмах, причем их имя окружалось почетом и их именем называлось все четырехлетие до следующей игры. В честь наиболее знаменитых победителей в олимпийской гимназии, а иногда и в самом Алтисе, воздвигались мраморные статуи, которые первоначально изображали фигуры богов, а позднее скульпторы в этих статуях изображали самих победителей. Город (или государство), из которого происходил победитель, также оказывал своему герою всяческие почести. Его статуи выставлялись на улицах его родного города, а иногда даже и в храмах богов, его изображения чеканились на монетах, в честь его слагались песни и гимны. Возвращение победителя к себе на родину было подлинно триумфальным шествием: его везли на богатой колеснице, причем часто при въезде в город разбиралась часть городской стены, и герой торжественно въезжал в город через пробитую брешь. Триумф победителя на Олимпийских играх не был случаен. Ведь Олимпийские игры были демонстрацией мужской героической силы, которая в период расцвета рабовладельческой Греции отождествлялась с военной силой аристократии, и поэтому рабовладельческая знать того или иного города воспринимала победу на олимпийском празднике как свою собственную победу, и, воздавая почести герою-победителю, она тем самым возвеличивала свою мощь и силу.

Олимпийские игры, начавшиеся в глубокой древности, долгое время проводились с ограниченными видами соревнований. Основным и древнейшим видом соревнований в Олимпии был, видимо, бег, который в течение долгого времени был единственной неизменной частью программы праздника. Первоначально практиковался бег на короткую дистанцию — на длину 1 стадия. Такой бег был единственным видом соревнований в Олимпии вплоть до 14-й олимпиады, т. е. до 724 г. до н. э.

На 14-й олимпиаде в программу праздника был включен бег на два стадия, еще позднее — на 15-й олимпиаде (720 г. до н. э.) — бег на выдержку. С 18-й олимпиады (708 г. до н. э.) программа пополнилась пятиборьем; в это же время, как самостоятельная часть программы соревнований, была включена борьба, а с 23-й олимпиады (668 г. до н. э.) — кулачный бой. С 25-й игры (660 г. до н. э.) в программе начинают появляться соревнования в беге колесниц. Во время

Бег стадиондром
(по рисунку на вазе V в. до н. э.)

33-й олимпиады (648 г. до н. э.) появляется панкратион. В течение всего этого времени при неизменном расширении программы праздника, показывающем продолжающийся рост его значения, состав участников оставался неизменным: в соревнованиях участвовали зрелые греки, демонстрируя свою доблесть и воинские качества. Начиная с 37-й олимпиады (638 г. до н. э.), состав участников пополняется детьми, которые начинают выступать в состязаниях, причем для их выступления приходилось постепенно удлинять продолжительность праздника. Вначале выступления детей ограничивались бегом, но постепенно они начали принимать участие в борьбе, пятиборье, кулачном бое и, наконец, в панкратионе. Развитие олимпийского праздника отражено в помещаемой ниже таблице:

№№ олимпиад	Время	Виды соревнований
1	776 г. до н. э.	Стадиондром
14	724 " " " "	Диалу
15	720 " " " "	Долиходром
18	708 " " " "	Пятиборье
18	708 " " " "	Борьба
23	668 " " " "	Кулачный бой
25	660 " " " "	Бег колесниц
33	648 " " " "	Панкратион

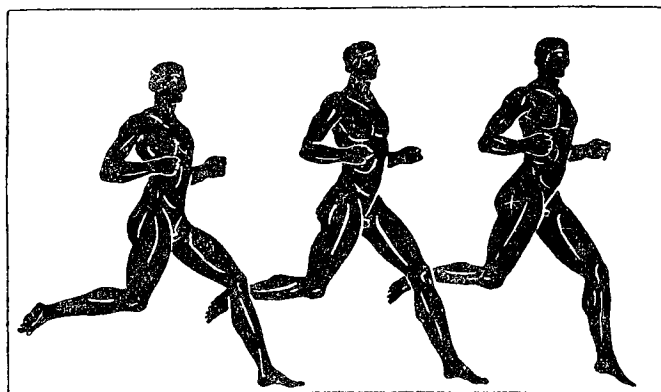
№№ олимпиад	Время	Виды соревнований
37	632 г. до н. э.	Бег и борьба детей
38	628 " " " "	Пятиборье детей
41	616 " " " "	Кулачный бой детей
65	520 " " " "	Бег в вооружении
96	396 " " " "	Бег трубачей и герольдов
143	200 " " " "	Панкратион детей

Попытаемся рассмотреть, хотя бы вкратце, ход различных видов соревнований. Остановимся прежде всего на беге.

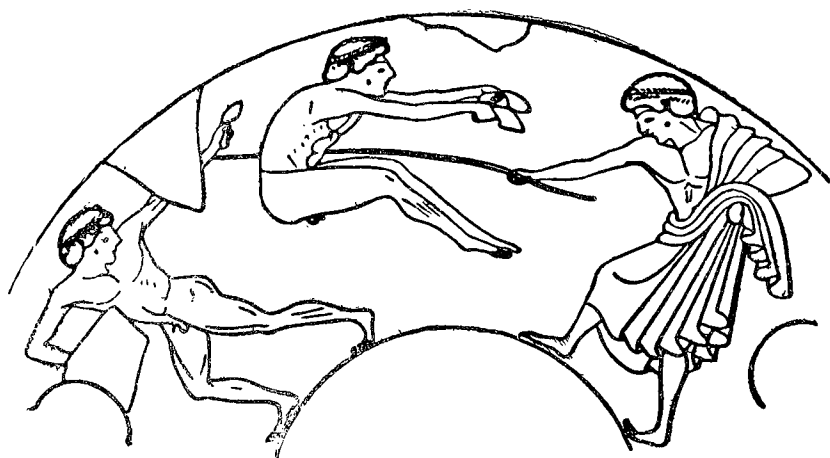
В программе олимпийского праздника значились три вида бега: бег на короткую дистанцию (1 стадий—192,27 м), носивший название стадиодром; бег двойной (2 стадия—384,54 м)—диаул и бег на выдержку—долиходром, с колебанием расстояния бега от 7 до 24 стадий, т. е. от 1346 до 4615 м.

Участники состязаний намечались жребием, который вынимался тут же на стадионе. Определенные к участию в беге атлеты выстраивались на линии старта и по знаку, данному судьей (звук трубы или команда), начинали бег. При стадиодроме они бежали по прямой линии от одного конца стадиона до другого, при диауле они, добежав по прямой линии до противоположного конца стадиона, поворачивали обратно и кончали бег у места старта. Беговая дорожка, как пишет Лукиан, посыпалась толстым слоем песка, отчего нога глубоко уходила в песок, что сильно затрудняло бег. Судя по иллюстрациям (вазовая живопись), все виды бега греками проводились на юсках. При соревнованиях время не отсчитывалось; победителем считался тот, кто раньше придет к цели.

Первым достоверно известным победителем в беге (в стадиодроме) был Корэб из Элиды, имя которого записано в книге олимпиоников. У ряда греческих авторов упоминаются имена знаменитых бегунов, одержавших многочисленные побе-

Бег долихотром
(по рисунку на вазе)

Прыжок с гантелями
(рисунок на вазе V в. до н. э.)

ды. Так, есть указания о Ласфене из Тебеи, который бежал 30 км, соревнуясь с лошастью. Павзаний упоминает Никкола из Акрии, который на двух олимпиадах одержал пять побед в беге. У Павзания же есть указания на Полита из Карины, который на 212-й олимпиаде (69 г. до н. э.) в течение короткого времени одержал победы по всем трем видам бега.

Бег, являвшийся в соревнованиях в различных видах как самостоятельная часть программы, в то же время в одном из своих видов, а именно в стадиодроме, рассматривался как часть комплекса пятиборья. Кроме короткого бега, в пятиборье входили прыжки, метание копья, метание диска и борьба.

Состязания в прыжках, проводившиеся в Олимпии, происходили с применением гантелей из камня или металла весом от 1,5 до 4,5 кг. Прыгали в длину. При начале прыжка, судя по рисункам, атлет выбрасывал руки с гантелями вперед, а при приземлении выбрасывал их назад и отпускал гантели. Греческие авторы приводят данные о двух знаменитых прыгунах древности — спартанце Эхионе и кротонце Файле, причем результаты их прыжков, описанные в источниках, вызывают целый ряд разногласий.

Павзаний пишет, что Эхион, выступавший на состязаниях в Олимпии, много раз выходил победителем в стадиодроме, в диауле и в прыжках. Юлий Африканский о результатах прыжка Эхиона пишет, что он прыгнул на 52 греческих фута: на нашем измерении этот результат равен 16,66 м. Другой знаменитый прыгун — Файл, в начале V в. до н. э. — дал результат прыжка 55 греческих футов.

Оба результата невероятны для простого прыжка. Некоторые исследователи в целях объяснения этих результатов вы-

двигают предположение о том, что в данном случае имел место, видимо, тройной прыжок. Исходя из этого, делают вывод, что наряду с простым прыжком греки знали и применяли тройной прыжок. Однако вряд ли это утверждение можно считать соответствующим действительности. При всем обилии материалов о греческой физкультуре мы нигде не имеем указаний на то, что греки знали и применяли тройной прыжок. Тем более трудно допустить такое толкование, что тройной прыжок не имеет серьезного прикладного значения, а греки использовали все свои физические упражнения в при-

Метание копья

кладных (военных) целях. Вернее, по нашему мнению, будет предположить наличие в данных случаях суммы двух прыжков или, как предполагает Мецо¹, наличие суммы трех прыжков.

Метание копья, входившее в пятиборье, имело существенно прикладное военное значение. В военном деле в Греции применялось копье длиной в 4—5 м; при соревнованиях бралось копье более короткое, с длинным металлическим наконечником; оно было значительно легче боевого копья. Целью для метания копья был деревянный столб, или щит,

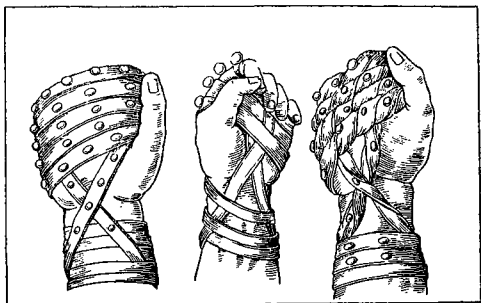
или начерченный на земле круг. О дальности метания никаких достоверных источников не имеется.

Метание диска, происходящее из метания камня, также тесно связано с военными упражнениями. В соревнованиях греки применяли различные диски из камня и металла. Величина дисков колебалась от 14 до 21 см в диаметре, вес — от 1,3 до 4,7 кг. Приемы метания диска сильно отличались от современных приемов. Древний дискобол, взяв диск в правую руку, отводил руку назад, делал ею несколько взмахов, наклонив туловище вперед и опершись левой рукой в правое колено, и наконец бросал его вперед и вверх; полет диска при таком способе метания происходил ребром к земле. Точных данных о результатах метания не сохранилось. Есть сведения о том, что Файл (прыгун) дал результат 95 греческих футов (28,17 м), но, к сожалению, нет сведений о размерах брошенного диска, и поэтому данные о дальности метания Файла в значительной степени теряют для нас интерес.

¹ F. Mezö. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930. Стр. 116.

Борьба, включавшаяся в программу состязаний, состояла из двух видов. Один из видов — борьба стоя, во время которой борцы приближались друг к другу с поднятыми руками, следя за предпринимаемыми движениями противника, и, ловко схватившись, стремились повалить друг друга на землю. Можно было при этом подбрасывать друг друга, подбивать ноги в коленях, выворачивать руки, пальцы и т. д. Борьба велась до полного изнеможения одного из противников. Другой вид борьбы по конечному результату приближался к современной форме борьбы, когда противник должен быть положен на обе лопатки.

Кулачный бой, введенный в программу игр с 25-й олимпиады, был, видимо, одним из древнейших видов состязаний. О его существовании есть указания еще в период крито-микенского общества. При кулачном бое кисти рук бойцов обвивались толстым и крепким сыромятным ремнем длиной в 1,5 человеческого роста. Этот ремень с острыми краями должен был защищать от повреждений пальцы рук и в то же время увеличивать силу удара. Удары при кулачном бое могли наноситься в любое место. Бой шел до изнеможения противника.

Цесты для кулачного боя

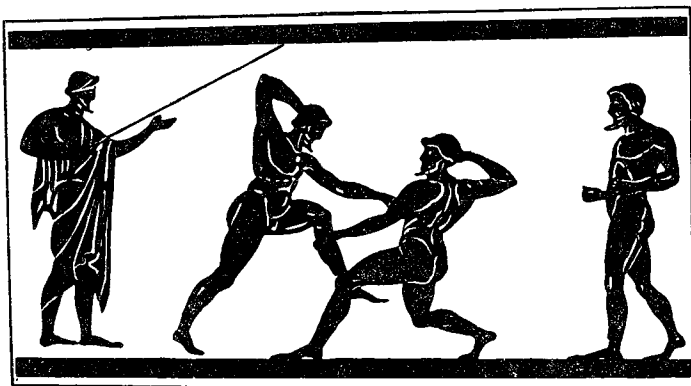
Появившийся с 33-й олимпиады панкратион представлял собою соединение борьбы и кулачного боя. Соревнование начиналось кулачным боем, причем при панкратионе бойцы выступали с голыми руками, без ремней. Противники, заняв удобные позиции и стоя твердо на расставленных ногах, с туловищем, наклоненным вперед, и отклоненной назад и влево головой, начинали наносить друг другу удары рукою, или иногда один из противников ограничивался самозащитой, отражая удары противника, и когда видел, что противник начинает утомляться, переходил в наступление. В случае падения противника на землю состязание продолжалось в виде борьбы.

Все перечисленные виды состязаний, составлявшие ядро программы олимпийских празднеств в период их расцвета, являлись обязательными для каждого участника. Атлет, участник игр в период их расцвета, выступал как многоборец, как всесторонне физически развитый человек.

Олимпийские игры, игравшие громадную роль в общественно-политической жизни рабовладельческой Греции и как в

зеркале отражавшие состояние и целенаправленность греческой физкультуры в эпоху расцвета греческих государств, не были единственными празднествами такого рода. Наряду с ними во многих греческих городах существовали и регулярно проводились подобные же празднества меньшего размаха, имевшие по преимуществу местное значение. Все они, как и олимпийские игры, вероятно, развились из культовых родоплеменных празднеств, постепенно, на протяжении долгого времени, приспособляясь к новым условиям рабовладельческо-

Панкратион
(рисунок на амфоре)

го общества. В числе таких местных празднеств ярче всего выделялись игры Истмийские, Панафинейские, Пифийские и Немейские.

Истмийские игры, проводившиеся на Истмийском перешейке, в Коринфе, по преданиям были учреждены как похоронные игры на могиле легендарного Меликерта, почитавшегося в Коринфе в качестве морского божества. Другие легенды связывают их установление с именем Тезея—мифического героя древности, сподвижника Геракла. Ко времени расцвета греческих полисов они были уже прочно установившимся периодическим праздником, в котором принимали участие не только жители Истмы, но и граждане других греческих областей. Они проводились через каждые два года: между 4-м и 1-м и 2-м и 3-м годами олимпиады. Промежуток времени между двумя играми носил название истмиады. Программа праздника составлялась из двух частей: из гимнастических и музыкальных состязаний. Гимнастическая часть праздника включала состязания в беге на расстояние до 7 стадиев, состязания в пятиборье, в борьбе, кулачном бое и панкратионе; сюда же входили бег колесниц и конские скачки. Музыкальная часть состояла из состязаний чтецов и музыкантов. В качестве основной награды победителю на Истмийских

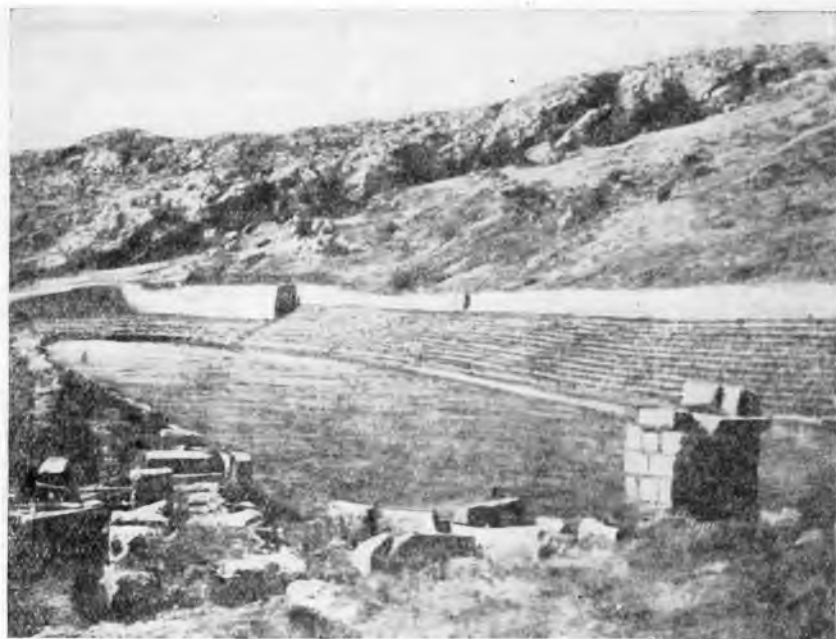
играх давался венок из сельдерея и пальмовая ветвь. Имея по преимуществу местное значение, истмийский праздник, подобно олимпийскому, играл также довольно значительную роль в общественно-политической жизни всей Греции. Как и в Олимпию, на праздник в Истму съезжались представители многих государств. За время игр на Истме намечалось и оформлялось между государствами немало договоров, которые тут же вырезывались на столбах для всеобщего сведения.

Панафинейские игры, связанные с праздником великих Панафиней, устраивавшиеся в Афинах, также очень древнего происхождения. Легенда связывает их возникновение с именем Тезея, якобы установившего эти игры в память объединения жителей Аттики в единое государство. Первоначально Панафиней включали в свою программу, вероятно, только конные состязания, и лишь с 566 г. до н. э., со времени Пизистрата, в нее были включены элементы программы олимпийского праздника. При Перикле в 446 г. программа Панафиней пополнилась музыкальными состязаниями, хотя и до этого, еще со времен Солона, была установлена традиция читать на празднике отрывки из гомеровских поэм. Наградой победителям служила оливковая ветвь и глиняный сосуд с маслом священного оливкового дерева. Наряду с музыкальными и гимнастическими состязаниями в празднике Панафиней имели место и торжественные культовые церемонии, посвященные богине Афине. Эти церемонии состояли из торжественной процессии с платьем богини, возглавлявшейся девушками, несшими на голове жертвенные сосуды, и сопровождавшейся вооруженными отрядами молодых воинов, победителями в состязаниях, и делегациями от соседних государств. Сохраняя несомненные пережитки глубокой древности, Панафиней с их торжественными процессиями и гимнастическими состязаниями должны были выражать величие и силу Афин перед другими государствами. Праздник великих Панафиней первоначально проводился через 5 лет, но около V в. до н. э. он начал устраиваться через 4 года, в каждый 3-й год олимпиады. Кроме великих Панафиней, в Афинах устраивались ежегодно малые Панафиней, ограничивавшиеся только гимнастическими состязаниями.

Пифийский праздник, посвященный Аполлону, проводившийся около Дельф на Криссейской равнине, также ведет свое начало из глубокой древности и связан с мифом об Аполлоне, который якобы учредил этот праздник с музыкальными состязаниями в память своей победы над драконом. Достоверные исторические сведения о Пифийских играх начинаются с 586 г. до н. э., когда в них, наряду с музыкальными состязаниями, происходили состязания гимнастические, проводившиеся по олимпийскому образцу. Наградой победителю игр служила оливковая ветвь, а иногда яблоки. Проводились игры через 4 года, в каждый 3-й год олимпиады. Для их про-

ведения в Дельфах были сооружены большой стадион и ипподром для конных состязаний.

Немейские игры, происходившие через каждые 3 года в Немейской долине, в Арголиде, как и предыдущие игры, в своем возникновении связаны с легендарными сказаниями. Зарождение этих игр относится к 572 г. до н. э., когда начался счет времени по немеадам.

Развалины стадиона в Дельфах

Содержание Немейских игр состояло из гимнастических и музыкальных состязаний. В качестве награды победитель получал оливковый венок, а по некоторым источникам — венок из петрушки. Хотя игры и являлись местным арголидским праздником, но на него собирались и представители других областей. Подобно олимпийскому празднику, на время проведения Немейских игр объявлялся «священный мир», который, правда, не всегда соблюдался.

Все перечисленные праздники, имевшие в основе местный характер, в то же время привлекали к себе внимание и соседних областей, тем самым выходя за пределы местного значения. Следует отметить, что они играли довольно значительную роль в деле установления политических и экономических связей между отдельными рабовладельческими государствами, хотя эта роль и была несравнимо меньше роли Олимпийских игр.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ УПАДКА ГРЕЦИИ (IV—II вв. до н. э.)

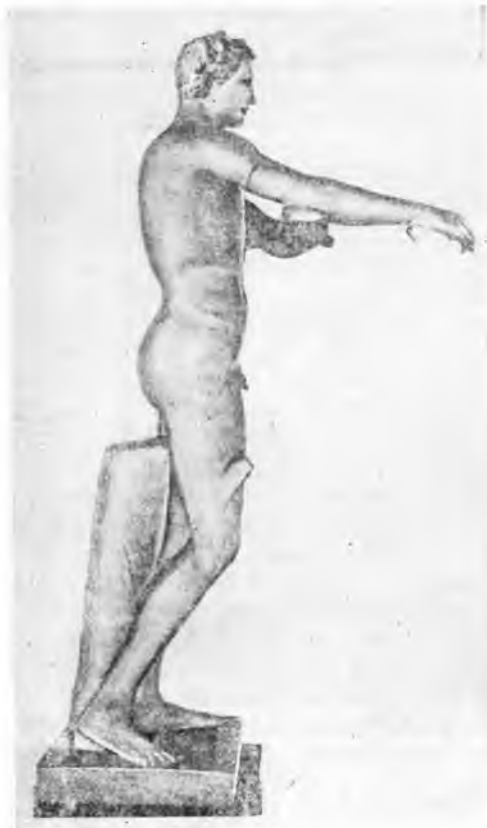
Уже в V в. до н. э., в момент наивысшего расцвета греческих государств, наметились контуры грандиозного кризиса рабовладельческой системы, разразившегося в Греции в IV в. Этот кризис, захвативший все области общественно-политической и экономической жизни Греции, привел к тому, что в силу создавшихся условий Афинам в конце концов пришлось отказаться от гражданского ополчения и прибегнуть к использованию профессионального наемного войска.

Изменения, происшедшие в состоянии военных сил Афин, нежелание граждан нести военные повинности, резким образом сказались и на состоянии физического воспитания в Афинах.

В период расцвета Афин физическое воспитание, занимавшее ведущую роль в системе общего воспитания, имело основную цель — подготовить воина, будущего участника гражданского ополчения. Теперь эта цель потеряла свое значение, и физическое воспитание для афинских граждан утратило практическую ценность. Теперь идеалом афинского гражданина стал не воин, а оратор, могущий произносить зажигательные речи в народных собраниях и своими речами воздействовать на демос. Многочисленные философы-софисты, представлявшие собою различные группы афинских граждан, заполнили портики гимназий, выступая в роли учителей ораторского искусства и новой морали. Старая система воспитания воина-гражданина уступила место новой системе воспитания, в основном базировавшейся на умственном совершенствовании. При этом отличительной чертой нового воспитания был упор на внешнюю форму, подчеркивавшую индивидуальные особенности личности. Тот период, который при старом воспитании (до V в.) посвящался преимущественно физическому совершенствованию юношества (от 14 до 18 лет) в гимназиях, теперь в тех же гимназиях или в частных школах софистов предназначался по преимуществу умственному образованию. Основное место отводилось изучению литературы, причем литературные произведения изучались не столько с точки зрения содержания, сколько с точки зрения формы. Много времени уделялось разбору построения фраз, их грамматической структуры и риторических эффектов. Физическое воспитание в новой системе отошло на второй план, приобретая в значительной степени такой же формальный характер, как и умственное образование. Утратилась прежняя суровость воспитания, связанная с подготовкой воина. Физическое воспитание становится средством личного совершенствования и удовлетворения личных потребностей. Легкие упражнения для собственного удовольствия с последующим купанием в теплой ванне и массажем — вот основное содержание физического

воспитания в новых условиях. Аристофан в своей комедии «Облака» образно подчеркивает разницу между старым воспитанием афинянина-воина и новым воспитанием афинского гражданина, стремящегося только к личному удовольствию.

Это различие направлений физического воспитания достаточно ярко подчеркивается и памятниками изобразительного

Аноксиомен
(работа Лизиппа IV в. до н. э.)

искусства, оставшимися от Греции эпохи расцвета и эпохи упадка. Если в произведениях эпохи расцвета, изображающих типы атлетов, выступают сила и мужество, то в произведениях эпохи упадка наряду с этим выступает и подчеркнутое изящество внешних форм. Достаточно присмотреться хотя бы к знаменитой статуе Лизиппа «Аноксиомен» (IV в. до н. э.). Сколько самодовольства, самодовольства в этой статуе, изображающей юношу, считающего скребком песок со своего тела после физических упражнений в палестре! Вазовая живопись, изобиловавшая в эпоху расцвета физкультурными мотивами, изображениями сцен физических упражнений в палестрах, теперь, к IV в., также в значительной степени изменилась. Хотя в ней и теперь очень часто выступала тематика, связанная с палестрами,

но вместо изображения сцен упражняющихся атлетов преобладали изображения отдыхающих под сенью портиков юношей, занятых словесными, риторическими спорами.

Общий кризис рабовладельческой системы, приведшей к упадку былого могущества Греции и грозивший ей полным распадом, заставлял античную мысль биться над проблемой выхода из создавшегося положения. Особенно сильно ощущавшая на себе влияние кризиса крупная рабовладельческая аристократия обвиняла во всех бедах демократию и требовала ее уничтожения.

По мнению Платона, представителя реакционной рабовладельческой аристократии Афин, в идеальном государстве граждане должны быть разбиты на три класса: правителей—философов, воинов — благородных и демос — ремесленников (рабы в данном разделении в расчет не принимаются, так как они не являются гражданами и не пользуются никакими правами). Для каждого класса Платон выводит свою мораль, причем для демоса эта мораль состоит в подчинении. Два первых класса не должны иметь частной собственности, чтобы материальные заботы не затрудняли их. Все необходимое должен давать им демос, который владеет частной собственностью. Они должны жить товариществами, как воины в походе. Они не должны иметь семьи. Государство должно регулировать браки в целях улучшения потомства. Больные и слабые дети должны немедленно после рождения уничтожаться, а здоровые передаваться в воспитательные дома, где государство будет заботиться о их воспитании. Первоначальное воспитание, по Платону, должно начинаться с 7-летнего возраста и продолжаться до 16—17 лет, причем «обучением надо бы воспользоваться, так сказать, двояко: по отношению к телу — гимнастическим искусством, а для развития хороших качеств души — музыкальным»¹. К гимнастическому и музыкальному воспитанию в этом периоде Платон добавляет еще чтение, письмо, арифметику и другие науки. Это первоначальное обучение должно было, по мысли Платона, выявить среди детей способных в дальнейшем к умственной и военной деятельности. Дети, не обладающие такими способностями, должны зачисляться в класс ремесленников (демос). В период с 17 до 20 лет дети, отобранные для военной и умственной деятельности, должны проходить специальную военную выучку (эфебы). Обнаружившие склонности к военному делу зачислялись в класс воинов, обладающие большими умственными способностями — в класс философов.

Отводя в своей системе воспитания большое место физической и военной выучке, Платон считает, что такое воспитание должны получать не только мужчины, но и женщины. В качестве руководителей такого воспитания должны выступать «общественные учителя, состоящие на жаловании у государства. Их учениками будут состоящие в государстве мальчики и мужчины, девочки и женщины, если только эти последние понимают в этом деле толк, обучившись еще в девичестве всяким пляскам в полном вооружении и бою, по выходе же замуж ознакомившись с тактическим развертыванием, строем, надеванием и снятием оружия. Это следует делать если не ради чего-либо иного, так ради тех случаев, когда всенародному ополчению приходится, оставив государство, предпринимать походы за его пределы. В этих случаях маль-

---

¹ Платон. Законы (Собр. соч., т. XIV, стр. 12).

чки и остальные граждане должны быть в состоянии хоть настолько владеть оружием, чтобы стоять на страже государства, да и в обратных случаях, — а ведь никак нельзя поручиться, что их не будет, — когда неприятели извне вторгнутся с огромной силой, все равно, варвары ли они или эллины, тогда придется сражаться до конца и уже за самое государство. При этом великим бедствием для государственного строя является такое позорное воспитание женщин, что они не желают умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей, тогда как птицы это делают, сражаясь за своих детенышей с любым из самых сильных зверей; женщины же тотчас устремляются к святилищам, наполняют все храмы, окружают алтари, распространяя о человеческом роде славу, как о самом трусливом по своей природе из всех существ»¹.

Нетрудно рассмотреть в этих высказываниях Платона, как и во всей его педагогической системе, черты древнеспартанского сурового воспитания, а в системе государственного устройства — черты идеализированного спартанского строя.

Неслучайно взоры афинской рабовладельческой аристократии в момент общего кризиса рабовладельческой системы обращались к Спарте. Спарта издавна была оплотом реакции, и много раз в прежние времена противники демократии находили в ней убежище и защиту. И сейчас, когда внутренние противоречия разъедали афинскую рабовладельческую общину, у аристократии прежде всего перед глазами вставал идеализированный спартанский строй, при котором, казалось, не было места острым противоречиям, проявлявшимся в афинской демократии. Однако Спарта не оправдала надежд, возлагавшихся на нее рабовладельческой реакцией. Общий кризис, охвативший рабовладельческие общины, в конце концов захватил и Спарту и повлек за собою крушение старых спартанских общественных установлений, в том числе и крушение спартанской системы воспитания.

Уже во время Пелопоннесской войны в Спарту, нуждавшуюся для ведения войны в денежных средствах, начался приток золота из Персии. После победы над Афинами приток денежных средств в виде военной добычи значительно усилился. Спарта сделалась наиболее богатым государством Эллады. Это проникновение денежных средств и развитие денежных отношений вместе с обнаружившимися еще ранее противоречиями в области земельных отношений, вызывавшимися недостатком земли для вновь рождавшихся граждан, неизбежно приводили к развитию неравенства среди спартиатов. Частые восстания илотов, являвшиеся результатом жестокого с ними обращения, приводили к разорению земледельческого хозяйства многих спартиатов, которые вынуждены были обращаться за материальной помощью к более обеспеченным. Развивалась

---

¹ Платон. Законы (Собр. соч., т. XIV, стр. 35—36).

задолженность, которая ставила должников в зависимые условия от займодавцев. В IV в., по инициативе наиболее влиятельных спартиатов, был принят закон, нарушавший древнее установление о неделимости и неотчуждаемости земельных участков; по новому закону разрешалось дарение участков или передача их по наследству. Но под прикрытием этого закона производилась и купля-продажа земли, и по существу уста-

Панкратион
(скульптура IV в. до н. э.)

новилась частная собственность на землю, постепенно сосредоточившуюся в руках наиболее богатых. Концентрация земли в руках богатых неизбежно приводила к усилению роста количества обедневших и к пролетаризации населения. Не имевшие возможности вносить свою долю в «сисситии», автоматически теряли права гражданства и исключались из числа полноправных граждан Спарты. В связи с этим катастрофически падало количество граждан. Если в VI в. их насчитывалось до 9—10 тыс. чел., то в IV в., по свидетельству Ксенофонта, их было только 1500, по свидетельству Аристотеля — даже 1000.

Естественно, при таком ничтожном количестве граждан нельзя было думать об обеспечении военных сил Спарты гражданским ополчением, и поэтому Спарта, по примеру других греческих государств, начала прибегать к широкому использованию воинов-наемников. Сама спартанская аристократия в условиях развития денежных отношений в корне изменила свой прежний суровый образ жизни, предаваясь ро-

скоши и изнеженности. Издавна установленная суровая система воспитания, преследовавшая выработку в человеке физической выносливости и военной выучки, в этих условиях отмерла.

Однако и здесь, как в Афинах, предпринимались попытки возрождения старых общественных установлений и в том числе старой системы физического воспитания, но в отличие от Афин они исходили не от крупной землевладельческой аристократии, а от приверженцев демократического режима. Обостренная социальная борьба между пролетаризированными массами и рабовладельческой знатью превратила Спарту в III в. до н. э. из оплота реакции в очаг революции и привела к проведению ряда демократических реформ, имевших главной целью разрешение наиболее жгучего земельного вопроса. Реформа Клемена III, проведенная в 227 г. до н. э. при помощи государственного переворота, ликвидировала значительную часть крупной индивидуальной земельной собственности и восстановила собственность общинно-государственную. Экспроприированной у аристократии землей было наделено большое количество неимущих, которые благодаря этому снова превращались в полноправных граждан Спарты. Таким образом, благодаря земельной реформе, число граждан было увеличено до 4 тыс. чел., и из них была создана по старому спартанскому образцу тяжеловооруженная пехота. Вместе с этим был восстановлен и прежний спартанский строй, восстановлены «сисситии», и снова возвращено было к жизни суровое воспитание, преследовавшее цели укрепления военной мощи Спарты для установления гегемонии над всей Грецией. Но ненадолго. Пример разрешения земельного вопроса в пользу неимущих отозвался волнениями во всех греческих полисах. Против Спарты, как «очага заразы», руководителями Ахейского союза при поддержке Македонии был предпринят поход, в результате которого уже в 221 г. до н. э. Спарта была разбита, и в ней снова было восстановлено олигархическое правление, возвращены владельцам конфискованные земли, и снова были упразднены все древнеспартанские общественные установления и в том числе древнеспартанская система физического воспитания.

Общий кризис рабовладельческой системы, вызвавший упадок издавна установившихся систем физического воспитания, не мог не затронуть и знаменитых греческих Олимпийских игр, тесно связанных с религиозным культом и выступавших в пору расцвета как элемент общественно-политической и экономической связи между разрозненными греческими полисами. Кризис привел к крушению старого греческого религиозного миросозерцания. Рушилась вера в богов, в их несокрушимую силу. «Говорят, что есть боги, — возглашал в одной из своих трагедий Эврипид, — их нет. Кто упоминает о них, тот глупец, повторяющий старую сказку». Софисты, сделавшиеся властителями дум Греции эпохи упадка, были под-

линными атеистами. Их неверие переходило в массы. В связи с крушением религиозного мирозерцания постепенно утрачивался и культовый характер Олимпийских игр, утрачивалось и их прежнее значение в общественно-политической жизни Греции. Поскольку религия перестала быть фактором, объединявшим греческие полисы, постольку и олимпийский праздник переставал быть праздником сплочения Греции. Постепенно отрываясь от культа, Олимпийские игры все более и более превращались в традиционное зрелище. Как и прежде, они устраивались при участии представителей всех многочисленных греческих государств, но с распадом Афинского морского союза и особенно с установлением македонского господства, после битвы при Херонее (338 г. до н. э.), они приняли характер соревнования между собою ослабленных внутренними противоречиями и внешними войнами государств за призрачное господство над Пелопоннесом. Для каждого государства было почетно на празднике, идущем из глубокой древности и ставшем традицией, иметь своего победителя. Чем больше победителей-атлетов имело какое-либо государство на Олимпийских играх, а также на играх Немейских, Пифийских и других, тем больше шансов имело оно на признание своего превосходства и на руководящую роль во всей Греции.

Вместе с изменением роли праздника изменилось и его содержание. Наряду с гимнастическими соревнованиями появляются соревнования певцов, музыкантов и ораторов. Изменился и состав участников игр. С упадком старых систем физического воспитания рабовладельческая верхушка, переставшая получать соответствующую физическую подготовку, не могла уже при организации игр в полной мере рассчитывать только на атлетов из своей среды. Без достаточной систематической подготовки она не могла уже выдвинуть из своей среды людей, могущих претендовать на бесспорное первенство в играх, на завоевание олимпийского венка. Нужно было найти кого-то, кто бы заменил рабовладельческую знать в этих празднествах, выступая от ее лица. И, как в военном деле, не имея возможности обеспечить военную мощь государства своими силами, рабовладельческая верхушка прибегла к наемным профессионалам-воинам, так и здесь, не имея возможности обеспечить своими силами участие в олимпийском празднике, она начала прибегать к помощи наемных профессионалов-атлетов.

Профессиональный атлетизм был одним из характерных явлений в развитии физкультуры эпохи упадка Греции. Он возник в результате возросшей роли всякого рода зрелищ с элементами соревнований. Соревнования физкультурного типа в Греции эпохи упадка не ограничивались только Олимпийскими играми. Продолжали существовать игры Немейские, Пифийские и Истмийские. Развившиеся в древности в связи с культовыми праздниками, они теперь, как и

Олимпийские игры, приобрели в основном зрелищный характер.

Кроме них, многочисленные гимнастические соревнования вместе с элементами музыкальных соревнований и с театральными представлениями устраивались почти во всех городах Греции применительно ко всякого рода местным праздникам или в ознаменование каких-либо местных крупных событий. Цель была одна — дать развлечение народу (тем пролетаризирующим массам, которые все увеличивались количественно по всей Греции) и вызвать его расположение в пользу господствующей рабовладельческой клики. Организация таких зрелищ-соревнований для народа настолько прочно вошла в жизнь Греции, и демос настолько «сросся» с этими зрелищами, что Александр Македонский, после завоевания Греции, во время своего похода на восток, в Персию, много раз в завоеванных персидских городах для поддержания традиции и расположения к себе наемных греческих войск должен был устраивать пышные гимнастические и музыкальные соревнования, специально выписывая для этой цели участников из далекой Греции.

Необычайно широкое распространение зрелищ-соревнований породило и появление профессионалов-атлетов, участников этих соревнований. Атлеты-профессионалы выходили обычно из среды пролетаризированной массы греческого населения, а нередко также и из числа вольноотпущенных рабов. Атлетизм становился их основной профессией и основным средством существования. Повседневнo упражнясь и тренируясь, они развивали в себе необходимые физические качества, добиваясь нередко высоких результатов. Характерной чертой атлетов-профессионалов являлась их узкая специализация. В противоположность атлету из числа граждан греческих полисов эпохи расцвета, выступавших как многоборцы, атлет-профессионал эпохи упадка выступал как узкий специалист по какому-либо одному виду соревнований. Это был или специалист в беге, или в прыжках, или в борьбе, или в кулачном бое. Узкая специализация древних атлетов несомненно должна была способствовать росту технических достижений (хотя документальных данных об этом мы не имеем), но, не сопровождаясь разносторонней физической подготовкой, она очень рано приводила к изнашиванию организма. Об этом достаточно ярко позднее говорил знаменитый римский врач Гален.

Отличительные особенности атлетов эпохи упадка, их узкая специализация достаточно четко подчеркиваются и скульптурными произведениями того времени. Достаточно взять для примера статую кулачного бойца периода III—II вв., хранящуюся в Музее терм в Риме. Тяжелое, грубое тело с рельефно выступающей мускулатурой, впечатление громадной силы — все это ярко подчеркивает профессиональное занятие данного человека.

РИМ

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДО ПАДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Густой мрак, по выражению Энгельса, окутывает всю легендарную первоначальную историю Рима. Отсутствие достаточного количества достоверных исторических данных, относящихся к древнейшему периоду римской истории, затрудняет восстановление во всех деталях картины жизни и быта древнего Рима. Легендарные сказания, являющиеся основным источником древнеримской истории, позволяют лишь в самых общих чертах наметить ход развития римского государства, не давая возможности осветить отдельные стороны римской жизни. В частности, при полном отсутствии достоверных исторических данных, нет возможности восстановить картину древнеримского физического воспитания и физической культуры во всех ее деталях. Приходится, пользуясь многочисленными легендами, ограничиваться лишь установлением общей линии развития, иногда прибегая к гипотетическим построениям.

Древнейший период римской истории, так называемый период царей, историческая традиция ограничивает отрезком времени от VIII до VI в. до н. э., т. е. от времени возникновения Рима и до образования республики. Этот период был временем разложения римского рода, нарастания в нем внутренних противоречий, которые в конечном итоге привели к революционному ниспровержению древнего родового строя.

«Как и греки в героическую эпоху, — писал Энгельс, — римляне жили во время так называемых царей в основанной на родах, фратриях и племенах и из них развившейся военной демократии»¹.

Три племени (вероятно, этруски, сабиняне и латиняне) составляли римский народ — *populus romanus*. Каждое племя делилось на 10 курий, а каждая курия, в свою очередь, составлялась из 10 родов. Старейшины всех 300 родов, составлявших римский народ, образовывали сенат, ведавший всеми общественными делами. Наряду с сенатом выступало общее народное собрание (*comitia curiata*), решавшее такие во-

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 129.

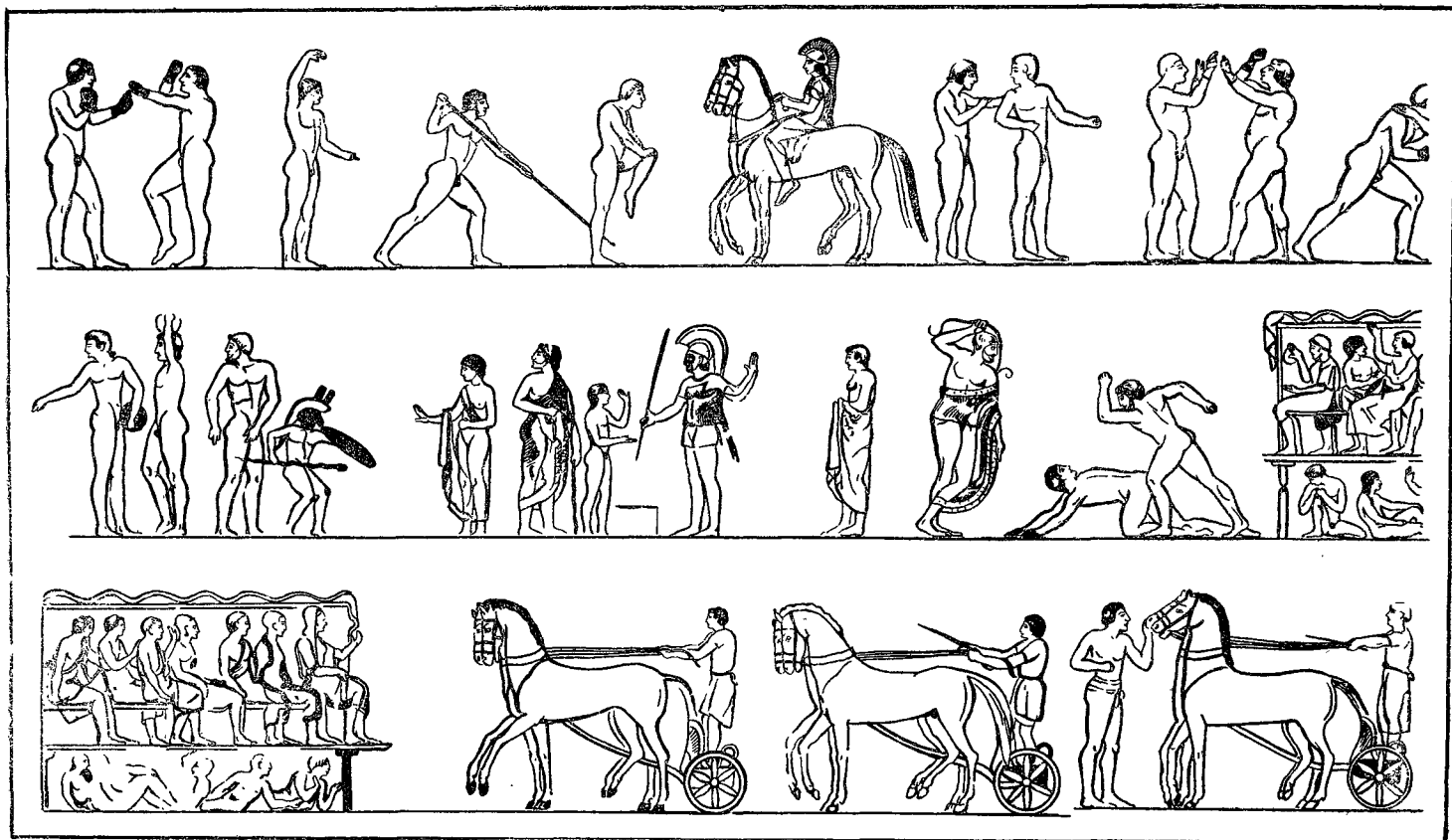
просы, как принятие новых законов, объявление войны, а также выборы высших должностных лиц и, в частности, царя, являвшегося, по существу, высшим военачальником и верховным жрецом. Цари избирались, вероятно, из числа храбрейших и опытейших воинов, пользующихся в народе большой популярностью, причем должность царя не была наследственной и царь мог быть смещен. Нам ничего неизвестно о процедуре выборов царей в древнейший период существования Рима, но некоторые обычаи и обряды, сохранявшиеся долгое время в более поздние периоды римской истории, заставляют предполагать, что избрание царя первоначально было связано с испытанием его физических качеств.

В более поздний период, уже в эпоху республики, в Риме ежегодно устраивался своеобразный праздник под названием «регифугиум», состоявший в том, что «царь жертвоприношений», т. е. верховный жрец, на комиции, в присутствии народа приносил жертву и после жертвоприношения поспешно убегал с форума. Дж. Фрезер, анализируя этот обряд, выдвигает гипотезу, что бегство «царя жертвоприношений» с форума является отражением когда-то существовавшего состязания, организованного для того, чтобы царское звание предоставить самому быстрому бегуну¹. Нам кажется, что гипотеза Фрезера не лишена оснований, если принять во внимание, что вообще в условиях патриархального рода возвеличение мужской героической силы выступало достаточно ярко и функции вождей поручались людям, обладавшим наиболее высокими физическими качествами. В отношении Рима это предположение тем более вероятно, что Рим в эпоху разложения родового строя, как мы уже указывали, представлял собою типичную «военную демократию», в которой физические и военные качества вождя-военачальника и воинов из народа играли громадную роль. Военный элемент пронизывал собою целый ряд культовых обрядов древних римлян, причем бог войны Марс выступал как одно из главных божеств. Существовала особая коллегия жрецов Марса—салии-плясуны, избиравшиеся из наиболее влиятельных и почетных граждан Рима в количестве 12 человек. Салии имели специальную одежду: вышитая туника, поверх нее медный панцирь, на голове остроконечный шлем. Во время празднеств в честь Марса, происходивших ежегодно в марте месяце, салии, вооруженные мечом и копьем и держа в руке священный щит, якобы упавший с неба, устраивали торжественные шествия. Ударяя в щит особой медной палочкой, они сопровождали свое шествие пением и плясками.

Замечательным памятником древнего Рима надо признать Троянские игры, регулярно устраивавшиеся на протяжении значительного периода существования Рима. Эти игры включали целый ряд празднеств и начались, вероятно, в эпоху

---

¹ Дж. Фрезер. Золотая ветвь. 1931. Вып. 1. стр. 185—186.

Игры у этрусков (фреска VI в. до н. э.)

разложения римского рода. Эти игры представляли собою упражнения вооруженных всадников — молодежи из наиболее знатных римских семей. Судя по рисунку на этрусской вазе VI в. до н. э., игры эти были связаны с лабиринтом, являвшимся полем игры; всадники проделывали свои упражнения в запутанных ходах лабиринта¹. Позднее, уже в эпоху республики, эти игры сделались частью зрелищных мероприятий, проводившихся в цирках.

Военная демократия Рима широко использовала самые разнообразные элементы физических упражнений, связанных с военным делом, насыщая ими всевозможные празднества с культовыми обрядами, носившими зачастую примитивно-магический характер, а иногда принимавшими и характер зрелищ. Большой интерес в этом отношении представляют сохранившиеся до нас этрусские фрески, датируемые VI в. до н. э., на которых изображен ряд сцен демонстрации разнообразных упражнений и состязаний перед большим количеством зрителей. На одной из таких фресок изображены сцены, во многом напоминающие сцены театрально-зрелищных действий позднеримского периода. Здесь, в нижнем ряду фрески, видно сооружение для зрителей, перед которыми демонстрируется парад колесниц, запряженных парой лошадей. Средний ряд фрески включает в себя сцены панкратиона, метания диска, юношу с копьем и щитом, исполняющего, видимо, военный танец; в верхнем ряду фрески изображены: сцены кулачного боя, борьбы, прыжка с шестом и молодой воин, гарцующий верхом на коне. Сцены этой фрески во многом напоминают сцены, изображавшиеся в произведениях искусства древней Греции. Написаны они были, вероятно, греческими художниками. Фрески отчасти отражают характер состязаний и упражнений древней Греции, но в то же время они, надо полагать, отражают и римскую жизнь, может быть, несколько переделанную на греческий лад. Уже самый характер древнеримского государства, определяемый Энгельсом как военная демократия, требовал, чтобы военное дело играло в жизни Рима первенствующую роль, а вместе с военным делом на видное место выдвигались и всякие мероприятия, связанные с военной подготовкой, как-то: культово-магические военные обряды и пляски, физические упражнения и состязания.

Большой интерес для нашей темы имеет вопрос об общественных группировках древнего Рима. Подобно Солону в Греции, Сервий Туллий все население Рима разделил на 5 классов, в соответствии с их имущественным положением и отношением к военной службе. Первый класс, согласно традиции, включал в себя лиц, имеющих состояние, оцениваемое не менее чем в 100 000 ассов (асс — медная монета, около 20 коп.), второй класс — с имуществом не менее 75 000 ассов, третий —

---

¹ Gardiner. *Athletics of the ancient world*. 1930. Стр. 127.

50 000 ассов, четвертый — 25 000 ассов, пятый — 12 000 ассов. Кроме этих классов, выделялись еще 5 дополнительных центурий — музыкантов, ремесленников и пролетариев. Имущественное положение определяло собою и участие в комплектовании войска; первый класс должен был составлять тяжеловооруженное войско; каждый, принадлежавший к этому классу, обязан был выступить в поход, имея шлем, круглый щит, поножи, панцырь, копье и меч. Наиболее богатые из лиц первого класса должны были служить в коннице; они получали название всадников. Второй класс выступал на войну в таком же вооружении, как и первый класс, имея лишь вместо круглого щита продолговатый. Третий и четвертый классы выступали, вооруженные копьями и мечами, со щитом, но без панцыря и поножей. Пятый класс составлял легковооруженное войско, выступавшее лишь с пращами. Добавочные центурии были освобождены от военной службы, но зато они были лишены и соответствующих политических прав.

Разделение римского населения на имущественные разряды легло в основу нового военно-политического строя, отменявшего старые родовые учреждения. Первоначальная демократия превращалась в «отвратительную аристократию». Вместо старого народного собрания выступало новое народное собрание центурий, в котором «граждане выступали по-военному, отрядами из центурий по 100 человек в каждой». При этом каждый класс имел различное количество центурий: так, первый класс давал 80 центурий, второй — 22, третий — 20, четвертый — 22, пятый — 30, к этому добавлялось 18 центурий всадников, составлявшихся из наиболее богатых граждан первого класса. Таким образом, большинство в народном собрании обеспечивалось за аристократическим первым классом, который фактически и сосредоточил власть в своих руках.

Так создался своеобразный военно-политический строй, при котором «общественная власть сосредоточивалась в руках граждан, обязанных отбывать военную службу, и была направлена не только против рабов, но и против так называемых пролетариев, не допущенных к военной службе и лишенных вооружения»¹. При таком строе, естественно, военная выучка и связанная с ней физическая подготовка должны были занимать видное место в жизни римлян и должны были пронизывать всю систему воспитания молодежи.

Римское воспитание было непохоже на греческое. Хотя и в Риме, и в Греции главной задачей воспитания было воспитание воина, однако Рим подходил к решению этой задачи другим путем. Господство отцовского права в ранний период римской истории и отзвуки этого господства, сохранявшиеся на протяжении всего периода существования Рима, сделали

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 131.

отца главным воспитателем своего ребенка, а семью— основным учреждением, где протекало воспитание. До 16 лет римский мальчик находился в семье под надзором отца. Все время находясь с отцом, мальчик воспринимал от него навыки и знания, нужные в повседневной жизни. Сопровождая отца в поле и в лесу, на сельскохозяйственных работах и на охоте, мальчик приучался к суровой и простой жизни и закалялся физически. Воспринимая от отца практические хозяйственные навыки, в то же время, в кругу своих сверстников, проводя время в играх с разнообразными упражнениями, мальчик получал и необходимые навыки и качества для будущей военной службы.

Особенно большое внимание уделялось физическим упражнениям, когда мальчик достигал 15-летнего возраста, т. е. непосредственно перед вступлением в число воинов. Мальчики много упражнялись в беге, метании тяжестей, борьбе, занимались играми в мяч, одним из любимейших видов развлечения римлян; но особенно большое внимание уделялось упражнениям в фехтовании, а мальчиками из всаднических фамилий— упражнениям в верховой езде. Получив в семье суровую закалку и предварительную военную подготовку, римский юноша, достигший 16—17 лет, уже в армии заканчивал свое совершенствование в военном деле, изучая строй, устройство лагеря и т. д. В походах и в лагерной обстановке римские солдаты занимались разнообразными физическими упражнениями для повышения своих воинских качеств. Целыми отрядами они устраивали бег на большие расстояния в полном вооружении, занимались фехтованием друг с другом, применяя для безопасности деревянные мечи, обернутые кожей, или копья с кожаными наконечниками. Такая система воспитания, укоренившаяся в древнейшую пору римской истории, сохранялась в основном вплоть до конца II в. до н. э., когда реформой Мария были заложены основы профессиональной наемной армии.

Использование физических упражнений римлянами, однако, не ограничивалось только юношеским возрастом или временем пребывания в войсках. И в мирное время молодые и взрослые римляне часто прибегали к разного рода упражнениям и играм, которые, по существу, дополняли полученное ими раньше физическое воспитание. Одной из любимейших игр римлян была игра в мяч, широко распространявшаяся на протяжении всей истории Рима. Эта игра пользовалась большой популярностью как среди патрицианской знати, так и среди плебса; игры устраивались всюду: на улицах, на площадках, на форуме и т. д. Простейшая форма игры состояла в перебрасывании руками мяча друг другу. Более сложная форма игры заключалась в том, что играющие прикрепляли на правом предплечье деревянное кольцо с зубцами и ударом кольца отбрасывали мяч по направлению к партнеру. Партнер должен был таким же об-

разом отбросить мяч обратно, не допуская его падения на землю. Для этой игры употреблялся кожаный надутый мяч размера больше человеческой головы. Иногда играли, отбрасывая мяч друг к другу ударами кулака; употреблялся в данном случае также кожаный надутый мяч, но меньшей величины. Часто практиковалось просто подбрасывание маленького мяча как можно выше вверх.

Большое место в истории Рима эпохи республики занимали многочисленные общественные игры, включавшие в себя физкультурные элементы и приурочивавшиеся к религиозным праздникам или к каким-либо знаменательным датам в истории Рима.

Подобные игры, имевшие широкое распространение в эпоху царей, с течением времени все более и более увеличивались количественно и приобретали все большую пышность. Уже царем Тарквинием Приском в VI в. до н. э., для проведения игр был построен громадный цирк, получивший название *Circus maximus*. Позднее, в 221 г. до н. э., был сооружен второй цирк — цирк Фламиниев.

Игры включали в себя разнообразные виды состязаний, из которых на первом месте должны быть поставлены состязания в беге колесниц. Наряду с бегом колесниц в играх выступали наездники, показывавшие искусство верховой езды, перепрыгивание с одной лошади на другую, прыганье через лошадей и т. д. Часто во время игр происходили и состязания кулачных бойцов, борцов и бегунов. Нередко устраивались примерные сражения по-походному вооруженных граждан; устраивались и примерные сражения всадников.

К числу наиболее популярных игр надо отнести прежде всего римские игры, составлявшие праздник патрициев и включавшие в себя цирковые зрелища и театральные представления. В одном ряду с римскими играми стояли плебейские игры, установленные, видимо, после изгнания царей и состоявшие из состязаний в беге колесниц и других цирковых состязаний. В конце V в. были учреждены так называемые большие игры, проводившиеся по греческому образцу и происходившие в *Circus maximus*.

С давних пор, по преданию — со времен последнего царя Тарквиния Гордого, устраивались таврийские игры в честь подземных богов. Большой пышности достигли столетние игры, учрежденные в V в. консулом Валерием Непликолою и состоявшие из торжественных шествий и жертвоприношений и цирковых состязаний; праздник длился 3 дня и 3 ночи и устраивался через каждые 100 лет.

Все эти игры, связанные большей частью с цирком, по своему содержанию резко отличались от греческих празднеств, в которых на первое место выступали атлетические состязания на стадион. Однако наряду с ними делались попытки

организовать в Риме празднества на греческий лад, но долгое время такие празднества не находили себе признания¹.

Первые игры, наподобие греческих атлетических состязаний, были устроены еще в 186 г. до н. э. Фульвием Нобилиором, но о них сохранилось очень мало сведений. Видимо, эти игры не нашли себе поклонников среди римлян, и в последующее время, на протяжении больше чем столетия, мы не видим ни одной попытки снова организовать их.

Только в 80 г. до н. э. была сделана новая попытка провести в Риме атлетические состязания. К этому времени Греция уже была завоевана Римом, и греческие влияния широким потоком начали проникать на римскую почву. Инициатором этой новой попытки был первый консул Сулла, который в ознаменование своей победы над Понтийским царем Митридатом решил организовать пышные празднества. В борьбе Митридата с Римом на стороне первого выступали и восставшие греческие государства, и по существу победа Суллы над Митридатом являлась в то же время и вторичным завоеванием Греции. Чтобы ярче ознаменовать свою победу, Сулла решил перенести из Олимпии в Рим старые греческие Олимпийские игры и соединить их с празднествами в честь своей победы.

По приказу Суллы очередная 175-я Олимпийская игра, которая должна была состояться в 80 г. до н. э., была перенесена в Рим, и в Олимпии в этот год могли состояться лишь состязания детей в беге. Сулла сделал все, чтобы провести Олимпийские игры в Риме с наибольшей пышностью; им были привлечены на состязания лучшие атлеты всего государства, но, несмотря на это, и данная попытка, видимо, не была должным образом воспринята римлянами, и игры не смогли укрепиться на римской почве. Следующая, 176-я игра (в 76 г. до н. э.), снова проводилась на старом месте — в Олимпии. После Суллы атлетические состязания устраивались чаще; в 58 г. до н. э. грандиозные состязания устроил, будучи эдилом, М. Скавр; в 55 г. состязания организовал Помпей в честь открытия театра; в 46 г. на своих триумфальных празднествах Юлий Цезарь организовал борьбу атлетов, длившуюся три дня. Однако и эти попытки продолжали оставаться беспочвенными, не находя отклика среди массы римлян.

Влиятельнейшие лица из рабовладельческих верхов отрицательно относились к греческой гимнастике, считая ее практически бесполезной и в основе своей порочной. Они видели в ней опасность развращения молодежи, опасность приучения молодежи к праздному препровождению времени в гимназиях за бесцельными упражнениями, опасность паде-

---

¹ Фридлендер. Картины из бытовой истории Рима. 1914. Стр. 613 и сл.

ния нравов, а во всем этом, взятом вместе, опасность крушения мощи государства.

Таким образом, игры, первоначально устраивавшиеся в связи с каким-либо культовым праздником или в связи с ознаменованием какого-либо события в жизни Рима, с течением времени принимали характер зрелищ, в которых связь с культом или с историческими событиями выступала менее отчетливо. Они все более и более откровенно становились одним из орудий имущей аристократии, используемых ею для усиления своей власти, для снискания расположения в массах римского народа, разорявшегося в результате бесконечных войн. Ведь вся история Рима в период республики была заполнена «борьбой между патрициями и плебеями за доступ к должностям и за обладание государственными землями с конечным растворением патрицианской знати в новом классе крупных землевладельцев и денежных людей, которые постепенно поглотили все землевладение разоренных военной службой крестьян»¹.

Мелкие крестьяне, обязанные отбывать военную службу, долгое время проводили в походах, на отдаленных рубежах республики. Возвращаясь после войны домой, они находили свое хозяйство в запустении и, не имея возможности его поднять, не находили иного выхода, как продать свой клочок земли за бесценок какому-нибудь крупному землевладельцу, а самим превратиться в пролетариев. Росли крупные земельные владения немногих отдельных собственников, использующих для обработки своих полей громадные количества рабов, и вместе с ними росли массы разоренных мелких землевладельцев, превращающихся в пролетариев. Уже в начале III и в конце II в. до н. э. количество пролетаризированных элементов в пределах республики было довольно значительным и с каждым годом все более и более увеличивалось. Пролетаризированные массы наполняли римские города, являясь тем беспокойным и «беспринципным» элементом, который легко мог быть использован «партиями» римской аристократии, борющейся за власть. Поэтому различные группировки правящей знати, враждующие между собою, всеми мерами старались воздействовать на римский люмпенпролетариат, заручиться его расположением и поддержкой, чтобы, опираясь на него, добиться осуществления своих политических целей.

Одним из методов воздействия на массы люмпенпролетариата были старинные римские игры. Еще в самом начале периода республики организация игр поручалась особым должностным лицам — эдилам, на обязанности которых, кроме устройства игр, лежал также надзор за храмами и не-

---

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932. Стр. 131.

которые полицейские функции. Первоначально эдилы избирались из среды плебеев и являлись как бы помощниками народных трибунов, но впоследствии, в половине IV в. до н. э., патрицианская знать, ссылаясь на то, что плебейским эдилам трудно, ввиду ограниченности средств, организовать с достаточной пышностью традиционные игры, добилась, чтобы избрание эдилов производилось из ее среды. В конце концов организация празднеств оказалась всецело в руках римской аристократии. Отдельные партии правящей знати, выставя своих эдилов, старались организовать игры с наибольшей пышностью, чтобы поразить роскошью и размахом праздника народные массы и тем самым привлечь их на свою сторону, сделав их орудием своей политической борьбы.

Организуя пышные игры с целью снискания расположения народа, устроители, не ограничиваясь старой традиционной программой игр, вводили в нее новые элементы. Наиболее ярким нововведением в программе игр, появившимся в самом начале II в. до н. э., были гладиаторские бои, получившие особенно широкое распространение позднее, в эпоху империи. Введение нового элемента в программу игр привело и к включению новых элементов в число участников празднеств. Если раньше в цирковых играх — в беггах, соревновании колесниц и атлетических состязаниях — принимали участие свободные римляне, часто сама патрицианская знать, то в новых кровавых гладиаторских играх появились подневольные участники — рабы, хорошо владевшие искусством фехтования, специально покупаемые устроителями игр. Часто для того, чтобы усилить эффект зрелища, устроители игр специально обучали рабов искусству гладиаторского боя, открывая специальные гладиаторские школы, куда помещались предназначенные для боев рабы.

Такие гладиаторские школы в римских провинциях существовали уже в конце I в. до н. э., а в Риме появились в 63 г. до н. э.

Одна из таких школ, а именно школа Лентула Батиата в Капуе, явилась очагом, откуда в 73 г. до н. э. распространилось грандиознейшее восстание рабов, возглавлявшееся гладиатором Спартакком и положившее начало той революции рабов, которая, по выражению товарища Сталина, «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹.

Вспыхнувшее в условиях накаленной политической атмосферы Римской республики I в. до н. э., в условиях до крайности обострившихся внутренних противоречий между аристократией и рабовладельческой демократией, это восстание ближайшим следствием имело ослабление республики

---

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 10-е изд., стр. 527.

и формирование военной диктатуры, т. е. образование империи, что было шагом вперед в процессе разложения рабовладельческого общества.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

(I в. до н. э. — IV в. н. э.)

Революция рабов, поднявшихся в 73 г. до н. э. под руководством гладиатора Спартака, явилась сильнейшим ударом по Римской республике и в конечном итоге привела к ее крушению. Могучую Римскую державу, распространившую свое владычество на все Средиземноморье, разъедали глубокие внутренние социальные противоречия. В результате бесконечных войн с каждым годом углублялся и расширялся процесс разорения римского крестьянства, деградация того среднерабовладельческого слоя, который являлся основной базой Римского государства. Попытки возродить крестьянство за счет старой рабовладельческой земельной аристократии, предпринимавшиеся Суллой, не дали ожидаемых результатов: конфискованные у аристократии земли, переданные крестьянам, ветеранам римских легионов, тотчас же ускользали из их рук, будучи скупленными вновь народившейся знатью, сосредоточившей в своих руках громадные денежные и земельные богатства, получаемые путем всякого рода спекуляций.

Внутренние волнения в Риме не прекращались и создавали благоприятную почву для новых ударов революции. К этому надо добавить, что рабовладельческие слои римских провинций, до сих пор не пользовавшиеся политическими правами, по мере ослабления политической мощи Рима, все настойчивее добивались участия в правительственном аппарате. Все это создавало такую обстановку, при которой для сохранения самого рабовладельческого строя требовалась коренная перестройка органов власти, их укрепление и усиление; назревала необходимость создания военной диктатуры рабовладельцев для борьбы с угрозой революции. Почти на всем протяжении I в. до н. э., т. е. последнего периода существования республики, шел процесс постепенного оформления военной диктатуры, заверченный в 30 г. до н. э. Октавианом Августом, сделавшимся неограниченным правителем всего Римского государства.

Установлению военной диктатуры в Риме много способствовало появление к этому времени профессиональной армии. Рим не мог больше в условиях растущей пролетаризации крестьянских масс составить армию по старому имущественному признаку, провозглашенному Сервием Туллем, и вынужден был начать комплектование войск, не считаясь с имущественным цензом. Проведенная еще в самом начале II в. до н. э. консулом Марием военная реформа открыла доступ в римские

войска деклассированным элементам, численно увеличивавшимся с каждым годом, которые и составили основу римского профессионального войска. Обнищание крестьянства, превращение значительной части его в условиях рабовладельческого строя в паразитический элемент, живший за счет государства, — все это привело к падению Римской империи и в то же время отразилось и на состоянии старого римского воспитания, сугубо утилитарного и включавшего в себя элементы физической подготовки для будущей военной службы.

Ко времени падения республики планомерное физическое воспитание с военным уклоном, по существу, осталось лишь в среде римской аристократии, из которой большею частью выходили военачальники профессионального войска. Но и здесь оно по сравнению с прошлым значительно сузилось, охватывая главным образом лишь привилегированные слои римской аристократии. В его организации сильно выступали следы греческого влияния, широким потоком хлынувшего в Рим. В ранние периоды империи во многих римских городах существовали специальные организации молодежи, в которых молодые аристократы получали военную и физическую подготовку. Чаще всего они появлялись в греческих городах Италии или в городах, где наиболее сильно выступало греческое влияние. Эти организации, носившие название «ювенты», объединяли избранную аристократическую молодежь и ставили своей целью подготовить ее к будущей военной и гражданской деятельности¹. Ювенты имели свои помещения, где под руководством специальных тренеров молодежь занималась разнообразными физическими упражнениями, обращая, видимо, главное внимание на фехтование. В ювентах также уделялось время верховой езде и разнообразным упражнениям на лошади; часто юноши выступали в публичных играх, демонстрируя перед зрителями свое искусство всадников и устраивая староримские Троянские игры. Если весь строй подготовки и все упражнения в этих организациях носили чисто римский характер, то организация обучения носила несомненные следы греческих влияний, напоминая организацию обучения в греческих гимназиях.

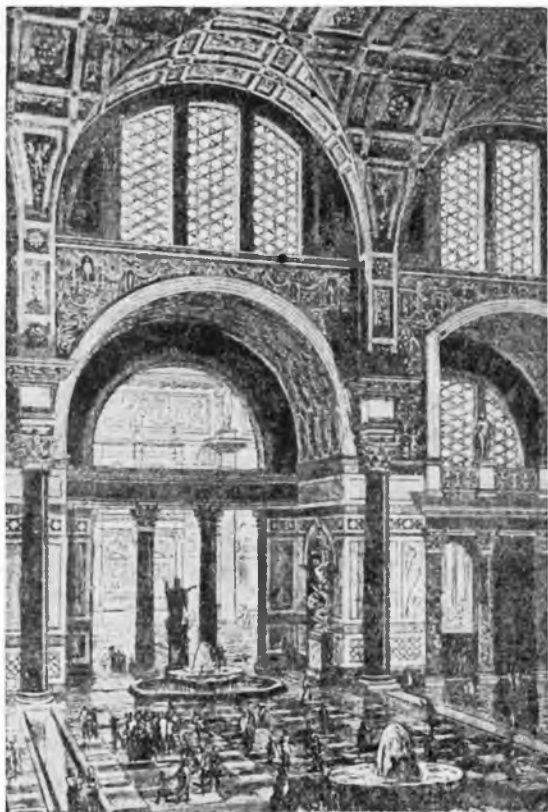
Значительно более широкое распространение в императорском Риме, как и в Греции в эпоху упадка, получили элементы физической культуры, носившие характер приятного развлечения, заполнявшего досуг чрезмерно обогатившейся, окружившей себя роскошью римской аристократии и избалованной паразитической толпы римского люмпенпролетариата.

В императорском Риме характерным учреждением являлись термы, или купальни, устраивавшиеся сначала для личных целей отдельными богатыми римлянами, а позднее получившие значение общественных учреждений. В этих термах, устра-

---

¹ Gardiner. *Athletics of the ancient world*. 1930. Стр. 124.

ивавшихся с необычайной роскошью, имелись бассейны с водой различных температур, имелись помещения с паром, комнаты для массажа и отдыха и комнаты для староримской игры в мяч. В состав терм, особенно со времен Нерона, часто включали гимназии, где купающиеся перед купаньем и после него могли проделывать различные упражнения. Наиболее грандиозными, поражающими своим внешним великолепием и, по тогдашнему времени, техническим совершенством, были термы, сооруженные императором Каракаллой, предназначавшиеся для широких кругов римлян. Эти термы, надо думать, были своеобразной переделкой на широкий римский лад греческих бань, получивших немало распространение в Греции в эпоху ее упадка.

Термы Каракаллы

Но наиболее характерным для истории римской физической культуры эпохи империи были грандиозные пышные зрелища, включавшие в себя разнородные физкультурные элементы и устраивавшиеся аристократией и правительством для развлечения толпы. Люмпенпролетарская масса была большой и своеобразной силой, игравшей значительную роль в политической жизни государства. Ее «беспринципность» широко использовалась римской аристократией в борьбе политических группировок императорского Рима.

Раздача громадных количеств хлеба была одним из средств заискивания перед толпой, снискания ее расположения и поддержки в борьбе с политическими противниками. К таким же средствам снискания расположения толпы люмпенпролетариата относилось и устройство грандиозных зрелищ.

Каждый, кто стремился быть ближе к власти, кто хотел за-

воевать авторитет среди народа, считал своим долгом организовать для него такие празднества, которые своей пышностью и размахом поразили бы толпу и сделали бы ее покорным орудием в деле осуществления чужих целей. Уже консул Сулла, стремившийся к диктаторской власти, организуя пышные празднества и зрелища, рассчитывал этим путем завоевать симпатии народа. Гай Юлий Цезарь в 65 г. до н. э., будучи избран эдилом, затратил все свое состояние на организацию невиданных по размерам игр. По окончании срока своего эдильства он не имел ничего, кроме долгов, но зато пользовался расположением народа. Позднее, придя к власти, он еще шире развернул организацию зрелищ, введя наряду с цирковыми состязаниями и боями гладиаторов новый вид зрелищ — навмахии, или морские сооружения.

Но особенной изобретательностью в смысле организации зрелищ отличались римские императоры, проводившие политику «кнута и пряника». Император Октавиан Август, как пишет Моммзен, «превзошел всех количеством, разнообразием и великолепием своих зрелищ». Нерон не уступал в этом отношении Августу, сам активно участвуя в выступлениях перед народом. Император Веспасиан при всей своей скупости затратил громадные средства (около 1,5 млн. руб.) на сооружение грандиозного амфитеатра «Колизей», являвшегося чудом тогдашней техники. Широкого размаха достигли зрелища при Траяне, который придавал устройству развлечений громадное значение. Он считал, что римский народ придает наибольшую цену двум вещам — хлебу и зрелищам; что народ сильнее жаждет зрелищ, чем хлеба; что раздача хлеба удовлетворяет лишь каждого в отдельности, а зрелища удовлетворяют всю массу в целом.

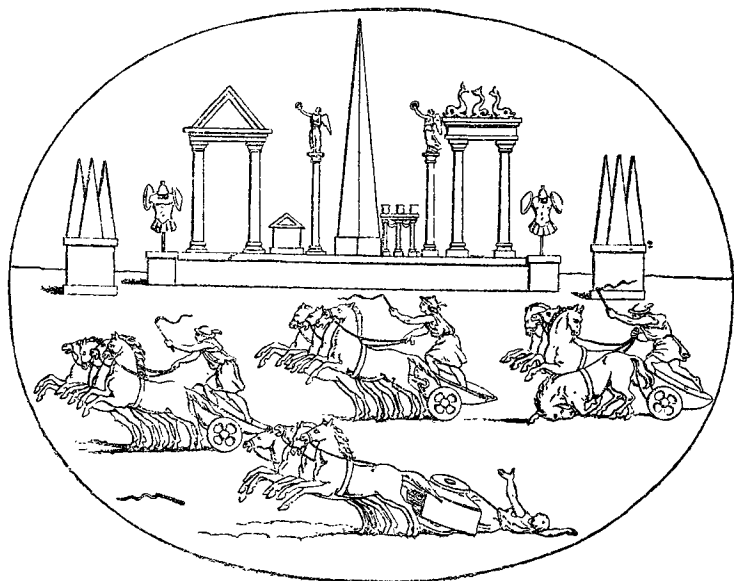
На организацию широко задуманных празднеств затрачивались громадные суммы. Часть этих сумм отпускалась из государственной казны, но основные расходы ложились на плечи их непосредственных организаторов. В эпоху империи обязанности по устройству игр возлагались на сенаторов, причем императоры нередко должны были прибегать к мерам насилия, чтобы заставить сенаторов использовать свои богатства на устройство игр во славу императора. Если кто-либо из сенаторов отказывался от проведения игр, то государство устраивало их само с последующим взысканием с отказавшегося сенатора и, кроме того, в виде штрафа обязывало его доставить в государственные магазины известное количество хлеба для раздачи народу.

О необычайной популярности и размахе зрелищ в Риме говорит количество дней в году, отводившихся для празднеств в различные периоды римской истории. К началу императорского периода, в эпоху Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.), игры в общей сложности занимали 66 дней в году; при Тиберии (14—37 гг.) их продолжительность увеличилась до 87

дней в году; при Марке Аврелии (161—180 гг.) достигла 135 дней, а к половине IV в. — 175 дней¹.

К числу наиболее популярных зрелищ, устраиваемых в Риме, относились прежде всего цирковые и гладиаторские игры. Для проведения их были созданы специальные сооружения — цирки и амфитеатры.

Обычным местом для цирковых игр служила равнина между Авентинским и Палатинским холмами, простиравшаяся

Бег колесниц

почти на 600 м в длину и на 150 м в ширину. Еще в эпоху царей это место использовалось для бега колесниц, и по склонам холмов были выстроены места для зрителей. Уже тогда здесь было положено начало большому цирку, ставшему впоследствии одним из роскошнейших сооружений Рима. «Большой цирк», перестраивавшийся и расширявшийся много раз, вмещал в себя до 180—190 тыс. зрителей. Он представлял собой огромную удлиненную арену, окруженную несколькими ярусами мест для зрителей. Посредине арены в длину, не доходя до краев, возвышалась стена, носившая название «спины», украшенная статуями, башенками и жертвенниками; вокруг этой «спины» происходили бега колесниц. С внешней стороны цирк был окружен галереями с многочисленными входами и лестницами, через которые народ мог свободно входить и выходить из цирка.

¹ Фридлендер, Картины из бытовой истории Рима. 1914. Стр. 494—495.

Цирковые игры начинались религиозными церемониями, в которых отражалась их прежняя связь с культом. Большая процессия направлялась от Капитолия к главным воротам цирка. Во главе процессии на богато украшенной высокой колеснице ехал устроитель игр; за ним на носилках несли изображения богов и императоров; некоторые изображения везли на разукрашенных колесницах, запряженных лошадьми, мулами или слонами. Процессия двигалась к цирку под звуки флейт и труб. После прохождения процессии по арене цирка начинались игры.

Главным и наиболее популярным элементом цирковых игр были бега колесниц. В эпоху империи они были любимейшим зрелищем, вокруг которого группировались все интересы римской толпы. В бегах чаще участвовали четыре колесницы, запряженные парой или четверкой лошадей. Бег начинался от главных ворот цирка, которые перед началом состязаний представлялись веревкой.

По знаку устроителя праздника веревка перед воротами опускалась, ворота открывались при помощи особых механизмов, и из них одновременно на арену выезжали соревнующиеся колесницы. Направляясь по правой стороне арены к противоположному ее концу, они огибали «спину» и мчались по левой стороне обратно к воротам, где снова огибали другой конец «спины» и начинали новый круг бега. Во время состязаний колесницы должны были сделать семь кругов, покрыв в общей сложности расстояние около 8 км. Самым трудным и опасным моментом состязаний было огибание «спины», где в узком проходе между «спиной» и барьером арены колесницы нередко сталкивались друг с другом, угрожая смертью и возницам и коням. Лошади для состязаний привозились из разных стран; возницами выступали люди многих национальностей, отличившиеся умением управлять лошадьми. Знаменитые возницы пользовались среди римлян громадной популярностью, и их имена произносились, как имена героев. Многим из них сооружены были памятники, на которых отмечались их победы. Так, на памятнике испанскому вознице Гаю Апулею Диоклу написано, что он, начав управлять колесницей с 18 лет и окончив это занятие 42 лет, участвовал в 4257 состязаниях, из которых в 1462 вышел победителем. Возницы выступали обычно как профессионалы, наживая на этом деле большие средства и добиваясь высокого положения в империи. Нередко, однако, в качестве возниц выступали и представители римской аристократии, а иногда и сами императоры. В частности, большим любителем бега колесниц был Нерон, который сам участвовал в состязаниях в Олимпии. О нем, между прочим, передают интересные сведения: участвуя в бегах колесниц на Олимпийских играх, он на первом же круге вывалился из колесницы; несмотря на это, олимпийские судьи все же признали Нерона победителем.

Любопытнейшим явлением, связанным с бегами колесниц, были цирковые «партии», на которые делилось почти все население Рима, заинтересованное в бегах. Колесницы, выступавшие в состязаниях, имели разную окраску: белую, красную, голубую и зеленую; возницы имели подобного же цвета туники.

Наряду с бегами колесниц в цирке устраивались состязания наездников. Древние писатели описывают, как во время этих состязаний наездники перепрыгивали с одной лошади на другую, как садились и становились на спину то одной, то другой лошади; как на всем скаку лошади наездники проделывали разнообразные упражнения с оружием и поднимали с земли разные мелкие, но ценные предметы, служившие им наградой. Часто в программу цирка входили упражнения мальчиков из знатных римских родов; разделенные на младших (до 11 лет) и старших (до 17 лет), в дорожных доспехах и с блестящим вооружением, они проделывали различные упражнения на конях. Иногда на арене цирка демонстрировались примерные сражения всадников, а также и сражения отрядов пехоты.

Видимо, наряду с упражнениями всадников иногда в цирке демонстрировались и выступления атлетов. Раньше, в эпоху республики, в программу цирковых игр, несомненно, входили борьба, кулачный бой, бег и пр. Теперь, во времена императоров, мы не имеем вполне точных сведений о тяжелоатлетических выступлениях, но кое-какие данные имеются о выступлении бегунов, в частности о беге мальчиков в цирке. К числу таких свидетельств можно отнести свидетельство Плиния, передающего, правда, довольно невероятные данные. Он упоминает о состоявшемся в цирке, в 50 г. до н. э., продолжительном беге мальчика, который от полдня до вечера пробежал около 110 км (?).

Цирковые игры настолько захватывали римлян, что в день начала игр они устремлялись к месту зрелищ с раннего утра, еще до восхода солнца, стремясь занять лучшие места. Насколько велико было увлечение играми, можно судить хотя бы по тому, что даже жестокие выходки императоров по отношению к народу, для которого устраивались эти зрелища, не

Римский возница

ослабляли увлечения им. Светоний рассказывает, что однажды ночью император Калигула был разбужен шумом толпы, спешившей в цирк; он приказал разогнать толпу палками, причем в свалке погибло большое количество народа.

Не менее популярными, чем цирковые игры, были также «игры» гладиаторов, устраивавшиеся в амфитеатрах. Амфитеатры представляли собою сооружения значительно меньшей величины, чем цирки, с овальной ареной, окруженной, как и арена цирка, местами для зрителей, расположенными в несколько ярусов. Первый амфитеатр в Риме, по свидетельству Плиния Старшего, был построен консулом Скрибонием Курионом в 53 г. до н. э. Большой амфитеатр из дерева был выстроен в 44 г. до н. э. Юлием Цезарем; при Августе этот амфитеатр был заменен каменным. В эпоху Флавиев, как указано выше, к концу I столетия, был построен Колизей, развалины которого сохранились в Риме и до настоящего времени.

Гладиаторские бои являлись основным элементом зрелищ, проводимых в амфитеатрах. Эти бои, видимо, были заимствованы Римом из Кампании и Этрурии и впервые начали изменяться с половины III в. до н. э. Первоначально они использовались как один из элементов погребальных игр и лишь в начале II в. начали принимать характер зрелищ. Первое упоминание о гладиаторских боях в Риме относится к 264 г. до н. э., когда сыновья умершего сенатора Брута Перы при погребении своего отца устроили состязания трех пар гладиаторов. В 216 г. до н. э. при погребении Марка Эмилия Лепида, как отмечают историки, на Форуме сражались уже 22 пары гладиаторов. В 174 г. до н. э. на похоронах отца Тита Фламиния количество состязавшихся гладиаторов дошло до 74, причем состязания продолжались три дня. В 105 г. до н. э. консулы Публий Рутилий Руф и Гай Манлий впервые использовали гладиаторские состязания в публичных играх, и начиная с этого времени бои гладиаторов прочно вошли в программу римских зрелищ.

Чаще всего бои гладиаторов происходили вечером, причем зрелище начиналось торжественным шествием гладиаторов по арене амфитеатра; шествие сопровождалось звуками флейт. После торжественного марша распорядитель игр испытывал качество оружия. Испытание нередко производилось на присутствующих гладиаторах. Затем начиналась самая программа игр.

Вначале на арене амфитеатра под звуки флейт происходила примерная борьба фехтовальщиков с тупым оружием; здесь же, видимо, происходили и состязания в метании копий. По окончании этой вводной части программы по сигналу труб и рожков начиналась основная часть зрелища—сражение гладиаторов с применением острого оружия. Гладиаторы выступали парами и группами, вооруженные различными видами оружия. По роду оружия среди них выделялись ретиарии: полунагие,

лишь с повязкой на бедрах, вооруженные сеткой, кинжалом и трезубцем, они вступали в борьбу с вооруженными длинными мечами и защищенными щитами и шлемами гладиаторами, набрасывая на них сетку, и, опутав их, наносили им кинжалом или трезубцем смертельные удары.

Особую группу гладиаторов составляли секуторы, защищенные шлемами с забралом и щитом и вооруженные мечами; выделялись гладиаторы-самниты, вооруженные короткими прямыми мечами и защищенные большими, почти в рост

Колизей

человека, четырехугольными щитами; выступали фракийцы, защищавшиеся и нападавшие при помощи кривых мечей и небольшого круглого щита.

В состязаниях принимали участие и гладиаторы-всадники, выступавшие друг против друга с длинными копьями; принимали участие и эсседарии, выезжавшие на арену на боевых колесницах и устраивавшие кровавые побоища.

Римская толпа, всегда с нетерпением ожидавшая таких зрелищ, с жадностью и возбуждением наблюдала все детали происходившего перед ее глазами кровавого боя, криками подзадоривая бьющихся, требуя от них храбрости и мужества. Если толпа видела, что выступающие для ее потехи гладиаторы бьются недостаточно энергично, она требовала, чтобы их принудили к настоящей схватке. Жизнь раненого гладиатора находилась всецело в руках возбужденной и иступленной толпы: если толпе казалось, что раненый гладиатор бился недостаточно хорошо, проявляя мало храбрости и отваги, криками и опусканием вниз большого пальца руки толпа приговаривала такого гладиатора к смерти, и его добивали тут же на арене, перед толпой.

Гладиатор

Шлем гладиатора

В тесной связи с боями гладиаторов в программе римских зрелищ стояли морские сражения, или навмахии, впервые устроенные Юлием Цезарем в 46 г. до н. э. По приказанию Цезаря на Марсовом поле, в Риме, было вырыто громадное озеро, в которое были спущены суда, сделанные по типу тирских и египетских военных кораблей. Эти суда и посаженные на них вооруженные гладиаторы должны были демонстрировать морской бой.

Август во 2 г. н. э. превзошел Цезаря в масштабах устроенной им навмахии: на озере, вырытом в садах Цезаря, имевшем размер приблизительно 600 на 400 м, демонстрировался бой 30 военных кораблей, на которых находилось до 600 бойцов. Но наиболее грандиозное зрелище подобного рода было устроено в 52 г. Клавдием, по приказу которого в битве приняло участие 19 000 чел. Концентрируя в одном месте такое громадное количество вооруженных гладиаторов и заставляя их биться друг с другом, устроители этого зрелища, естественно, должны были принять соответствующие меры, чтобы не дать возможности гладиаторам обратить свое оружие против своих господ. По свидетельству Тацита, озеро во время этой битвы было окружено кольцом плотов, так что корабли с гладиаторами не могли пристать к берегу; на плотам находились конные и пешие части преторианской гвардии, и были установлены метательные орудия, из которых, в случае надобности, можно было бы обстреливать корабли.

Навмахии устраивались не только на специальных озерах, но и в амфитеатрах, в которых арена при помощи специальных приспособлений заливалась водой; однако естественно, что навмахии в амфитеатрах не могли иметь такого широкого размаха, и поэтому они не пользовались большой популярностью.

Близко к собственно гладиаторским боям стояли также бои со зверями, устраивавшиеся как на арене амфитеатра, так и в цирке. Для этого рода зрелищ в Рим со всех концов громадной империи свозились дикие звери, которых выпускали на арену, и здесь люди, подчас почти совсем безоружные, принуждены были вступать в единоборство с хищниками.

Впервые в Риме бои со зверями были устроены в 186 г. до н. э. Фульвием Нобилиором, но наибольшего размаха они достигли, как и другие зрелища, в эпоху империи. В боях со зверями принимали участие, как правило, преступники, осужденные на смерть, и по существу этот вид зрелища превращался в своеобразную казнь. Однако, наряду с осужденными, в боях со зверями выступали и свободные люди, выходившие на арену добровольно или по приказу императоров. При Нероне демонстрировалось, например, сражение отряда конных легионеров с 400 медведями и 300 львами, а при Клавдии отряд преторианцев выступал против большого количества африканских пантер.

Бой со зверями

Все эти виды кровавых и отвратительных зрелищ, заполнявшие собою римские праздники и служившие целям удовлетворения низменных инстинктов беспринципной толпы, требовали громадного количества участников. Особенно велика была потребность в гладиаторах для гладиаторских боев, которые иногда по количеству участников достигали колоссальных размеров. Основным источником, откуда Рим черпал гладиаторские пополнения, были рабы, недостатка в которых не ощущалось в связи с бесконечными войнами, дававшими большое количество военнопленных.

Вначале рабов присуждали к гладиаторству за какие-либо проступки. Позднее, в эпоху империи, когда зрелища достигли своего наивысшего расцвета, присуждение к гладиаторству не опиралось ни на какие законоположения, и обычно значительная часть захватывавшихся во время войн военнопленных обрекалась на кровавые битвы ради потехи толпы. Государство — как в Риме, так и в провинциях — располагало громадным количеством гладиаторов, используемых в официальных играх. Но наряду с государственными гладиаторами имелись и гладиаторы, принадлежавшие частным лицам, которые использовали их в организуемых праздниках или снабжали гладиаторами тех устроителей игр, у которых нехватало своих участников. Иногда в руках частных лиц скоплялось такое количество гладиаторов, что у правительства возникали опасения в связи с возможностью использования гладиаторов владельцем во вред правящей клике и в целях осуществления своих политических целей. Так было, например, с Цезарем, который, будучи эдилом, закупил громадное количество гладиаторов. Сенат, отнесясь к нему с подозрением, должен был принять решение, ограничивающее права отдельных лиц в отношении численности приобретаемых гладиаторов.

Рабы, предназначенные для боев на арене амфитеатра, помещались обычно в специальные гладиаторские школы, где они предварительно обучались различным приемам владения оружием и получали тренировку к предстоящим выступлениям. Такие школы в большом количестве существовали в самом Риме и в провинциях, принадлежа частным лицам и государству. Первое упоминание о гладиаторской школе, принадлежавшей консулу Аврелию Скавру и находившейся в Капуе, относится еще к 105 г. до н. э. В самом Риме, по свидетельству Цицерона, первая школа была известна в 63 г. до н. э. В эпоху империи там существовали уже четыре государственные школы для гладиаторов, расположенные около амфитеатра Флавиев; одна из этих школ специально предназначалась для бестиариев, т. е. бойцов со зверями.

Об устройстве гладиаторских школ мы можем иметь представление на основании раскопок в Помпее, где были обнаружены развалины школьного здания. Судя по данным помпейских раскопок, гладиаторская школа имела обширные поме-

щения, расположенные в нескольких этажах. Среди этих помещений имелась большая кухня, тюрьма и множество тесных камер, размером около 2 кв. м, совершенно темных, без окон, предназначавшихся каждая для двух человек; эти камеры были, несомненно, жилыми помещениями гладиаторов. Кроме этих помещений, школа имела еще обширную площадку, размером примерно 55 на 45 м, окруженную галлереей и предназначавшуюся, видимо, для обучения и тренировки гладиаторов¹.

Для обучения гладиаторов приемам владения оружием и приемам борьбы при школах имелись особые учителя, которые,

Развалины гладиаторской школы в Помпее

по свидетельству Цицерона, специализировались по родам оружия. Первоначальное обучение заключалось в упражнениях с деревянными мечами и соломенным чучелом или чурбаном. Позднее переходили к упражнениям с металлическими, но притупленными мечами, причем мечи, использовавшиеся для обучения, судя по помпейским раскопкам, были, видимо, тяжелее мечей, употреблявшихся в боях в амфитеатре.

Школы, заботясь об обучении гладиаторов, в то же время должны были заботиться и о сохранении здоровья их. В этих целях в школах был установлен особый режим питания, выработанный тогдашними врачами. По свидетельству древних писателей, гладиаторов кормили главным образом боба-

---

¹ Фридендер. Картины из бытовой истории Рима. 1914. Стр. 542.

ми и ячменной кашей, так что, как говорит Плиний, их в шутку называли пожирателями ячменя. Употребление в пищу ячменя должно было способствовать развитию мускулатуры, а Гален утверждал, что в результате потребления бобов и ячменной каши тело гладиатора делалось более нежным. При школах всегда находились опытные врачи, которые залечивали неизбежные при занятиях ранения и вообще следили за состоянием здоровья гладиаторов. Здесь же находился специальный штат рабов-массажистов, производивших натирание тела гладиаторов.

Наряду с этой заботой о поддержании здоровья и внешней формы гладиаторов в школах был установлен жесточайший режим, имевший целью парализовать в корне всякое проявление неповиновения. По окончании занятий у гладиаторов отбиралось все оружие, и они находились под надзором солдат. Малейшая провинность вызывала жестокие репрессии со стороны администрации школы: бичевания, прижигания раскаленным железом и т. д. Провинившихся заковывали в кандалы и бросали в тесную тюрьму, где можно было лишь лежать или сидеть. Об этом говорят свидетельства многих римских писателей. Гладиаторы, не желая мириться с таким положением, делали попытки к восстанию и бегству. Неслучайно крупнейшая революция рабов, возглавляемая Спартаксом, началась именно в гладиаторской школе, где особенно сильно чувствовалась жесточайшая эксплуатация рабов. И после спартаковского восстания имели место неоднократные восстания гладиаторов, правда, значительно меньшего масштаба; таково восстание в Пренесте в 64 г., вызвавшее в Риме серьезные опасения, таково восстание римских гладиаторов в правление императора Проба, для подавления которого империи пришлось употребить значительные усилия.

Хотя основная масса гладиаторов комплектовалась из числа рабов, среди гладиаторов было довольно большое количество и свободных римлян, стремившихся найти в ремесле гладиатора средство своего обогащения. Было среди гладиаторов также немало вольноотпущенников — бывших рабов, получивших свободу после ряда удачных выступлений и продолжавших заниматься гладиаторством. Дело в том, что лучшие бойцы получали обычно высокие награды. Нередко им на арену выносились чаша с золотыми монетами, делавшая победителя сразу обладателем больших богатств; Нерон однажды подарил гладиатору Спикулу дворец; Тиберий платил выдающимся гладиаторам за один выход до 100 000 сестерциев. Ювенал вскользь упоминает, что были даже женщины, которые не отказывались от роли гладиатора.

Все перечисленные виды зрелищ, в которых довольно большое место отводилось физкультурным элементам, являлись ярким отражением внешнего блеска «гордого Рима» и в то же время — глубочайшего внутреннего падения, отвратитель-

ного разложения могущественной рабовладельческой державы. Старые римские физические упражнения, составлявшие специфическую особенность древнеримской физической культуры (верховая езда и фехтование), в этих зрелищах самым грубым образом использовались как средство удовлетворения низменных инстинктов деклассированной, беспринципной толпы римского люмпенпролетариата и как желание различных групп рабовладельческой аристократии укрепить свое положение.

Наряду с кровавыми зрелищами в тех же целях в императорском Риме устраивались и атлетические состязания по греческому образцу, попытки организации которых делались еще в эпоху республики. Императоры с большим упорством стремились привить их на римской почве, и в конце концов они в этом деле добились некоторых успехов.

Август неоднократно устраивал атлетические празднества на Марсовом поле, привлекая атлетов со всех концов Римской империи. Им же были организованы и периодически повторявшиеся состязания наподобие Олимпийских игр. К такого рода периодическим праздникам, основанным Августом, прежде всего надо отнести праздник в честь победы при Акциуме, проводившийся в Никополе через каждые 4 года; в программу этого праздника, наряду с другими зрелищами, без которых немислим был римский праздник, входили и состязания атлетов. Игры в Никополе оказались более популярными, чем предшествующие им, и проводились систематически на протяжении почти всего периода существования империи. Параллельно Никопольским играм были организованы в честь победы при Акциуме игры и в Риме, которые также должны были проводиться через 4 года. Но они имели меньший успех. Первая «актиана» была проведена в Риме в 28 г. до н. э., последняя — в 14 г. н. э., т. е. в год смерти Августа; в дальнейшем «актианы» не возобновлялись.

Много было сделано для внедрения в Риме атлетических состязаний Нероном, который в 60 г. учредил по греческому образцу «священный праздник», названный по имени Нерона — «неронеи». В программу этого праздника было включено три вида состязаний: бег колесниц — традиционное состязание римлян, состязания атлетов, взятые из Греции, и состязания музыкантов, певцов и поэтов. Последний вид состязаний был, видимо, в «неронейх» основным, поскольку в них выступал сам Нерон, как известно, стремившийся к тому, чтобы блистать перед римлянами своим убогим искусством поэта, певца и музыканта.

Атлетическая часть праздника, устроенного Нероном, включала элементы олимпийских состязаний, причем основная масса участников составлялась из греческих атлетов-профессионалов и римских профессиональных борцов, которые уже начали появляться к этому времени. Однако Нерон

хотел, чтобы по примеру Греции (эпохи ее расцвета) в состязаниях приняла участие и сама римская аристократия. Он строил гимназии для занятий физическими упражнениями и (что для того времени было важным) организовал раздачу масла для натирания тела сенаторам и сословию всадников. Но, несмотря на все попытки привлечь к состязаниям римскую знать, источники упоминают среди участников «неронеи» лишь одно имя из аристократических фамилий — имя Пальфурия Суры, выступавшего в борьбе. По мысли Нерона, организованный им праздник должен был повторяться периодически, через каждые 5 лет. Однако было проведено только две игры, и после второй «неронеи» в 65 г. о них не встречается никаких упоминаний.

Широкий размах получили состязания, основанные в 86 г. императором Домицианом, получившие название Капитолийских игр. В этих состязаниях, так же как и в «нероней», выступали атлеты, певцы, поэты и музыканты и устраивался бег колесниц. Атлетические состязания строились, видимо, целиком по греческому образцу, и в них принимали участие как взрослые атлеты, так и мальчики; была даже попытка устроить состязания в беге девушек, но этот вид состязаний скоро был отменен. Для проведения Капитолийских игр на Марсовом поле был построен специальный стадион, вмещавший до 15 000 зрителей.

Как и «неронеи», капитолийский праздник являлся периодическим праздником: он устраивался через каждые четыре года весной. Он оказался наиболее долговечным из всех других подобных празднеств и проводился на протяжении всего рассматриваемого периода. Правда, с течением времени он в значительной мере потерял свой первоначальный характер: атлетическая часть состязаний постепенно была вытеснена состязаниями поэтов и музыкантов, которые в конце концов и составили отличительную особенность праздника.

Помимо этих основных атлетических состязаний, имели место состязания в честь Адриана, устроенные Антонином Пием; состязания в честь Геркулеса, организованные Каракаллой; состязания Минервы, основанные Гордианом III и являвшиеся не чем иным, как попыткой возродить «неронеи».

Все эти и подобные им состязания, организуемые с большой пышностью и размахом, по существу являлись зрелищами такого же порядка, как и описанные выше зрелища в цирках и амфитеатрах, и преследовали одну основную цель — завоевать симпатии римской толпы, сделать ее послушным орудием в руках правящей рабовладельческой клики. Однако атлетические состязания не пользовались такой популярностью, как игры в цирке и амфитеатре. Развращенная римская толпа, привыкшая к кровавым зрелищам гладиаторских боев и травли зверей, поглощенная борьбой «цирковых партий» во время состязаний, плохо воспринимала борьбу атлетов, которая

была для нее слишком будничной и бледной. Атлетические состязания чрезвычайно медленно получали права гражданства на римской почве, и только к концу существования империи они приобрели более или менее широкое признание, но и

Профессионалы - атлеты эпохи империи
(римская мозаика)

то не в полной мере: наиболее излюбленными из состязаний атлетов оказались состязания в борьбе и кулачном бое, реже в беге, т. е. в тех упражнениях, которые широко использовались римлянами еще на заре их истории.

Упрочение христианства, которое в IV в. начинает пользоваться государственной поддержкой, было неблагоприятно для физкультурных состязаний: они противоречили духу церковного аскетизма, а в качестве зрелищ, связанных со старым

культом, отвлекали массы от богослужебных зрелищ только что победившего христианского культа. Под влиянием христианства в IV в. значительно сократилось количество боев гладиаторов, а в 404 г. они были окончательно запрещены. Но толпа попрежнему требовала зрелищ, и организаторы празднеств, начиная с IV в., все чаще и чаще заменяли гладиаторские бои выступлениями атлетов, окружая их роскошью обстановки, которая могла бы поразить избалованных зрителей. Атлетические состязания, как более терпимые церковью, получили широкое распространение в последние два века империи. Об этом свидетельствует факт появления большого количества профессионалов-атлетов, использовавшихся на этих состязаниях. Атлетами могли быть, видимо, только свободные граждане, о чем говорит закон Александра Севера, запрещавший выступление в состязаниях рабов. Многочисленные атлеты имели свои профессиональные объединения, из которых наиболее крупным было известное еще во II в. «Товарищество атлетов, увенчанных победой на священных играх». Это объединение имело свое помещение, украшенное статуями знаменитых атлетов, в котором происходили собрания членов объединения, совершались жертвоприношения и хранились документы, говорившие о выступлениях и победах.

Однако атлетические состязания клонились к упадку вместе с отмиранием рабовладельческого полиса, в условиях которого они развились. Об этом говорит состояние атлетических состязаний на их родине, в Олимпии. Хотя они и продолжали здесь существовать, но их характер был резко отличен от того, который существовал в эпоху расцвета греческой гимнастики. Состязания постепенно утрачивали значение традиционного праздника греческого единства, превращаясь в обычное зрелище, преследующее те же цели, что и зрелища во всей Римской империи. Римские императоры искусственно поддерживали их существование, главным образом в целях заискивания перед народом, в целях снискания расположения народа путем организации для него пышных игр.

Наряду с профессионалами-атлетами и возницами в играх нередко принимали участие сами императоры, разжигая у народа больший интерес к зрелищам. Но, несмотря на это, атлетика в Греции и прославленные греческие Олимпийские игры близились к своему полному упадку и уничтожению. Большую роль в деле ликвидации олимпийских состязаний сыграла христианская церковь. В 394 г. по указу императора Феодосия I, насаждавшего христианство насильственным путем, Олимпийские игры были запрещены. После более чем тысячелетней кипучей жизни, после 293-х регулярно в четырехлетие повторявшихся игр, Олимпия опустела, а спустя некоторое время была подвергнута разрушению и разгрому навадившимися германскими варварами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...«Обаяние, которым обладает для нас (греческое. — С. С.) искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной средой, из которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, среди которых оно возникло, и только могло возникнуть, никогда не повторятся снова»...¹. Мысль, высказанная К. Марксом о греческом искусстве, приложима и к физической культуре, которая развивалась и приходила в упадок в условиях тех общественных отношений, которые двигали ее вперед и в то же время таили в себе гибель античного мира.

Основным противоречием античного общества в целом было противоречие между общинно-государственной собственностью рабовладельцев и индивидуальным производством рабов, выражавшееся в социально-классовом антагонизме между свободными гражданами и рабами. Это основное противоречие определяло собою и пути развития античной физической культуры.

Уже в период разложения родоплеменных отношений, с выделением экономически мощных аристократических родов и с усилением роли войны в жизни общества физкультурные элементы, используемые нарождающейся родовой воинственной аристократией, все более и более обнаруживали свою связь с военным делом, выступали с ярко выраженной военной направленностью. Об этом достаточно убедительно говорят физкультурные состязания на празднествах позднего крито-микенского общества, игры и состязания гомеровских героев в Греции. Уже в тот период использование физкультурных состязаний служило для родовой аристократии не только средством повышения качеств воина, но и средством демонстрации своей силы и превосходства над народом, средством укрепления своего авторитета и власти над своими сородичами.

Выросший на развалинах родового строя, военно-рабовладельческий полис еще ярче подчеркнул военную направлен-

---

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. 1931. Стр. 82.

ность физической культуры и ярко определил ее роль в социально-классовой борьбе сложившихся к этому времени классов-антагонистов. Рабовладельческий коллектив полиса, объединявшийся общинно-государственной собственностью, численно небольшой, противостоял численно превосходящей его массе рабов-производителей. Для успешной эксплуатации рабов ограниченный коллектив рабовладельцев должен был добиться максимальной внутренней сплоченности, чтобы все время иметь наготове силу, могущую подавить всякую попытку восстания эксплуатируемых и упрочить господство над ними. Этим был обусловлен своеобразный деспотический режим Спарты, и этим была обусловлена своеобразная спартанская система воспитания, обеспечивавшая надлежащую физическую подготовку спартиатов. В данном случае физическое воспитание использовалось не только в целях подготовки воинов, но имела в виду и цель создания физически крепкого потомства, которое своими физическими качествами выделялось бы из массы порабощенного населения.

Демократические полисы — Афины и Рим — хотя и включали в себя имущественно различные слои рабовладельцев, также в основе своей выступали как единые коллективы рабовладельцев, объединенных общностью целей в отношении эксплуатации рабов. Как и в Спарте, в этих полисах для обеспечения господства над рабами рабовладельцы создали свои военные организации, обусловившие собою и соответствующую организацию физического воспитания. Используя физическую культуру в целях подавления эксплуатируемой массы, рабовладельцы всех полисов стремились ограничить ее применение своим замкнутым кругом. Неслучайно устав Олимпийских игр, на которых происходил организованный смотр мощи рабовладельческих полисов, запрещал участие в играх рабов и иностранцев.

В процессе развития рабовладельческого общества внутри его, наряду с основным противоречием между общинно-государственной собственностью и индивидуальным производством рабов, рождались новые противоречия.

Но и в них наиболее существенным было противоречие между индивидуальной и общинно-государственной собственностью. Особенно ярко оно начало выступать в период наивысшего расцвета полисов, когда выраставшая крупная индивидуальная собственность подрывала общинную собственность и превращала массы мелких производителей — крестьян и ремесленников — в люмпенпролетариат. Нарастание этого противоречия приводило к расколу сплоченного рабовладельческого коллектива, расколу, выразившемуся в борьбе античного люмпенпролетариата с представителями крупной индивидуальной собственности. Нередко эта борьба переплеталась с восстаниями рабов. В условиях роста недовольства разоряющейся части свободного населения и под ударами надвигающейся

революции рабов, для сохранения старой рабовладельческой системы была ликвидирована прежняя демократическая форма управления и установлена военная диктатура рабовладельцев.

Разорение и пролетаризация громадных масс свободного населения имели неизбежным следствием отмирание старой военной организации полисов, при которой основу военных сил составляли мелкие производители. Место гражданского ополчения занимала профессиональная наемная армия. Отмирание старой военной организации повлекло за собой и отмирание связанных с нею систем воспитания, обеспечивавших физическую подготовку воинов. Физическая культура непосредственно для рабовладельцев потеряла свое военно-прикладное значение. Однако и в новых условиях физическая культура не ускользнула из рук рабовладельческой верхушки и продолжала использоваться ею, правда, в иных формах, в целях утверждения своего политического господства. Характерным явлением в развитии физической культуры периода распада рабовладельческого общества было широкое использование физкультурных элементов в зрелищах, имевших целью, как мы уже указывали, отвлечение пролетаризированных масс от политической борьбы. Такого рода зрелища устраивались в Греции в эпоху упадка, но особенно широкое распространение, причем в крайне извращенных, отвратительных формах, они получили в Риме, где процесс разложения рабовладельческого общества дошел до конца и повлек за собою гибель античного общества, означавшую и гибель античной физической культуры.

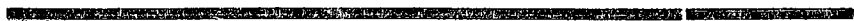

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристофан. Комедии. Т. I. М.—Л. Изд. «Academia». 1934.
2. Богаевский, Б. Л. Доисторическая Греция («Проблемы истории докапиталист. об-в»). ГАИМК, № 11—12. 1934.
3. Он же. Крит и Микены. М.—Л. 1924.
4. Bintz, I. Die Gymnastik der Hellenen. 1878.
5. Валлон. История рабства в античном мире. Т. I. Греция. 1936.
6. Велишский. Быт греков и римлян.
7. Gardiner, E. Athletics of the ancient world. Oxford. 1930.
8. Гомер. «Иллиада». Изд. «Academia». 1935.
9. Гомер. «Одиссея» (Собр. соч. Жуковского, тт. VII и VIII. Изд. Маркса. 1902).
10. Дальский, А. Н. Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. Л.—М. 1937.
11. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. Античный мир. 1936.
12. Juther. Körperkultur im Altertum. Jena. 1928.
13. Tourte, I. R. L'éducation physique en Grèce (журнал «L'éducation physique» № 36. 1935).
14. Ксенофонт. Греческая история. 1935.
15. Лесгафт, П. Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. Ч. I. 1912.
16. Маркс, К. К критике политической экономии (введение). 1931.
17. Mez ö, F. Geschichte der Olympischen Spiele. 1930.
18. Моммзен, Т. История Рима. 1936—37.
19. Пертискус. Мифология греков и римлян. СПб.
20. Платон. Законы. (Собр. соч., т. XIV.)
21. Сталин, И. В. Вопросы ленинизма.
22. Речь т. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников.
23. Уссинг, Ж. Воспитание и обучение у греков и римлян. 1899.
24. Фрезер, Дж. Золотая ветвь. М.—Л. 1931.
25. Фридендер, Л. Картины из бытовой истории Рима (Общая история европейской культуры, т. IV. 1914).
26. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1932.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В РОССИИ
В ЭПОХУ РЕФОРМ ПЕТРА I

А. В. ГРАЧЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Историческое значение и классовая природа реформ Петра I и всей его деятельности с предельной ясностью и точностью очерчены товарищем Сталиным в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом: «...Петр Великий, — говорит товарищ Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев»¹.

На вопрос о том, за счет каких слоев населения происходило осуществление этих реформ, товарищ Сталин в той же беседе дает исчерпывающий ответ, указывая, что «возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»². Пытаясь ликвидировать экономическую отсталость России, Петр I «...лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и укрепления обороны страны...»³.

«Но вполне понятно, — говорит товарищ Сталин, — что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не могли разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны». «Ликвидировать эту отсталость смог только пролетариат, построивший свою диктатуру и державший в своих руках руководство страной...»⁴.

Ведя борьбу с экономической и культурной отсталостью России, Петр I действовал весьма решительно и энергично. Ленин в статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» писал: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства». Здесь достаточно сослаться хотя бы на указы Петра I о мерах борьбы с уклоняющимися от посещения школ, о штрафах за ношение бороды и старомосковской одежды. Осуществив целый ряд государственных мероприятий, направленных на развитие мануфактурного про-

¹ Беседа товарища Сталина с немецким писателем Э. Людвигом. 1937.

² Там же.

³ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 1932. Стр. 359.

⁴ Там же.

изводства и на развитие торговли, создав регулярную армию, Петр I в своей политике укрепления национального государства помещиков и нарождающегося класса купцов развернул энергичную и разнообразную по своему характеру деятельность по приобщению этих классов к западно-европейской культуре.

«Петр I, — говорит Маркс, — решивший действовать западно-европейскими приемами, должен был цивилизовать Россию».

Создав сеть «цифирных школ» и учредив «школу математических и навигацких наук» в Москве, Петр I, не ограничиваясь этими начинаниями в области образования и просвещения, посылает для получения образования отдельные группы дворянской молодежи во Францию, Испанию и Англию. Наряду с этими мероприятиями осуществляется и ряд других: организуется издание первой в России печатной газеты, переводятся на русский язык сочинения иностранных авторов, подготавливается открытие Академии наук, создается нечто вроде анатомического музея и учреждаются госпитали.

Все эти культурные преобразования, не говоря уже о военном деле, сделавшем при Петре I огромный шаг вперед, создали такую обстановку в России в начале XVIII столетия, которая не замедлила положительно сказаться на различных сторонах общественной жизни и дала толчок к развитию физического воспитания.

Ведь, в сущности, именно с эпохи реформ Петра I физическое воспитание в России в ряде случаев его применения получило государственную регламентацию. Впервые в истории образования нашей страны физическое воспитание вошло в цикл изучаемых дисциплин отдельных учебных заведений. Наряду с распространением новых педагогических идей получили известное распространение и идеи физического воспитания.

К этому же периоду времени следует отнести и проникновение из западно-европейских стран совершенно новых форм физического воспитания, еще до этого не применявшихся в России. Таковы фехтование на рапирах, вольтижировка, катание на коньках и на буерах.

Физическое воспитание, наряду с другими формами и средствами воспитания, получившими распространение в описываемую эпоху в России, служило тем же целям, которым служила и вся система образования, созданная Петром I. Основной целью, преследуемой Петром I при изменении старой системы образования и замене ее новой, «европеизированной», являлось стремление иметь людей, сведущих в различных отраслях знания и прежде всего в навигации, военном деле и в различных мастерствах. Выучка таких людей требовала предварительного физического воспитания. Идеалом образованного и воспитанного дворянина в дворянских мо-

нархиях Западной Европы обычно считался человек, умеющий говорить на нескольких языках, обладающий известной начитанностью, хорошо знакомый со светскими манерами, преуспевающий в танцах и в достаточной степени подготовленный в искусстве верховой езды и в искусстве владения шпагой. Приобретение этих последних навыков — дело физического воспитания. Поэтому в это время физическое воспитание получило среди привилегированных слоев населения всеобщее признание, снискав к себе к тому же и уважение. А ведь всего каких-нибудь 50 лет назад оно отождествлялось с «бесовскими играми», которые не только осуждались церковью, но иногда запрещались даже и представителями светской власти, как это, например, имело место в царствование Алексея Михайловича. Его указ от 1648 г., запрещающий все, по сути дела, народные развлечения и формы физического воспитания господствующих классов, за исключением охоты, предписывал «ослушников бить батогами и ссылатъ в украинные города».

Вплоть до конца XVIII в. все виды физического воспитания, и княжеские, и народные, были крайне примитивными, и только в эпоху реформ Петра I физическое воспитание начало соединяться со всей системой образования и впервые стало неотъемлемой частью школьного образования высших классов общества. Однако не следует забывать, что все эти резкие перемены произошли лишь в физическом воспитании привилегированных классов и не могли отразиться на физическом воспитании народных масс.

Задача настоящего очерка — дать характеристику развития физического воспитания во время Петра I, т. е. в первой четверти XVIII в., и показать его отражение на общественной мысли того времени.

ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В НАРОДНЫХ ИГРАХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯХ

В быту угнетенных классов русского народа (крепостного крестьянства, городских ремесленников и т. п.) и в быту угнетенных классов других народов, входивших в состав Российской империи, физическое воспитание, в виде народных развлечений и игр, сохраняло и в это время присущий ему самобытный характер. Такие формы народных развлечений, как плавание, кулачные бои, хороводы, качели и различные другие игры (лодыги и т. п.), осужденные на полное уничтожение указом царя Алексея Михайловича от 1648 г., в эпоху Петра I вновь вернулись к жизни.

Об этом особенно убедительно говорят свидетельства иностранцев.

Иоанн Георг Корб, во время пребывания своего в России

в 1698—1699 гг.¹, наблюдая, как происходят сельские праздники, особо отметил в «Дневнике путешествия в Московию» широкое распространение качелей: «Смешно, — говорит он, — что старики вперемежку с мальчиками находят удовольствие в тех же самых играх и забавах и справляют свои праздники тем, что бесцельно качаются на непрерывно движущемся бревне, то становясь на него, то садясь». Берхгольц в своем «Дневнике» рассказывает об устройстве качелей «для простого народа» у Красных ворот в Москве, в апреле 1724 г.²

И Корб и Берхгольц указывают еще на распространение обычая среди русского народа зимою пользоваться «горячими банями», или «*thermis et caldaris*», как называет их Корб, а в летнее время — реками и озерами для массовых купаний и плавания.

Берхгольцу приходилось также наблюдать, как в день «водосвятия» (6 января 1722 г.) на реке Москве в больших прорубях «весело купались взрослые люди». Говоря о наличии физической закалки у русских, он особо отмечает то искусство, с каким один из купающихся нырял в ледяную воду и подолгу находился там, проделав это семь раз «в продолжение часа».

Из специфических мужских развлечений, имевших несомненно широкое распространение и большее значение в деле физического развития народа, следует отметить кулачные бои. Сравнивая описание кулачных боев XVI в., которое мы находим у Герберштейна, с описанием кулачных боев начала XVIII в., мы обнаруживаем целый ряд весьма существенных изменений, происшедших в их содержании.

Первое, что здесь бросается в глаза, это внесение в содержание кулачных боев значительно большей организованности; второе — установление нового правила, по которому все участники кулачного боя делятся на две равные по числу группы; и, наконец, третье — это установление правила об определении победившей стороны. Так, описывая кулачный бой, Герберштейн говорит лишь об умении отдельных бойцов наносить удары и подолгу находиться на одном месте, а также об умении их терпеливо переносить получаемые от противников удары. Ни о делении участников на равные по числу партии, ни об установлении каких-либо других правил в этом описании кулачного боя не говорится ни слова.

Совсем иное мы находим в описании кулачного боя у Берхгольца: «Увеселения, какие нам удалось видеть, — рассказывает высокомерно Берхгольц, — состояли в... плясках или в кулачных боях... Люди, которые для забавы выходят на кулачки, так медленны и умеют делать такие прыжки, что смо-

---

¹ Секретарь римского посольства в Москве. См. «Дневник путешествия в Московию». СПб. 1906.

² Берхгольц. Дневник. Ч. 4, стр. 26.

трёт на них, конечно, смешно; но они при том разбивают себе носы и рты...

...Бойцы, когда бьют разом и руками и ногами, готовы, кажется, съесть один другого, так свирепо выражение их лиц; а все-таки остаются лучшими друзьями, когда дело кончено. Смотря по числу, они разделяются на две половины и выступают таким образом на бой, причем та партия, которой удастся прогнать противную, считается победившею; но если кто-нибудь из участвующих в бою упадет, никто не смеет его трогать, пока он опять не встанет.

К подобным упрямствам, — говорит Берхгольц, — они приучаются с юных лет... Мы видели, — указывает он в заключение, — такие бои и между самыми маленькими ребятами»¹.

Всего лишь год спустя после смерти Петра I, в 1726 г., вышел указ Екатерины I «О кулачных боях»², свидетельствующий о том, что эта древнерусская забава в ряде случаев, в условиях городских пригородов, очевидно в силу непосредственной близости к кабакам, переходила часто в обыкновенную драку, сопровождавшуюся нередко поножовщиной. Подлинный текст этого указа говорит следующее: «Ее императорскому величеству стало известно, что в кулачных боях, которые бывают на Адмиралтейской стороне и на Аптекарском острове, многие люди, вынув ножи, за другими бойцами гоняются; другие, положив в рукавицы ядра, камня и кистени, бьют, многие без милости смертными побоями, и это убийство между подлыми в убийство и в грех не вменяется, также и песком в глаза бросают; поэтому кулачным боям в Петербурге без позволения главной полицейской канцелярии не быть; а кто хочет биться для увеселения, те должны выбрать между собой сотских, пятидесятских и записывать свои имена в главной полицейской канцелярии; выбранные сотские, пятидесятские и десятские должны осмотреть, чтобы у бойцов никакого оружия и прочих инструментов для увечного боя не было, и во время боя чтобы драк не было; и кто упадет, лежащего не бить».

Этот указ интересен для нас тем, что, во-первых, он свидетельствует о широком распространении кулачных боев в самом Петербурге (уже не только в селах и в деревнях), и, во-вторых, тем, что он как следствие политики Петра I в отношении физического воспитания вносит элементы организованности в кулачные бои, регламентируя правилами их устройство и проведение. Но при всем этом, надо полагать, что царское правительство, регламентируя устройство массовых кулачных боев, имело в виду не только искоренение «грубости» в нравах «низших слоев народонаселения», как об этом

---

¹ Берхгольц. Дневник. Записи от 25 июня 1722 г., стр. 168—169.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. IV, стр. 909.

говорит С. М. Соловьев¹, но очевидно этот вид развлечений поощрялся еще и потому, что он отвлекал городские низы и крестьянство от борьбы за их классовые интересы.

Говоря об отношении правительства Петра I к народным забавам, играм и развлечениям, необходимо отметить, что среди указов Петра I мы не встречаем ни одного, который прямо говорил бы об отрицательном отношении государства к народным развлечениям.

Правда, указ правительствующего синода от 17 апреля 1721 г. пытается бороться с одним из вошедших в обычай развлечений, как видно из следующих слов указа: «В Российском государстве, как в городах, так и в весех, — говорится в указе, — происходит от невежд некоторое непотребство, а именно, во всю светлую седмицу пасхи, ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водою, в реках и в прудах купают; и хотя простой народ делает себе будто забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здравью, но и животу человеческому тщета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют, или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием ума лишают»².

Запрещение этого обычая, отвечая духу реформ Петра I, должно было положить конец невежественному и некультурному развлечению. Указ направлен не против развлечений вообще, а только против данной забавы, вредной «здравью» и угрожающей даже «животу человеческому».

Забавам, «играм» и вообще различным другим самобытным формам народных развлечений правительство Петра I не чинило препятствий. Так, об одной из забав не только привилегированных классов, но, надо полагать, имевшей распространение и среди широких народных масс, — о стрельбе из огнестрельного оружия, — указ от 12 января 1722 г. говорит: «...буде кто для забавы стрелять похочет, и тем людям выходить стрелять за слободы, в поле, где жилья нет»³.

Не мешая физическим упражнениям, являвшимся неотъемлемой частью народных развлечений, правительство Петра I не содействовало их распространению среди широких масс населения. А поскольку война, налоги и различного рода повинности тяжелым бременем ложились на плечи и без того разоренного и угнетенного крестьянства, ясно, что терпела ущерб и сама основа его физического существования и развития. Жизнь крестьянства была тяжелой и суровой. Эпидемии и голод были частыми гостями крестьянских семей, жив-

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. IV, стр. 909.

² Цитировано по книге Н. Сахарова, «Сказания русского народа». Т. II. СПб. 1849.

³ См. указ Петра I «О бытии полиции в Москве» от 12 января 1722 г.

ших в ужасных антисанитарных условиях, усугубляемых нуждой.

И все же, несмотря на это, русский народ в основной своей массе выгодно отличался своею физической силой, выносливостью, закалкой, мужеством и способностью к перенесению длительных военных походов.

Исторические документы, среди которых видное место занимают свидетельства иностранцев, со всей определенностью говорят, что все эти качества русский народ приобрел в долгой и суровой борьбе с природой, в борьбе со своими феодалами и в борьбе с внешними врагами, посягавшими на его независимость. Известно, например, что эти качества сказались в Великой северной войне со шведами, в которой русский народ оградил свою независимость, как в свое время предки его разбили наголову шведов и «немецких псов-рыцарей», посягавших на его свободу еще в XIII столетии.

Говоря о физической выносливости и смелости, проявленных русской армией в походах под Азов и в войне со шведами, не следует, конечно, переоценивать роль той физической закалки и выносливости, которую приобретал русский народ, «с юных лет упражнявший свои силы в кулачных боях», в борьбе, в играх и в привычке переносить как жару, так и холод в силу издавна и повсеместно распространенного тогда обычая при пользовании горячими банями обливаться холодною водою или даже «среди зимы... купаться в реке» (капитан Перри).

Первую роль в победах русской армии над шведами сыграла новая военная техника и тактика, введенные после поражения под Нарвой. Все же для успеха преобразования армии имела бесспорное значение физическая закалка народной массы, особенно мужской молодежи, приобретаемая с ранних лет в домашнем быту. Во всяком случае показания иностранцев (Берхгольца, Корба, Юст-Юля и капитана Джона Перри) и другие данные сходятся в признании, с одной стороны, широкого распространения в быту русского народа кулачных боев, борьбы, игр, плавания и своеобразного закаливания (русские бани) и, с другой стороны — в признании влияния всех этих самобытных форм физического воспитания на выносливость, закаленность и неустрашимость, какими отличались солдаты русской армии в эпоху реформ Петра I.

Корб¹, говоря об успехах русской армии, прямо указывает, что «Московиты... сильны... численностью, телесными силами и выносливостью». Датский посланник Юст-Юль (1709—1712 гг.) в своих «Записках» под датой 27 марта 1710 г. сообщает весьма любопытный эпизод, свидетельствующий на этот раз уже не вообще о закаленности русского народа, а

¹ Корб. Дневник путешествия. Стр. 207.

в применении этого качества, в соединении с выносливостью, в военном деле¹.

Приводим содержание этого эпизода: «Царь вернулся с острова Ритусара, где производил смотр вышеупомянутым полкам общию численностью в 13 000 человек при 24 пушках и 4 мортирах. [Полки] эти в самый ужасный мороз, какие бывают [только] в русские зимы, перешли [на Ритусар] прямо через лед с орудиями и со всем [обозом]. Всякая другая европейская армия наверное погибла бы при подобном [переходе]... Русские так выносливы, что с ними можно совершить то, что для [солдат] всех прочих [наций] казалось бы невыполнимым».

Аналогичную же точку зрения по этому вопросу высказал и Джон Перри: «Что же касается до некоторых солдат, — говорит он, — то вследствие разных нижеследующих замечательных обстоятельств они более всех других людей в мире годны для службы».

Указывая далее на уже отмеченный нами выше обычай при посещении горячей бани купаться зимой в реке или обливаться 2—3 ведрами ледяной воды, он приходит к выводу, что русский крестьянин, приучившись таким образом с самого детства к этим крайним переходам от жары к холоду, не боится простуды и не подвергается кашлю. «Они, — говорит он, — могут безопасно путешествовать по степи во время самых суровых морозов и ложиться на ночь спать у костра, разложенного на снегу... Русские, — говорит он в заключение, — ни во что ставят смерть и не боятся ее».

Говоря о русской коннице, Джон Перри отмечает наличие в ней казацких полков. Автор причисляет их к «легкой коннице», оказавшейся весьма полезной в русских войнах против турок, татар и шведов. Что казаки с самого детства приучаются ездить верхом, это достаточно всем известно, и нет необходимости приводить еще дополнительные сведения и материалы.

Джон Перри также отмечает наличие в царской армии «отряда калмыков».

«Это, — говорит он, — сильный воинственный народ, который нуждается только в дисциплине, чтобы образовать из него солдат. Калмыки, — указывает он в заключение, — доставили царю значительную победу над шведским отрядом около Пскова вскоре после потерянной битвы под Нарвой»². А ведь нам известно, какое большое место в быту калмыков издавна занимали такие формы физического воспитания, как национальные игры, борьба, стрельба из лука в цель и «рискованные состязания на конях».

---

¹ Юст-Юль. Записки. М. 1900.

² Джон Перри. Состояние России при нынешнем царе. Лондон. 1716. В русском переводе, изд. 1871 г. М.

Подводя итоги сказанному о физическом воспитании крепостного русского крестьянства, а отчасти и других народов Российской империи, следует признать, что при всей примитивности этого воспитания оно все же сыграло весьма положительную роль в укреплении военной мощи России первой четверти XVIII в., содействуя пополнениям армии физически выносливыми и закаленными людьми, не боявшимися ни трудностей походной жизни, ни борьбы с иноземными войсками.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПОТЕШНЫХ ВОЙСКАХ

В отличие от царских «потех», возникшие при Петре I потешные полки¹ занимают совершенно особое положение в истории физического воспитания и в истории военного дела в России.

Как нам известно, на первом этапе воспитания Петра «потехи» его почти ничем не отличались от «потех», которыми обычно в детстве развлекались молодые царевики. Так например, еще осенью в 1683 г. 11-летний Петр играет в «деревянных коней», одновременно изучая «экзерции солдатского строя» и «искусство бить в барабан». Правда, «экзерции солдатского строя» — это уже тот элемент в воспитании Петра, который ускорил переход от детских «потех» к созданию потешных полков.

Второй этап в развитии «потех» начинается с 1683 г., когда был создан первый потешный полк, названный впоследствии Преображенским.

Создание второго полка, Семеновского, произошло позднее².

Относительно даты возникновения первого потешного полка у авторов, занимавшихся исследованием этого вопроса, имеются самые различные суждения, нередко доходящие до ожесточенных споров. Так, М. П. Погодин, в противовес утверждению Устрялова о возникновении Преображенского и Семеновского полков в 1687 г.³, говорит: «Что к 1687 г. принадлежит решительное формирование Преображенского полка, это принять можно, как мы видим, но чтоб в этом году

---

¹ Речь идет о «потехах» и «забавах», имевших место в придворном быту великих князей и царей (княжеские охоты, о которых говорится еще в «Поучении Владимира Мономаха» своим детям, «потеха», которая упоминается в хрониках времени Алексея Михайловича, и т. д.).

² Погодин. 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. 1875.

³ На этой же точке зрения стоит Кайданов. См. Начертание государства Российского, стр. 236. Астров. Петр Великий и его армия. «Военный вестник». 1872. Стр. 237.

возникли Преображенский и Семеновский полки, сказать нельзя: ибо Преображенский полк начался или возник в 1683 г.» (стр. 171).

Современники Петра I, граф Матвеев и князь Куракин, не указывая точно даты возникновения потешных полков¹, оставили нам ряд чрезвычайно ценных указаний относительно их формирования и содержания «потех».

«Его императорское величество, — сообщает Матвеев, — повелел набрать из разных чинов людей молодых и учить их пехотного и конного упражнения во всем». Указывая далее на введение формы, состоящей из темнозеленых кафтанов, и указывая на «умножение» числа потешных, он в заключение отмечает, что их разделили на два полка, Преображенский и Семеновский. Куракин сообщает более точные сведения о составе потешных полков и приводит даже примерную цифру их численности. По свидетельству Куракина, Петр I «военные экзерции»² начал сперва со спальниками своими, а к тому «присоединил конюхов потешной конюшни, а потом начал из вольных чинов шляхетства и всяких прибирать в тот полк». Таким образом, потешные полки Петра I комплектовались не только из детей дворян, но и из конюхов и из детей людей, не принадлежавших к привилегированным сословиям.

Число потешных росло из года в год и ко времени возникновения Семеновского потешного полка, по свидетельству Куракина, доходило до 600 чел.

До 1690 г. «экзерции потешных дружин» (или «потешного строя людей всяких чинов», как назывались они тогда) проходили большею частью в непосредственной близости с селами Коломенским и Преображенским. Первоначально «потехи» проводились только на суше, но примерно с лета 1688 г. к ним были присоединены и «потехи» на воде.

«Экзерции» на суше состояли из стрельбы в цель из мушкетов (на что истрчено в 1688 г. 10 фунтов порошу и 27 фунтов свинца) и из луков, а также из изучения ружейных приемов, поворотов и маршировки, походных движений в конном и пешем строю³. О характере оружия и военного снаряжения, применяемого в потешных дружинах Петра I, можно судить по данным, имеющимся у Бобровского. Так, согласно этим данным, 13 мая 1685 г. из Оружейной палаты⁴ было послано в с. Коломенское, где происходили «потехи», 16 пар пистолей с Ольстры и 16 карабинов с перевязями в медной оправе. 26 мая направлено: 16 мушкетов,

---

¹ Граф Матвеев А. А. и князь Куракин Б. И., в детские годы принимавшие участие в «потехах» Петра I, впоследствии состояли на дипломатической службе за границей в качестве посланников русского правительства.

² Архив князя Куракина. 1890. Кн. 1, стр. 57.

³ Бобровский. История Преображенского полка. Т. I, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 145.

15 карабинов и 8 карабинов маленьких. В то же с. Коломенское 3 октября 1685 г. из Оружейной палаты была направлена «оружейная бронь»: «знамя большое, 11 протазанов и алебард, 30 мушкетов немецких, 30 бандальер».

В связи с ростом числа потешных и с постепенным расширением программы «экзерциций» появилась необходимость в сооружении специального военного городка или, вернее, небольшой крепости. Такая крепость с двумя башнями и была сооружена на берегу р. Яузы против Преображенского дворца в течение 1684—1689 гг. Она получила название «потешного городка».

С весны 1688 г. к «потехам на суше» прибавились «потехи на воде». С их началом связывается известный всем факт первого знакомства Петра с парусным делом весной 1688 г., когда им был случайно найден в с. Измайловском английский ботик.

Узнав от корабельного мастера Корстена Брандта, что ботик может ходить не только по ветру, но и против него, Петр и его потешная дружина с увлечением отдаются «новой потехе», используя для нее вначале р. Яузу, а затем просяной пруд. Но так как здесь Петр, по его словам, «немного авантажу сыскал», он свои потехи на воде перенес на Переяславское озеро, где они приняли значительно большие размеры¹.

Ко времени низложения Софьи и захвата власти «партией» Петра I (происшедшего в 1689 г. при помощи военной силы потешных полков) потешные полки представляли собою хорошо организованные и сплоченные единицы.

Но более значительные успехи и в отношении военного обучения и в отношении физического воспитания потешных были достигнуты в последовавшие за тем годы.

Генерал Гордон и полковник Лефорт, будучи привлечены Петром I около 1690 г. к делу военного обучения потешных, ввели в проведение «экзерциций» многое из того, что применялось тогда в зарубежных регулярных армиях, изменив соответственно этому и организационное построение потешных полков. Особое внимание было уделено ими проведению двусторонних учений, проходивших в форме военных игр. Так, по данным Соловьева, летом и осенью 1690 г. около с. Преображенского происходили «примерные битвы» между потешными полками и лучшим стрелецким полком, состоявшим из конных и пеших стрельцов².

Осенью 1691 г. в октябре месяце «был великий и страшный бой», во время которого, сообщает Соловьев, «отличились потешные рейтары ротмистра Петра Алексеева» (т. е. Пет-

---

¹ Предисловие к «Морскому регламенту» 1720 г., см. приложение к ст. Устрялова — История царствования Петра Великого, стр. 397—401.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Тт. XI—XV, 2 изд., кн. III, стр. 1086—1090.

ра I), «захватившие в плен генералиссимуса Фридриха Ромодановского»¹.

Наряду с изменениями в «потехах на суше», получивших характер двусторонних учений, изменился характер и «потех на воде». Весной и летом 1690, 1691 и 1692 гг. были проведены походы на судах по реке Москве и по озеру Плещееву.

Известно, например, что в августе 1692 г. на озере Плещееве были устроены маневры, в которых участвовали парусные и гребные суда.

В июле 1693 г. Петр в сопровождении князя Б. А. Голицына, генерала Лефорта, 10 потешных и свиты, состоящей из 100 чел., отправился в свой первый Беломорский поход. Прибыв в конце июля в Архангельский порт, Петр и его приближенные, оставив карбасы, на которых они совершали до этого свое путешествие, перешли на 12-пушечную яхту «Святой Петр», специально приготовленную для морского путешествия молодого царя и его потешных. Свое первое путешествие по Белому морю Петр совершил в направлении «трех островов», отстоявших от Архангельска за 300 верст, после чего вернулся обратно в порт, а оттуда в Москву.

В мае 1694 г. состоялся второй Беломорский поход в составе 4 полков: Бутырского, Лефортовского и двух потешных — Преображенского и Семеновского.

По прибытии в Архангельск Петр и некоторые из его потешных предпринимают вначале небольшое морское путешествие на яхте «Святой Петр» (30 мая), а затем, когда прибыли построенные за границей два фрегата, Петр, присоединив к ним свою яхту, отправился во второе морское путешествие, достигнув на этот раз мыса «Святой нос», т. е. подошел уже к выходу в океан (17 августа). Этим путешествием и закончился второй Беломорский поход.

К концу 1694 г. военное обучение потешных войск достигло уже сравнительно высокого уровня, а самое количество потешных солдат исчислялось уже в тысячах человек.

В знаменитом Кожуховском походе (деревня Кожухово, недалеко от Симоновского монастыря) осенью 1694 г. (23 сент. — 18 окт.) с «русской» стороны участвовало 4 полка (Преображенский, Семеновский, солдатские — Лефортов и Бутырский), три роты гранатчиков, восемь рот рейтарских, две роты латочных людей и 20 рот стольничьих; с «неприятельской» стороны участвовали несколько стрелецких полков, роты из дьяков и подьячих, общей численностью 7500 чел. Хотя все сражение во время этого похода² и протекало в форме военной игры, однако «потеха» не обошлась без ране-

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Тт. XI—XV, 2-е изд., кн. III, стр. 1086—1090.

² Там же.

ных и даже без убитых»¹. Общее число участников Кожуховского похода в круглых числах определяется в 15 000 человек².

Кожуховским походом заканчивается второй этап в истории развития потешных войск. Их дальнейшее развитие проходит не на основе военизированных «потех» (игр, выражаясь современным языком), а на основе государственной организации вооруженных сил.

Обращение потешных полков в регулярные части армии завершило переход от потешных войск к типичному для конца XVII столетия построению войсковых соединений.

«Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть пойдем», — писал Петр I Апраксину, выражая здесь ту мысль, что уже настало время, когда нужно реорганизовать потешные полки в регулярные части и отправить их с другими соединениями в поход на завоевание Азовских берегов. Ясно, о какой игре «под Азовом» говорил Петр I.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В числе первых учебных заведений нового типа указом Петра I от 14 января 1701 г. в Москве была создана «школа математических и навигацких наук».

В школе учили, сообщает Веселаго, «арифметике, геометрии, тригонометрии с приложением к геодезии и, главное, к мореплаванию, для которого проходили навигацию и часть астрономии. Из гимнастических упражнений было фехтование, «рапирная наука», за которую ученикам прибавлялось излишнее жалование»³.

Вначале для этой школы было отведено помещение мастерской Оружейной палаты (так называемый «полотняный двор» в Замоскворечье), но уже через 5 месяцев она была переведена в помещение Сухаревой башни. В третьем ярусе этой башни и были размещены классные комнаты. Для занятий же фехтованием был выделен специальный «рапирный зал»⁴.

Спустя два года «Ведомости» (газета, основанная Петром I) в № 1 за 1703 г. кратко сообщают, что «в математической штурманской школе 300 чел. учатся и добре науку приемлют».

Следующее по времени учебное заведение, в котором в числе дисциплин мы встречаем верховую езду, а впоследствии

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Тт. XI—XV, 2-е изд., кн. III, стр. 1086—1090.

² Петр Великий и его армия. «Военный сборник». 1872. Стр. 237.

³ Веселаго. Школа математических и навигацких наук. Статья в книге «В память Петра Великого». 1872. Стр. 251.

⁴ Веселаго. Школа математических и навигацких наук. См. также план 3 этажа Сухаревой башни.

и фехтование, является гимназия пленного немецкого пастора Эрнста Глюка, созданная в Москве в марте 1703 г. Учреждена она была по прямому указанию Петра I, который, как сообщает Пекарский¹, уже и прежде слышал о трудах и знаниях Глюка (1652—1705 гг.)². Под «Глюкову гимназию» был отведен дом умершего перед тем боярина Василия Федоровича Нарышкина на Покровке.

О предметах, проходимых в гимназии Глюка, и об учителях мы узнаем из программы, опубликованной им в том же 1703 г. В «Каталоге учителей и наук» упомянуто преподавание этики, политики, географии, арифметики, исторических авторов, поэтов и ораторов, латинского, французского и немецкого языков (а для «охотников филологических сладостей» — греческого, еврейского, сирийского и халдейского). Вслед за этим в каталоге упоминается: «Стефан Рамбур, танцевальный мастер, телесное благолепие и комплементы чином немецким и французским научает; Иоанн Штурмевель, конский учитель, охотников научает кавалерским чином ехать и лошадей во всяких школах и маневрах умудрити»³.

Позднее в программу преподавания было включено фехтование. Как из перечня наук, так и из самого содержания вводной части «Глюковой программы» (так он называет свою программу) видно, что Глюк ставил своей целью не узкую подготовку специалистов в какой-либо области, а осуществление разностороннего образования молодых дворян и разночинцев, для которых предназначалась вновь открываемая гимназия.

Несомненно также и то, что при определении круга учебных предметов гимназии Глюк многое заимствовал у дворянских академий Германии того времени. И поскольку преподавателем верховой езды (включая и вольтижировку) был немец Иоанн Штурмевель, становится совершенно ясным, что в изучении этой вначале единственной физкультурной дисциплины были взяты в основу немецкие методы «берейтерского обучения лошадей» и рыцарской конной езды. Тем более, что самый термин «берейтерское» обучение лошадей является производным от немецкого «Bereiter» (обучающий лошадей, объездчик и т. п.).

Помимо этих двух учебных заведений, в описываемую эпоху было еще одно учебное заведение, в котором, как и в школе навигацких наук, преподавалась «рапирная наука». Таким учебным заведением была Морская академия, основанная

---

¹ Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Стр. 127.

² Глюку было определено Петром жалованье в 3000 руб. в год. Указывая эту сумму, Пекарский, очевидно, сомневаясь в этом, в скобках ставит знак вопроса.

³ Цитировано по Пекарскому: Наука и литература в России при Петре Великом.

в С.-Петербурге в 1719 г. Указом Петра I от 11 января 1719 г. предписывалось: «В академии учить наукам: арифметике, геометрии, навигации, артиллерии, фортификации, географии, рисовать живописно и воинским обучением: мушкетами и на рапирах и некоторых астрономии. И для того учения учителей, которых наук ныне в Академии не обретається, прибрать способных, а для раздачи денежные казны — комиссара, а для усмотрения над учителями и над школьниками товарища, да для перевода книг, принадлежащих к наукам, — переводчика».

Дом Кикина, где помещалась Морская академия

Еще до выхода этого указа в докладной записке от 1713 г. об учебном плане Морской академии, составленном, как известно, самим Петром I, был указан порядок занятий учащихся академии: «и да идут они (т. е. учащиеся) в залы для экзерции их, где найдутся мастера для письма, рисования, математические, от фортификации и гидрографии. Побыв два часа в той экзерции, да идут они в ридю¹, где будут мастера танцевания, фехтования и копейного учения. Два часа после полдень да найдутся они в назначенном месте, в арсенале для мушкетного учения».

По сравнению с гимназией Эрнста Глюка, предусматривавшей общеобразовательные цели, курс обучения в Морской академии носил узко практический характер. Подготовка специалиста, хорошо знающего военно-морское дело, вот что выступало основным руководящим мотивом у составителя

¹ Цитировано по «Хрестоматии по истории русской педагогики», Т. IV. 1936.

учебного плана Морской академии. Именно этой цели и служила уже знакомая нам «рапирная наука» (фехтование на рапирах). Как здесь, так и в школе навигацких наук фехтование на рапирах было включено в учебные планы, благодаря тому значению, которое оно имело в военном деле того времени.

По данным Веселаго¹, срок обучения в Морской академии был к 1725 г. определен в 6 лет и 9 месяцев. При этом по учебному плану на фехтование отводился в общей сложности один год. Преподавателем был иностранец Гейман, получавший жалование 550 руб. в год.

Недостаточно выясненным является вопрос, откуда впервые было занесено фехтование в Россию. Нам известно, что еще в царствование Михаила Федоровича (1633 г.) в дворцовых записях упоминается о «шпажном поединке» поручика Ант Зандерсон с золотых дел мастером Яковом Гаст. Этот поединок имел характер забавы, потехи, а вовсе не того судебного поединка, о котором подробно рассказывает Герберштейн в «Записках о московитских делах». Надо полагать, что участники поединка были иноземцы и по всей вероятности немцы. Из других источников, относящихся к эпохе Петра I, нам известно о посылке молодых дворян за границу, где они, учась в академиях, в числе других наук изучали военное дело, а также фехтование и верховую езду². Так например, имеются достоверные сведения о том, что посланный учиться за границу И. Неплюев и его товарищи изучали в испанской морской академии «наряду с другими предметами солдатский артикул и фехтование на шпагах». По окончании академии в 1720 г. И. Неплюев и его товарищи вернулись в Россию. Имеются сведения о пребывании группы русских молодых дворян во французской морской академии (в Тулоне), где наряду с изучением «навигации, инженерства, артиллерии, рисования масштабов и других предметов» учились также «танцевать, на шпагах биться, на лошадях ездить».

Вообще в Западной Европе именно в начале XVIII в. получили широкое распространение академии, имевшие профессионально-практический уклон. В их учебном плане видное место занимали военные науки, а также и интересующие нас фехтование и верховая езда.

В письмах к Петру I знаменитый философ Лейбниц, положительно отзываясь о школах и академиях, существовавших в Германии, советует по этому же типу учредить академию в России. А нам известно, что в учебном плане немецких академий фехтование на рапирах и верховая езда (берейтерское искусство) занимали далеко не последнее место.

Лейбницу принадлежит также составление записки, в которой он подробно излагает свои соображения «О создании сети

---

¹ Веселаго. Очерки истории морского кадетского корпуса.

² Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом.

учебных заведений в России». В них, по его мысли, наряду с общеобразовательными предметами должно быть уделено внимание и изучению «телесных упражнений»¹.

Отмечая влияние целого ряда западно-европейских стран на развитие физического воспитания в России первой половины XVIII столетия, мы склонны думать, что здесь наибольшее влияние оказали Франция и Германия.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПАРУСНОГО И ГРЕБНОГО ДЕЛА

Совершенно особое место в истории физического воспитания описываемого периода занимает вопрос о парусном и гребном деле.

Если до этого времени применение и использование парусных и гребных судов в быту (у рыбаков, в торговле и т. д.) и в военном деле не имело особо широкого распространения и не было регламентировано со стороны государства, то правительству Петра I (вернее, самому Петру I) принадлежала инициатива и в осуществлении государственной регламентации парусного и гребного дела и в создании специальной «партикулярной верфи» (в Петербурге).

Начало государственной организации парусного и гребного дела был положено указом Петра I от 12 апреля 1718 г.

В этом указе были изложены и общие основания государственной регламентации парусного и гребного дела и подробные указания, как следует хранить и ремонтировать суда, в чем должны состоять «экзерции» гражданского Невского флота и т. д.

По данным П. Н. Столпянского, правительством Петра I было роздано безденежно 90 местам и лицам 141 судно на сумму в 125 199 руб. в вечное потомственное владение. При этом, указывает Столпянский (о чем говорится и в указе от 12 апреля 1718 г.), суда раздавались жителям Петербурга (речь шла о привилегированных классах) с условием: починку судов владельцы брали на себя, а также давали подписку, что когда суда придут в ветхость, то новые будут сделаны за их счет².

«Экзерции парусных и гребных судов» указ 1718 г. предписывал проводить «по вся воскресенья в указанном часу», для чего нужно было всем владельцам судов по сигналу (выстрел из пушки или поднятие флага) выезжать к назначенному «для каждого из них месту, где комиссар определит».

О содержании «экзерций» лучше всего говорит следующее место из приведенного указа: «ездить в указанном месте,

---

¹ Герье. Отношение Лейбница к Петру Великому. «Журнал Министерства народного просвещения». 1870.

² «Как возник, основался и рос Санкт-Петербург». Изд-во «Колос». 1918. Стр. 32.

в месяцах в мае по $3\frac{1}{2}$ (очевидно, часов), в июне по 4, в июле по $3\frac{1}{2}$, в августе по 3, в сентябре по $2\frac{1}{2}$, в октябре по 2 час. лавирами, полу, фордовинтами, для обучения». Таким образом, учебно-тренировочная сторона всех этих массовых занятий парусным и гребным спортом (точнее, делом) раскрывается перед нами как целая система изучения парусного и гребного дела привилегированными слоями населения (в указе они носят названия «хозяев») Петербурга.

Галера эпохи Петра I
(снимок с гравюры)

Что речь шла здесь по преимуществу о привилегированной части населения Петербурга, доказывает следующее указание: «На всей экзерциции вольны хозяева быть или не быть каждый раз, однако не более двух дней в месяц не быть (а ведь экзерциции предписывалось проводить каждое воскресенье), разве для какой законной причины, а посылать у кого есть детей или сродников, а у кого нет, — людей под штрафом» (курсив наш. — А. Г.). Следовательно, замена «людьми»¹ была возможна лишь в крайних случаях, как исключение из общего правила.

Все владельцы судов, согласно указу, были прикреплены к следующим сборным пунктам: 1) «на большой площади у при-

---

¹ См. указ Петра I от 12 апреля 1718 г.

стани», 2) «против Никольской церкви», 3) «у анбаров торговых», 4) «у литейного анбара».

Помимо обычных, еженедельных «экзерциций», иногда проводились смотровые, или «генеральные», как об этом упоминается в поденных записках Петра Великого. Так, в записях от 21 августа 1718 г. читаем: «...была генеральная экзерциция всеми галерами, которых было 121»¹.

В дневнике камер-юнкера голыштинского посольства Ф. Берхгольца имеется чрезвычайно подробное описание одной из экзерциций Невского флота, устроенной на Неве 23 июня 1721 г. Приводим дословный текст этого описания: «Утром приехал граф Пушкин и объявил, что его величество царь намерен устроить после обеда увеселительное катание на Неве всех здешних барок и вереек, на которое приказал пригласить и его высочество (т. е. герцога Голыштинского). Он, т. е. Пушкин, хотел заехать за нами, когда выкинут флаги. Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все яхты, торншхоуты и буера должны собираться у крепости. Для неявившихся по этому знаку положен штраф. После обеда в назначенный час явился граф Пушкин, и мы отправились, взяв с собою как барку, так и обе наши верейки. Подъехав к реке, мы увидели, что все уже довольно далеко, почему велели грести сильнее и скоро догнали флотилию. Впереди ее шел адмирал «маленького флота», имевший на своем судне для отличия большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права его обгонять.

Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал повернул назад, а все следовавшие за ним остановились и выжидали, пока он не прошел мимо... Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках — не менее 4 человек). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собой музыку; звуки множества вольторн и труб беспрестанно оглашали воздух»².

Судя по всем данным, это была одна из «генеральных экзерциций» Невского флота. О неуклонном проведении указа от 12 апреля 1718 г. в течение всего царствования Петра I весьма убедительно говорит ряд записей в том же «Дневнике» Берхгольца от 1722, 1723 и 1724 гг. В одной из этих записей, датированной 27 октября 1723 г., описывается проведение

¹ См. «Поденные записки» с 1798 г., записи от 21 августа 1718 г.

² Берхголец. Дневник. Ч. 3, стр. 172.

«экзерции» парусных судов даже в условиях резкого похолодания, что и отмечает Берхгольц, говоря, что это катание «вероятно будет последним... морозы стоят такие, что река вероятно скоро станет»¹. Следовательно, указ 1718 г., предписывавший устраивать «экзерции» парусных и гребных судов «по вся воскресенья», начиная с мая месяца и до октября включительно, выполнялся в 1723 г. так же последовательно, как и в год издания его. Мало того, с весны 1724 г. подобные же учения стали происходить и в Москве, как видно

Модель верейки

из следующей записи в «Дневнике» Берхгольца под датой 10 апреля 1724 г.: «Около полудня было объявлено с барабанным боем, чтобы все верейки и боты, какие только есть в Москве, после обеда собрались в назначенном месте. Думают, что матросы и другие люди будут предварительно упражняться на них в плавании, потому что императору, может быть, захочется устроить здесь, как в С.-Петербурге, увеселительное катанье по реке»².

Упоминание в указе от 12 апреля 1718 г. о постройке верфи по строительству и ремонту парусных и гребных судов находит в дальнейшем подтверждение в «Истории Петербурга» у первого его историка Богданова. Партикулярная верфь, т. е. судовой двор, сообщает Богданов, «построен на реке Фонтанке

¹ Берхгольц. Дневник. 1902. Стр. 75.

² Берхгольц. Дневник. Ч. 4, стр. 29.

(Соляной городок. -- А. Г.) против Летнего дворца в 1718 г., на котором строят всякие мелкие суда: парусные, гребные, буера, доншхоуты, шлюпки, баржи и щерботы».

Все эти далеко неполные данные все же показывают нам, что государственная регламентация парусного и гребного дела, проведенная правительством Петра I, имела в виду: а) положить начало обучению парусному и гребному делу гражданского населения Петербурга; б) способствовать созданию гражданского флота, материальную основу которого составляли, с одной стороны, государственные средства, с другой стороны, средства крупных собственников; в) создать партикулярную судостроительную верфь.

В целом вся совокупность мероприятий, направленных на развитие парусного и гребного дела, непосредственно контролируемого и руководимого государством (в лице комиссара Потемкина), вне всякого сомнения служила и формой подготовки резервов для военного флота (об этом говорит самый характер «экзерциций» и гравюры с изображением морских сражений) и одной из форм культурных развлечений, наслаждаемых Петром I сверху среди привилегированных классов.

ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РАЗВЛЕЧЕНИЯХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ КЛАССОВ

Культурные веяния, идущие с Запада, оказывая влияние на умонастроение и быт привилегированных классов России начала XVIII в., не обошли, как нам известно, и такой области быта, какою были развлечения, или «потехи», того времени. К тому же, в результате проведения образовательных и вообще культурно-политических реформ Петра I сам по себе и бытовой уклад стал иным по сравнению с предыдущим периодом. Одним из первых мероприятий, предпринятых в этом направлении Петром I, следует считать организацию ассамблей. В указе от 26 ноября 1718 г. разъясняется, что слово «ассамблея» французское и что оно означает «вольное собрание», которое делается «не только для забавы, но и для дела».

Игра в шахматы и шашки, как и танцы, являясь составными частями ассамблей, рассматривались в качестве культурных развлечений привилегированного населения Петербурга того времени. Касаясь других развлечений петербургской знати¹, следует отметить прежде всего устройство массовых прогулок на гребных судах по Неве. Одной из наиболее ярких иллюстраций к характеристике этого развлечения может послужить описание торжественного празднования по случаю заключения Нейштадтского мира, состоявшегося в Петербурге 22 октября 1721 г. «Поденные записки» это событие описы-

---

¹ Берхгольц. Дневник. 1904. Ч. 2, стр. 71, и ч. 3, стр. 10.

вают довольно подробно. Мы приведем лишь часть данного описания:

«22 октября 1721 г. состоялось торжественное празднование Нейштадтского мира. В соборной церкви была отправлена литургия, затем состоялось чествование императора речью, затем ответ императора, повышение чинов, затем шел банкет с танцами, был выстроен «Янусов храм», освещенный тысячами огней, по Неве ходили иллюминированные галеры и лодки, была устроена стрельба из пушек и ружей. Играла музыка, горели фейерверки, колесо фортуны... На берегу Невы стояли две фигуры, одна изображала правду, другая — корабль с надписью: «конец дело венчало».

В тех же «Поденных записках» имеется еще описание одного из придворных «машкерадов» (9 сентября 1720 г.), в котором принимало участие до 5000 чел. Участники «машкерада», как мужчины, так и женщины, были наряжены в различные «удивительные платья».

Продолжался маскарад, указывает автор «Поденных записок», «через целую неделю и гуляли, — говорит он дальше, — по улицам и по реке Неве на баржах и верейках»¹.

Описание этого маскарада, как и вообще всех массовых придворных празднеств, включая сюда и приведенное выше празднование по случаю заключения Нейштадтского мира, говорит нам о несомненном влиянии Франции на их оформление. Тем более, что сам Петр, I будучи во Франции в 1716 г. и знакомясь с достопримечательностями Версаля, видел там и потешные воды, и фейерверки, и иллюминацию, как об этом говорят «Поденные записки»².

Что прогулки на парусных судах и лодках имели широкое распространение среди петербургской и московской знати, доказывает тот факт, что не только в «Поденных записках», но и в сочинениях иностранцев (Корб, Берхгольц) мы находим большое число описаний «увеселительных катаний» на лодках, буерах и судах.

Корб, например, описывая посещение одного из подмосковных монастырей, упоминает о «восхитительном катании на лодках», в котором он и ряд представителей высшего сословия Москвы принимали участие, отдав даже должное «преlestям ловли рыбы сетями».

В «Дневнике» Берхгольца мы по крайней мере в 10 местах³ встречаем описание массовых прогулок по рекам Неве и Москве.

В описании одной из таких прогулок, устроенной 12 сентября 1721 г., приводится следующий весьма любопытный факт. Придворная знать во главе с Петром I и представители

¹ «Поденные записки». 1688. Ч. 2, стр. 190—191.

² См. «Поденные записки» с 1798 г.: записи от 21 августа 1718 г.

³ Берхгольц. Дневник. Ч. 3, стр. 172.

Гольштинского посольства во время движения флотилии, помимо других увеселений, развлекались еще тем, что качались на «больших русских качелях», которыми были снабжены суда... «Его королевское высочество (герцог Гольштинский) со своею свитою, — сообщает Берхгольц, — а царь и царица со многими дамами и кавалерами имели свои особые суда с качелями»¹.

Небезынтересно отметить, что если, как правило, во время прогулок на лодках применялся труд крепостных гребцов, все же, очевидно, некоторые из представителей даже высшей знати, следуя личному примеру Петра, практически изучали парусно-гребное дело². Тот же Берхгольц под датой 9 сентября 1721 г. внес в свой дневник следующий факт:

«Тайные советники Бассевич и Гемен с Ранцау Сальдерном и Альфредом, а я с т. с. Клауссенгеймом, Нарышкиным, Сурландом, Геклау и Шульцем ездили на лодках по каналам (С.-Петербург), чтобы приучиться грести»³.

Не останавливаясь на таких развлечениях, как стрельба из лука в цель, о чем имеется всего одно упоминание у Корба⁴, мы считаем необходимым более подробно рассказать об охоте, издавна служившей целям физической и военной подготовки для господствующих классов.

Оцененная именно с этой точки зрения еще Владимиром Мономахом, охота в последующие века достигла относительно высокого уровня развития, являясь на протяжении всего этого времени одним из наиболее распространенных средств физического воспитания в быту господствующих классов: князей и бояр, а позднее и помещиков.

Царская охота, после своего «блестящего периода»⁵, относящегося ко времени царствования Алексея Михайловича, оказалась затем в состоянии упадка, продолжавшегося с 1676 по 1726 г. г., но охота частных лиц, принадлежавших к привилегированным сословиям, не только не потеряла своего прежнего значения, но, повидимому, в эпоху Петра I получила еще большее распространение, чем в предшествующий период.

Известно, например, что по инициативе князя Ромодановского, стоявшего во главе Преображенского приказа и ведавшего в то же самое время управлением — «царской охотой», в 1701 и 1703 гг. были изданы указы о воспрещении частным лицам охоты в окрестностях Москвы. При этом следует иметь в виду, что еще до этого в самом начале царствования

---

¹ Берхгольц. Дневник. Ч. I.

² Петр I обычно сам стоял у руля парусных и гребных судов как во время «экзерциций», так и во время прогулок.

³ Берхгольц. Дневник. Ч. I, стр. 115.

⁴ Корб. Дневник путешествия. Описание стрельбы из лука в цель в имении Нарышкина, под датой 23 июля 1699 г.

⁵ Н. Кутепов, автор монографии «Царская и императорская охота на Руси» (СПб. 1900), именно так называет этот период в истории царской охоты.

⁶ Там же, т. III.

Петра, 8 мая 1688 г., был объявлен «стольникам, стряпчим и дворянам московским и жильцам и всяких чинов людям» указ, чтобы они

«...в местах царских охотничьих угодий около Москвы в ближних местах с людьми своими по полям и в них со псовой охотой не ездили и из пищалей ни по каким птицам не стреляли и людей своих для того же не посылали».

Но этот указ, повидимому, плохо выполнялся дворянами и людьми «других чинов», со всем пылом увлекавшимися охотой, что и вызвало издание упомянутых выше указов.

«Ныне ведомо великому государю учинилось, — читаем мы в указе от 18 апреля 1703 г., — что на тех Измайловских лугах по рекам и прудам и по озерам ездят всяких чинов люди со птицами и с пищалями, птиц ловят и из пищалей по ним стреляют».

Помимо предписания управителю села Измайлова, стольнику¹ и воеводе М. В. Афросимову установить более надежную охрану царских охотничьих угодий, указ устанавливает и меры наказания для нарушителей закона «о царской охоте»: так, с «высших чинов», уличенных в браконьерстве, взыскивался штраф в размере 100 руб., нижним же чинам «грозило наказание жестокое безо всякой пощады» и «ссылка в Азов с женами и детьми на вечное житье»¹.

Наряду с приведенными выше фактами, свидетельствующими о все растущем увлечении русского дворянства охотой, можно также привести еще описание соколиной и псовой охоты, которое имеется и у Корба и у Берхгольца.

Вот как описывается охота с соколами и гончими:

«В 7 часов утра его королевское высочество с т. с. Бассевичем и некоторыми из нас поехал верхом к охотничьему дому кн. Ромодановского, где еще до обеда началась соколиная охота за утками, которая была чрезвычайно забавна. У князя множество прекрасных и редких соколов, и он не мало тратил на них. Уток там было очень много, а потому добыча наша вышла довольно значительная...»

Приводя далее описание охоты с гончими, Берхголец сообщает, что гончих было более ста тридцати.

Оставляя в стороне замечание Н. Кутепова, что здесь Берхголец, говоря о большом числе соколов и гончих, вероятно, ошибается, считая их собственностью кн. Ромодановского, а не собственностью царского приказа, мы из этого описания делаем тот вывод, что охота в эпоху Петра I не только не утратила своей привлекательности для высшей знати и русского дворянства, но, повидимому, она, как и встарь, являлась одним из наиболее любимых и распространенных среди них развлечений.

---

¹ Н. Кутепов. Царская и императорская охота на Руси. 1900. Т. II, стр. 10—11.

Попутно с этим нелишним будет коснуться вопроса об отношении Петра I к охоте. Из достоверных источников известно, что если Петр в самом начале своего царствования был равнодушен к охоте, считая ее лишь праздною забавой, то уже начиная примерно с 1714 г. он, видимо, изменив к ней прежнее отношение, время от времени выезжает на охоту и отдается ей с присущим ему увлечением¹.

При этом любопытно отметить, что во время своего заграничного путешествия в 1716—1717 гг. Петр I и сопутствующие ему представители русской знати с большим увлечением занимались не только охотой, но наряду с ней и стрельбой из ружей в цель.

Вот некоторые данные, извлеченные из «Юрнала» за 1716 и 1717 гг.:

«Его высочество ездил с Герцухом на охоту и застрелил оленя», сообщает нам «Юрнал» об охоте Петра I в бытность его в Мекленбурге и Шверине в мае 1716 г. В июне того же года, по данным «Юрнала», Петр I у Пиромонта «после питья воды ездил верхом и кушал дома, и по кушанью (т. е. после обеда) стрелял из ружья в цель, и стреляли графиня и граф». Стрельбою же в цель Петр I занимался 4, 8 и 9 числа того же месяца.

В «Юрнале» от 15 июля 1717 г. мы находим сообщение, что Петр I у Аахена на горе, отстоящей от города в полуверсте, «изволил стрелять из самопалов стрелами и министрам своим приказал стрелять же в мишень». Что интерес к охоте у Петра I в последующие затем годы не прошел, а наоборот, даже несколько возрос, доказывает ряд фактов, занесенных в «Юрнал» в период между 1719—1725 гг. Так, под датой «11 августа 1720 года» отмечено: «их величество ездили за охотой с птицами, с собаками».

В этот же день с.-петербургский полицмейстер А. М. Девиер, как это можно проследить по данным «Русского архива» (1865 г., стр. 1246), послал князю Меншикову донесение следующего содержания: «При сем доношу, что вчерашнего числа их величество изволили путь воспринять в Красное село с князь-цесарем (Иваном Федоровичем Ромодановским) для птиц охоты, с соколами к ловле, и оттуда через четыре дня возвратиться».

Все эти далеко неполные данные все же весьма убедительно говорят, что Петр I после первой же поездки за границу изменил свой старый взгляд на охоту, как на пустую забаву, и, очевидно оценив ее по достоинству, сам подавал пример и в охоте, и в стрельбе по мишеням из охотничьих ружей.

Что касается фехтования и вольтижировки, столь распространенных тогда на Западе, то, повидимому, в России при

---

¹ «Юрнал» 1714 г., стр. 123; «Юрнал» 1716 г., стр. 76, 78 и 79; «Юрнал» 1717 г., стр. 25; «Юрнал» 1720 г., стр. 32.

Петре I вряд ли они еще применялись где-либо, помимо учебных заведений.

В подтверждение этого можно привести хотя бы следующее место из «Дневника» Корба: «Не процветают в Москве, — говорит он, — упражнения знатных лиц, употребительные при европейских дворах. Никто не знаменит у них, — указывает он далее, — искусством объезжать лошадей и фехтованием»¹.

Относительно зимних развлечений в быту дворянского общества первой четверти XVIII в. можно сказать весьма немногое, ввиду незначительности тех сведений, которыми мы располагаем. Из них прежде всего следует выделить свидетельства графа Бассевича и Берхгольца об устройстве «машкерадных катаний на санях» в 1722 и в 1723 гг. в Москве.

Вот как описывает граф Бассевич проведение первого «машкерадного катания на санях»:

«Любовь к морю нигде не покидала царя. По его приказанию устроены были великолепные машкерадные катания на санях. Чтоб восполнить недостаток моря и флота, саням придана была форма морских судов, и из них самые небольшие могли вместить от 10 до 12 человек и везлись шестью лошадьми. Между ними наибольшее внимание обращали на себя турецкое судно князя Волынского, одевавшегося то муфтием, то великим визирем, окруженного прекрасной и многочисленной турецкой свитой, и гондола императрицы, закрытая зеркальными стеклами и снабженная хорошо натопленной печью. Сани императора изображали военный 2-ярусный корабль с 3 большими мачтами, надлежащим экипажем и поставленными между множеством фальшивых десятью настоящими пушками, из которых часто палили. Монарх приказывал делать на улицах все морские маневры, так что даже полагали, что 16 лошадей, которые везли его корабль, только при помощи парусов могли сдвигать его с места»².

Из других зимних развлечений, имевших несомненно большее распространение, чем «машкерадные катания», необходимо отметить обыкновенные катания на санях. Эти катания в дни масленичной недели пользовались особой популярностью и известного с давних пор.

Джон Перри упоминает еще о катании на буерах по льду. По его мнению, инициатором первых в России катаний на буерах был сам Пётр. «...Что касается царя, — говорит Джон Перри, — то он большой охотник до воды: корабли и лодки составляют его восторг, и он так любит управлять парусами, — сообщает далее тот же автор, — что даже зимою, когда река Нева и устья у взморья замерзли и нельзя уже более плавать по воде, он имеет нарочно устроенные лодки, искусственным

---

¹ Корб. Дневник путешествия. Стр. 239.

² Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича. М. 1866.

образом приспособленные для катанья по льду. Каждый день,— указывает он в заключение,— когда дует ветер, если что-нибудь особенное не помешает ему, он в вышесказанных лодках с развевающимися флагами и вымпелами управляет парусами и реет от ветра по льду точно так же, как во время плавания по воде»¹.

Следует еще остановиться на таком интересном вопросе, как проникновение конькобежного спорта в Россию в 90-х годах XVII в.

Не считая правильным предположение Urving Brokaw², что изобретателем конька, привинчиваемого к сапогу, является не Джерксом Гейнс, а Петр I, мы тем не менее не можем не признать достоверности того, что именно при Петре I конькобежный спорт из Голландии проник в Россию.

Вот что, например, сообщает Я. К. Номен в своих записках о пребывании Петра I в Нидерландах в 1697—1698 и 1716—1717 гг.

«Москвитяне, которые еще оставались здесь, пользовались зимним временем и усердно учились кататься на коньках по льду, причем они неоднократно падали и сильно ушибались. А так как они, по неосторожности, иногда катались по тонкому льду, то некоторые из них проваливались в воду по шею. Между тем они отлично переносили холод и потому не торопились надевать сухое платье, а продолжали кататься еще некоторое время в мокром; затем уже переодевались в сухое платье и снова отправлялись кататься. Этим они занимались так ревностно, что делали успехи, и некоторые из них могли отлично бегать на коньках» (1688 г., 6 февраля, Амстердам).

Вполне согласно с нашей точкой зрения, Fritz Renel в своей книге «Das Eissportbuch» (Stuttgart, 1925) пишет: «Русские долго питали веру в то, что Петр Великий изобрел в Схидаме древо-железный конек, но он его конечно не выдумал, а только приобрел и привез в Россию, где бег на коньках долгое время был привилегией двора и «сфер».

Не касаясь более подробно этого вопроса, мы все же можем сделать тот вывод, что отдельные элементы физической культуры в виде катания на веревках, катания на коньках, в виде шахмат и различных других развлечений, входя составной частью в развлечения дворянства того времени, постепенно вытесняют действительно дикие формы придворных развлечений, имевших место еще в XVIII столетии. Здесь в первую очередь следует указать на полное исчезновение «медвежьих поединков»³, по жестокости не уступавших поединкам рабов со львами, устраивавшихся в римском Колизее для увеселения патрициев и паразитической толпы во II в. н. э.

¹ Джон Перри. Состояние России при нынешнем царе. Стр. 169.

² Urving Brokaw. The Art of Skating. London. 1910.

³ В царствование Михаила Федоровича устраивались поединки между «ловчими» и дикими медведями.

ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Тот факт, что вопросы образования и воспитания привлекают к себе внимание мыслителей и педагогов России первой четверти XVIII столетия, говорит нам прежде всего о возросших культурных запросах и интересах привилегированных классов, во-вторых, о росте потребностей в специалистах различных областей техники и знаний.

Так, именно в эти годы советник Петра I В. Н. Татищев пишет педагогическое сочинение в форме диалога: «Разговор о пользе наук и училищ»; выходец из крестьян самоучка И. Т. Посошков публикует свое сочинение: «Завещание отеческое»; Феофан Прокопович выступает с «Духовным регламентом», и, наконец, наряду с первыми учебниками по математике (учебник Магницкого) и географии, под прямым влиянием западно-европейских стран, появляется в 1717 г. «Наставление»: «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением царского величества».

В. Н. Татищев (1686—1775 гг.), явно сочувствуя образовательным реформам Петра I и выступая в то же самое время выразителем взглядов дворянства, в своих педагогических высказываниях, насквозь пропитанных просветительной философией, заявляет себя сторонником новой системы образования и воспитания, построенной по образцу западно-европейских стран.

Утверждая, что «человек состоит из двух разных свойств, души и тела», В. Н. Татищев, ссылаясь на философов, делит все науки на науки «душевного богословия» и «телесной философии». Высоко оценивая роль первой группы наук в образовании, коим «наипаче нужно прилежно стараться», чтобы «память смысла и суждение в добрый порядок привести и сократить», нужно в то же самое время изучать и вторую группу наук, включая и физическое воспитание, ибо «душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума».

Давая в последующем изложении более подробную классификацию наук, В. Н. Татищев делит их на науки: 1) нужные, 2) полезные, 3) щегольские, 4) любопытные, 5) вредительные.

К первым он относит речение, домоводство, медицину, законоучение, фехтование и стрелковое дело (стрельба из пистолета) и богословие. Ко вторым он относит грамматику, риторику, инородные языки, арифметику, геометрию, механику, оптику, акустику, астрономию, архитектуру, историю, генеалогию, географию, ботанику, анатомию и химию.

Щегольскими науками В. Н. Татищев считает поэзию, музыку, скоморошество, танцевание, вольтижирование, знаменование и живопись.

Относя к числу любопытных и тщетных наук астрологию, лицезнание, алхимию и считая, что они пользы не имеют, он признает существование волхования (некромантия, аэромантия, хиромантия, гидромантия) явлением вредным, тормозящим развитие просвещения.

Педагогические взгляды В. Н. Татищева сложились под несомненным влиянием Джона Локка. Неслучайно в высказываниях В. Н. Татищева об умственном, нравственном и физическом воспитании детей и юношества столь большое место отводится философии, естественным наукам и предметам физического воспитания.

Останавливаясь на высказываниях В. Н. Татищева о физическом воспитании, необходимо подчеркнуть, что он, подобно Джону Локку, придавал особое значение фехтованию, вольтижировке, стрельбе (из пистолета) и танцам.

Так, мы уже выше отмечали, что, например, фехтование и стрельбу из пистолета он относит к нужным наукам. Вольтижировка и танцы в его классификации наук находятся в одной группе с живописью и музыкой. В том же своем сочинении («Разговор о пользе наук и училищ»), касаясь недостатков академии, он указывает на необходимость такой постановки образования находящейся в ней молодежи, чтобы последняя, наряду с «заслушиванием сочинений» и изданием их, занималась бы изучением: философии, богословия, гражданских законов, высших разделов математики, геометрии и физического воспитания. И, видимо, большим недостатком академии Татищев считал тот факт, что там отсутствовало физическое воспитание. Его выражение: «При оном же (т. е. при академии) многих шляхетских нужных наук не определено, яко на шпагах биться, на лошадях ездить и танцевать»¹ (курсив наш. — А. Г.), говорит об этом достаточно убедительно.

В педагогических высказываниях Феофана Прокоповича (1681—1736 гг.)², автора «Духовного регламента», ближайшего сотрудника Петра I и апологета его реформ, мы встречаем прямые указания на необходимость включения физического воспитания в систему духовных учебных заведений. Выдвигая для духовной семинарии, помимо богословия, широкий план общего образования, построенного на изучении латинского языка, грамматики, истории, географии, арифметики, геометрии, логики, диалектики, риторики и политики, Феофан Прокопович вместе с тем выдвинул и идею физкультурно-гигиенической организации досуга и отдыха учащихся семинарии.

Этому вопросу он посвящает три параграфа в «Духовном регламенте», но наиболее полно его взгляды на физическое воспитание были выражены в следующем из этих трех парагра-

¹ Разговор о пользе наук и училищ. Стр. 112.

² Феофан Прокопович, профессор и ректор Киевской академии; вызванный в 1716 г. в Петербург, он сделался горячим сторонником реформы Петра I.

фов: «на всяк день два часа определить на гулянье семинаристам, а именно: по обеде и по вечере, и тогда б не вольно никому учиться и нйже книжки в руках иметь. А гулянье было бы с играми честными и телодвиженными: летом в саде, а зимою в своей же избе. Ибо сие и здравию полезно есть, и скуку отгоняет. А еще лучше таковыя избирать, которые с потехою подают полезное некое наставление; такое, например, есть водное на регулярных судах плавание, геометрические размеры, строение регулярных крепостей и пр.»¹.

Хотя элементы физического воспитания в виде «прогулок», «телодвиженных игр», игр на воде с использованием судов и выступают здесь не как части, составляющие учебную дисциплину, а как формы физкультурно-гигиенических мероприятий в организации быта и досуга учащихся семинарий, но во всяком случае налицо попытка включения физического воспитания в систему духовного просвещения.

Далее необходимо остановиться на одном из первых проектов организации народного образования — на проекте, представленном Петру I бывшим «спальником» Ф. С. Салтыковым. Проект («Пропозиции» 1712 г.)² был составлен Ф. С. Салтыковым по возвращении его из Англии и Голландии, куда он был послан обучаться мореплаванию в 1697 г.

Ф. С. Салтыков в своем проекте предложил следующую систему образования: в каждой губернии учредить 1—2 академии в здании монастырей, откуда выселить монахов. Содержатся академии за счет монастырских доходов. В качестве учителей приглашаются «сведущие лица и иностранцы». «В те же монастыри велеть набрать учеников дворянских и купеческих детей и всяких иных чинов и учинить штраф на отцов, чтобы они приводили своих детей от 6 лет, и быть им там до 23 лет». В академиях изучаются: латинский, греческий, английский, немецкий и французский языки; грамматика, риторика, поэтика, философия, богословие, история, география, математика, физика, механика, навигация, фортификация, артиллерия, архитектура, рисование, черчение, фехтование, верховая езда и танцы.

Отнюдь неслучайно «Пропозиции» указывают на необходимость фехтования, верховой езды и танцев. Их наличие в проекте было обусловлено теми требованиями, которые предъявлялись тогда к системе светского образования со стороны правительства Петра I.

Стремясь изменить грубые нравы, унаследованные еще от Московской Руси и глубоко вкоренившиеся в быт не только народа, но и высших сословий, Петр I и его приближенные, заботясь о приобщении последних к западно-европейской

---

¹ «Духовный регламент» 1721 г.

² «Пропозиции Федора Салтыкова», изд. О-ва любителей древней письменности. СПб. 1891.

культуре, всячески способствовали распространению новых взглядов на воспитание и на поведение человека в обществе.

Именно этим следует объяснить появление в 1717 г. такого литературного произведения, как «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением царского величества».

Отдав должное воспитанию добродетельности и благочестия, «Юности честное зерцало», как бы подводя итог всему сказанному ранее, рисует нам идеал благовоспитанного и образованного человека высшего сословия того времени: «младый шляхтич или дворянин, — читаем мы в § 18, — ежели в экзерциции (в обучении) своей совершен, а наипаче в языках, в верховой езде, танцевании, в шпажной битве, и может добрый разговор учинить, к тому же красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досугами прямым придворным человеком быть».

Но, как нам известно, не так уж далеко в представлении об идеальном светском образовании и воспитании ушли даже и такие страны, как Англия, Франция и Германия. Тем более, что составители «Юности честного зеркала» большинство своих советов заимствовали от иностранных авторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги сказанному о физическом воспитании в России в эпоху реформ Петра I, необходимо прежде всего указать на причины, обусловившие значительные изменения, которые произошли в физическом воспитании в России в этот сравнительно небольшой период времени.

Не может быть никакого сомнения в том, что создание и укрепление национального государства помещиков и торговцев в культурно отсталой стране выдвинули новые задачи. Эта «своеобразная попытка выскочить из отсталости» потребовала спешной «европеизации быта» и положила начало прочному проникновению элементов физического воспитания. Нужны были люди, способные действовать быстро и точно, выполняя отданные «свыше» приказы. Такие люди воспитывались всевозможными средствами, которых не знала старомосковская Русь.

Борьба за господство на море, насущная для создавшегося национального государства, усиливала военные элементы физического воспитания, особенно те, которые были связаны с морским делом.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что именно в эту эпоху, впервые в истории физического воспитания в России, было положено начало:

1) введению физического воспитания в учебных заведениях;

2). проведению государственной регламентации парусно-гребного дела;

3) успешному применению военизированных игр в целях военной подготовки юношества (физическое воспитание в потешных войсках Петра I).

Наряду с этим следует отметить проникновение из западноевропейских стран различных форм светских развлечений, заключавших в себе элементы физического воспитания.

Наконец, в эту эпоху получили большое распространение новые педагогические идеи о соединении умственного образования с физическим воспитанием. Это оказало влияние на все последующее развитие физического воспитания.

Что касается народных форм физического воспитания, то, при всей их примитивности, они сыграли не последнюю роль в петровское время, способствуя пополнению армии физически выносливыми людьми, не боявшимися ни трудностей походов, ни борьбы с иноземными войсками. Правительство не препятствовало, как за полвека до того, существованию народных забав, развлечений и игр. Но в силу своей классовой сущности петровская реформа прошла мимо задачи физического воспитания народной массы.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ
В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА

А. В. ГРАЧЕВ

ВВЕДЕНИЕ

В течение всего периода времени от эпохи реформ Петра I до начала 60-х годов XVIII в. физическое воспитание в России влачило весьма жалкое существование. Из всех начинаний Петра I и его сподвижников в этой области лишь фехтование в учебных заведениях для дворян обнаруживало еще некоторые признаки жизни. Все остальное, как например, регламентированные занятия парусно-гребным делом, организация военных игр молодежи (потешные полки Петра I), было предано забвению, если не считать некоторых неудачных попыток императриц Анны и Елизаветы восстановить былую славу Невского гражданского флота и столь же неудачных попыток возродить потешные полки. Нам также неизвестно ни одного сколько-нибудь значительного педагогического сочинения, вышедшего в этот период, в котором хоть в какой-либо степени были бы затронуты вопросы физического воспитания.

На прежнем уровне остались и те формы физического воспитания, которые, будучи условно обозначаемы как «народные», продолжали жить в быту различных народов, населявших Российскую империю XVIII в.¹ И только, пожалуй, охота, как царская, так и дворянская, по сравнению с предыдущим периодом получила теперь несколько более широкое распространение.

А между тем, развивающееся мануфактурное производство, непрекращающиеся войны, усиливающиеся торговые и культурные связи с западно-европейскими странами, вызывая необходимость расширения всей системы образования и воспитания, требовали вместе с тем более широкого применения и физического воспитания.

Последнее во Франции и Англии стояло на значительно более высоком уровне, чем в России. Но правящие круги в России второй четверти XVIII в., недооценивая значения физического воспитания, спокойно проходили мимо этого факта и, перенимая от западно-европейских стран их культуру, не обращали почти никакого внимания на развитие физического воспитания. Впрочем, не одно только физическое вос-

---

¹ Здесь имеются в виду народные игры, борьба, кулачные бои и т. д.

питание, но и вся система образования и просвещения за время от смерти Петра I до 60-х годов XVIII в. пришла в состояние упадка и запущения, причем в особенно тяжелом положении оказалось дело народного образования.

Вместе с оживлением педагогического движения в России в 60-х годах XVIII в. в значительной мере возрастает интерес не только к вопросам общего образования и воспитания, но и к вопросам физического воспитания. Этому способствовали получившие тогда широкое распространение идеи о создании «новой породы» людей, заимствованные из просветительной философии и педагогики Англии и Франции. Эти идеи пользовались известной поддержкой и со стороны Екатерины II. И если большинство буржуазных историков видело в этом благие цели просвещения России, осуществляемого Екатериной II, то о том, каков был действительный смысл ее политики, лучше всего говорят все те факты жесточайшего насилия и угнетения народов, описания которых составляют чуть ли не самые мрачные страницы в истории крепостнической России.

Энгельс в статье «Внешняя политика русского царизма», касаясь этого вопроса, писал: «Просвещение — это был в XVIII веке лозунг царизма в Европе, так же как в XIX веке «освобождение народов». Всякий территориальный грабеж, всякое насилие, всякое угнетение царизм производил не иначе, как под предлогом «просвещения», «либерализма» и «освобождения народов»¹. Стремясь использовать идеи «просвещения» и идеи «воспитания новой породы людей» в своих классовых целях, правительство Екатерины II этим же целям стремилось подчинить и идеи физического воспитания, получившие в 60-х годах сравнительно большое распространение в России.

В последующие затем десятилетия XVIII в. развитие физического воспитания в России хотя и медленно, но все же идет по пути дальнейшего своего укрепления в системе дворянского образования и воспитания. С другой стороны, элементы физического воспитания продолжают существовать в праздниках и обычаях закрепощенного крестьянства и городских низов.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В БЫТУ НАРОДОВ РОССИИ

Наиболее полное описание народных форм физического воспитания в России во второй половине XVIII в. мы находим у иностранца Гергарда-Ульриха-Антон Фита в его труде «Опыт энциклопедии телесных упражнений» (Берлин, 1794).

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, ч. 2, стр. 14. 1936.

Качели (слева) и катальные горы (справа)

Вначале он останавливается на характеристике физического воспитания русских: «...Физические упражнения, как гимнастические, так и оркестрические, составляют у русских, — пишет он, — важнейшую часть общественных увеселений».

Здесь Фит особо выделяет борьбу, указывая на большое распространение ее среди широких масс русского народа. «Русские, — говорит он, — стремятся показать на общественных увеселениях среди прочих упражнений свою ловкость и силу в борьбе».

Далее, касаясь русских плясок и пения, восхищаясь ими, Фит восклицает: «Ни один народ не любит больше пение и пляску, чем русский».

Он особо отмечает народные катания на лодках: «При чарующих поездках на Неве поются на лодках хором народные песни, сопровождаемые ритмичными ударами весел».

Переходя к описанию игр, Фит вначале останавливается на игре в мяч: «Без сомнения, в России употребляется несколько родов этой игры... Один из них состоит в том, что большой набитый мяч подкидывается ногами в воздух, в чем многие достигают большой ловкости».

Приводя затем данные об игре в свайку, Фит с чрезвычайно большими подробностями описал несколько родов качелей (веревочные; колесные, на шестах), указав при этом, что «хотя мы и встречаем эти качели везде и всюду, но к пасхе они составляют предпочитаемую часть всеобщих народных увеселений».

С меньшими подробностями он также описывает зимние народные развлечения.

«...Коньки и вертящиеся санки достаточно известны повсюду», — сообщает Фит. Но особой известностью из всех зимних развлечений, по данным Фита, пользуется все же катанье с ледяных гор. Он дает следующее описание ледяных гор, устроенных на Неве в С.-Петербурге: «Они состоят из лесов, сооруженных из балок, примерно 6-ти саженей или от 36 до 40 футов вышины; на одной стороне они снабжены ступеньками, чтобы удобнее влезать на них, на другой стороне видна наклонная поверхность, которая опускается от вершины лесов до льда под углом 20° к горизонту. Эта наклонная поверхность укладывается льдом, который, хорошо приложенный, образует ледяную поверхность, по которой сани скользят с невероятной быстротой».

Интересно привести по этому вопросу мнение Георги, который, будучи очевидцем народных зимних развлечений в С.-Петербурге, приводит описание катания с гор. «Горы, — говорит он, — кажутся свойственны северной России; здесь, бывало, устраивали обыкновенно ежегодно к сырной неделе две публичные горы на Неве (далее следует описание катания с гор). ...Сие увеселение столько нравится народу, что и простые женщины и молодые люди лучшего состояния в оном

Летние катальные горы на Крестовском острове

участвуют. Некоторые молодые люди, — сообщает он в заключение, — столь искусны в том, что спускаются с горы без сапогов, на ногах или на коньках»¹.

Говоря о распространении в России катания с ледяных гор, Георги, как и Фит, подчеркивает, что особенно большое скопление народа на ледяных горах бывает в дни масленицы. Это замечание для нас интересно тем, что оно указывает на связь некоторых древнейших форм народных развлечений с праздниками и обычаями, от которых веет языческими верованиями наших предков.

В более поздних описаниях народных игр, например у Покровского в его капитальном труде «Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России», мы находим целый ряд подтверждений этого положения².

Переходя к характеристике физического воспитания других народностей, «подвластных русскому правительству» (выражение Фита), Фит все свое описание строит на данных Палласа, Гмелина и Мюллера, которые в своих путевых заметках и сочинениях касались вопросов физического воспитания отдельных народностей, населявших Россию во второй половине XVIII столетия.

Для характеристики физического воспитания у татар Фит, основываясь на сообщениях Гмелина и Мюллера, приводит следующие данные:

«Свадебные торжества обычно у них начинаются скачками. Татарские мальчики состязаются в верховой езде на далекое расстояние. Победителям дают награды, которые выставляют напоказ женихом и невестой перед домом на длинном шесте. Они состоят из различных материй, шкур и инструментов». Следовательно, уже с детских лет татары занимались верховой ездой. Она являлась одновременно и средством развлечения и средством физического и трудового воспитания, будучи неразрывно связана со всем бытом татарина-скотовода.

Останавливаясь на физическом воспитании у казаков, Фит, ссылаясь на Палласа, приводит следующие сведения:

«Казаки... с молодости привыкают к сильным упражнениям. Они достигают чрезвычайного искусства как в употреблении лука, копья и огнестрельного оружия, так и в верховой езде». И далее: «Свадебные торжества яицких казаков сопровождаются всевозможными играми и плясками».

В Акгинске Палласу пришлось наблюдать спортивные упражнения тунгусских (?) казаков. Вот как он описывает их: стрела втыкалась в землю, мимо нее мчались полным галопом участники соревнования, держа наготове лук со стрелой, при-

---

¹ Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. Стр. 654.

² Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. 1884.

чем лошади в это время управлялись лишь движением туловища и ног. «Несмотря на то, — говорит Паллас, — что как будто казалось, что таким путем они не смогут удержаться на лошадях, все же мы видели, как они с величайшей уверенностью выполняли все движения, натягивали лук, целились и стреляли. Воткнутая вместо цели стрела состреливалась до самой земли». Из этого видно, что различные физические упражнения казаков, среди которых наиболее видное место занимает верховая езда, очевидно имели своей ближайшей целью привитие с детства военно-прикладных навыков. Помимо этой цели, элементы забавы и игры были присущи физическим упражнениям казаков.

Касаясь физического воспитания вогулов, Фит приводит из сочинений Палласа данные лишь о плясках.

Точно так же, говоря о формах физического воспитания остяков, Фит, ссылаясь на сообщения Палласа, замыкает их в рамки различного рода подражательных плясок. Национальные танцы остяков, по свидетельству Палласа, требовали от исполнителей их большого напряжения и ловкости. «Действия, которые в них изображаются, — говорит Фит, — взяты из того рода занятий, которые распространены у этого народа и наиболее важны, а именно — охота на зверей и птиц, рыбная ловля и т. д.».

Таким образом, и здесь подчеркивается связь физического воспитания с трудом.

Физическое воспитание у ненцев, по свидетельству того же Палласа, строится на использовании таких средств, как борьба, прыжки через препятствия и пляски.

Больше всего данных, характеризующих физическое воспитание, приведено у Фита о калмыках, тогда еще не знавших оседлости. Эти данные говорят о тесной связи национальных форм физического воспитания с бытом и трудом калмыков.

Вот что сообщает Фит о физическом воспитании у калмыков, опираясь на чрезвычайно интересные сведения, собранные Палласом:

«Когда калмыки долго останавливаются на одном месте, то они наслаждаются играми и развлечениями, которые устраиваются во время празднеств как для увеселения, так и для времяпрепровождения. В теплое время молодые люди упражняются в борьбе или стрельбе из лука в цель. Устраиваются рискованные состязания на конях, в которых участвуют и девушки».

В описании калмыцкой борьбы Палласа мы встречаемся с редким случаем, когда с необычайной точностью приводятся все мельчайшие данные, относящиеся к одному из излюбленных видов физического воспитания калмыцкого народа. Приводим полностью это интересное описание.

«Борьба у калмыков обладает особенно твердо установлен-

ными правилами. Суть этих правил состоит в том, что при борьбе один должен без горячности и умышленного поранения положить на спину другого, чтобы считаться победителем. Борцы раздеваются вплоть до длинных полотняных штанов, которые, в свою очередь, заворачиваются до половины ляжки. При настоящих состязаниях в борьбе 2 или 3 секунданта, в качестве свидетелей, стоят за каждым борцом, чтобы борьба шла по правилам, а также один с кувшином холодной воды для освежения спины борца из своей партии, когда борьба затягивается. Когда борцы выступают один против другого, они нагибаются, набирают полные горсти пыли и бросают ее обратно на землю, потом обходят друг друга кругом, чтобы схватиться наивыгоднейшим образом. Обычно один другого схватывает за кушак сзади правой рукой и старается сохранить до удобного момента другую руку свободной. Ни один из них не промолвит ни малейшего звука. Ни один не должен разгорячаться, в особенности нельзя хватать за горло или за чуб и ранить царапинами или толканьем. Если случится что-нибудь подобное, то секунданта разводят разгоряченных борцов, а обидчик сильно порицается. Борьба длится очень долго, и часто один поднимает другого безрезультатно за пояс на воздух, не выводя его из равновесия. Некоторые, ухватившись за противника руками, умеют даже при падении достигнуть преимущества и бросить противника через себя на землю. Кто принужден, таким образом, лечь совершенно вытянувшись на спине на землю, тот считается побежденным. Замечательно, что эти же правила употребляются и в Швейцарии» (Паллас. Из собрания исторических известий о монгольских народах. Ч. I, стр. 148 и 149. Цитировано по Фиту).

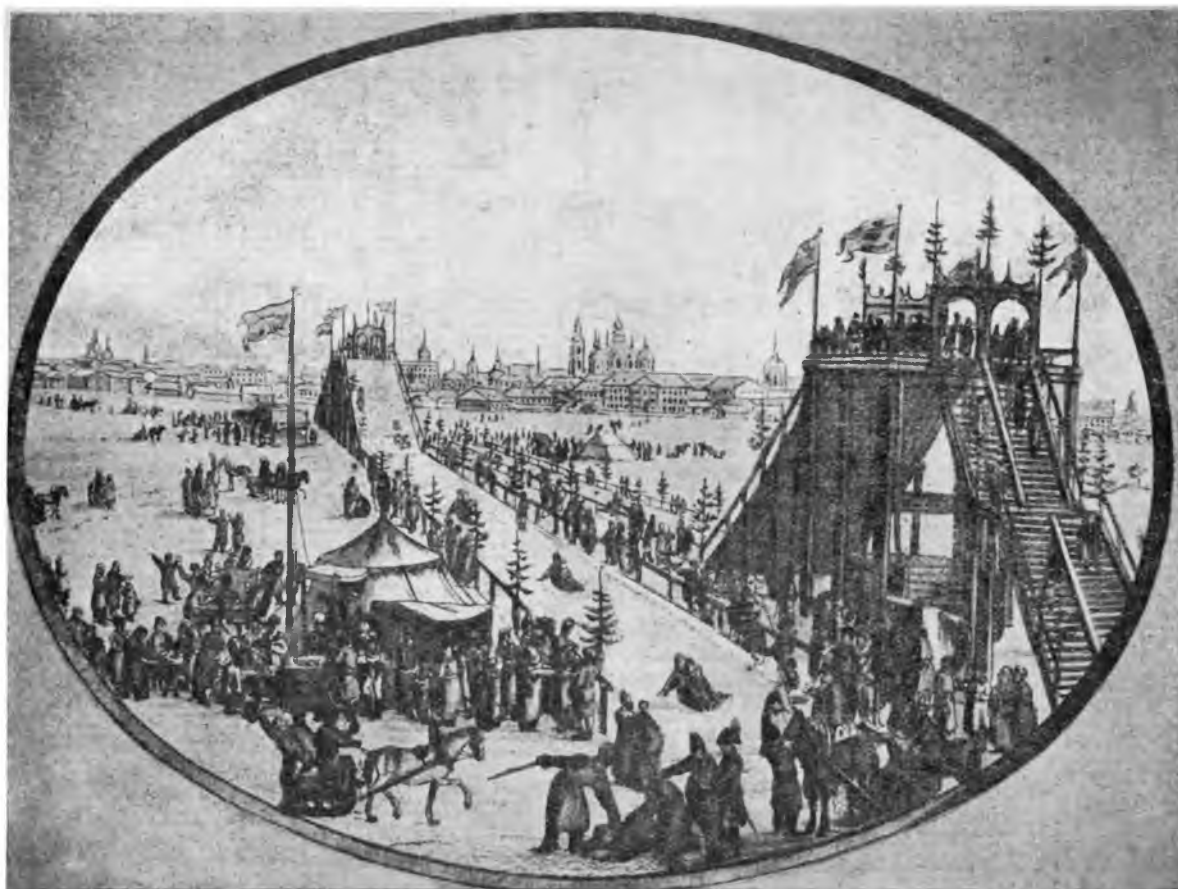
Другой вид физического воспитания калмыков — стрельба из лука — также весьма подробно был описан Палласом:

«Стрельба из лука проводится отчасти в цель, чтобы судить о меткости, причем стрела пускается по прямой линии, отчасти для того, чтобы испытать силу лука и того, кто его натягивает» (цитировано по Фиту).

Высоко оценивая способности калмыков в стрелковом искусстве, Паллас, ссылаясь на устные утверждения очевидцев, приводит рассказ об одном калмычком стрелке, который однажды на состязаниях, по желанию князя, с небольшого расстояния так прострелил лошадь, что стрела вышла с другой стороны со всей рукояткой.

Останавливаясь в заключении на влиянии социально-экономических отношений на физическое воспитание различных народов, входивших в состав Российской империи конца XVIII в., и обобщая приведенные в настоящей главе данные, можно сделать ряд выводов.

Первое, что здесь следует отметить, это усиление крепостной зависимости русских крестьян от их помещиков и колониальной зависимости всех тех народов, которых держало

Зимние катальные горы

в своем подчинении царское правительство. Как известно, трудовые массы этих народов находились еще в известной зависимости и от «своих» князьков. Тяжелый подневольный труд русских крепостных крестьян, бесконечные поборы царских чиновников среди коренного населения национальных областей естественно влияли отрицательно на условия существования и быта, а вместе с тем и на физическое воспитание народа. Для последнего, исключая разве детей, в обычные дни уже не оставалось времени, да и в праздничные дни не все имели возможность отдыхать и заниматься играми и увеселениями; картины быта крепостных крестьян, нарисованные Радищевым, весьма убедительно говорят об этом.

Второе, что нам бросается в глаза при изучении народных форм физического воспитания, это его прочная связь с бытом, трудом и военным делом.

И третье, что в известной мере может быть связано с нашим вторым выводом, — это традиционный характер большинства народных игр и развлечений. Именно в силу исторической традиции, путем перехода от поколения к поколению, складывались национальные формы физического воспитания. И вполне понятен тот интерес, который вызывает у нас описание народных игр XVIII в., ибо многие из них, дожив до наших дней, расцвели у нас пышным цветом, а некоторые из них, уже исчезнув в XIX столетии, но запечатленные в трудах современных им ученых, представляют немалую ценность для изучающих историю физической культуры в СССР.

Заканчивая на этом характеристику народных форм физического воспитания и переходя далее к освещению вопросов физического воспитания среди привилегированных классов, необходимо подчеркнуть, что правительство Екатерины II, не проявив и минимума заботы о народных массах, все свое внимание в этой области сосредоточило на обслуживании и на удовлетворении запросов дворянства.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧЕБНЫХ И ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Для просветительной политики дворянско-помещичьего правительства Екатерины II (1762—1796 гг.) весьма характерным моментом была строго проводимая сословность во всех мероприятиях в области образования и просвещения.

Так, в преобразованном в 1766 г., по составленному Бецким уставу, Сухопутном шляхетном корпусе могли учиться только дворяне. В училища при Академии художеств (1764 г.) и при Академии наук (1765 г.) принимались мальчики «всякого звания», исключая крепостных. Открытый в 1764 г. Институт для благородных девиц имел значительно более широкую про-

грамму, чем мещанское отделение этого института, открытое в 1765 г.

Что же касается широких народных масс и в первую очередь крепостного крестьянства, то Екатерина II, следуя известной формуле, высказанной ею в «Наказе» 1767 г. («невозможно дать общего воспитания многомиллионному народу»), в течение целых 15 лет оставляла без внимания вопрос народного образования. И только когда выяснилось, сколь неудачны попытки «подготовки третьего чина» через мещанские учебно-воспитательные заведения, правительство Екатерины II встало на путь создания народных училищ. Но и здесь процент крестьян и солдатских детей был весьма незначителен.

В результате осуществления школьной реформы 1786 г. (в основе ее лежал опыт австрийской системы народного образования) число учебных заведений (основную массу которых составляли главные и малые народные училища), равнявшееся в 1782 г. 8, к 1787 г. достигло 218, а к 1796 г. — 316.

Курс главных народных училищ продолжался 5 лет (4-й класс был двухгодичный), в малых же училищах всего лишь 2 года. И если в первых, помимо прохождения чтения, письма, устной и письменной нумерации, священной истории, краткого и пространного катехизиса, арифметики, грамматики, чистописания и рисования, изучался еще целый ряд других предметов (всеобщая история, география, геометрия, физика, естественная история и языки для желающих), то в малых школах ограничивались лишь изучением предметов, указанных нами вначале.

Учебный план кадетских корпусов, рассчитанный на обучение детей дворян, отличался значительно большей широтой изучаемых предметов. Так например, согласно уставу 1766 г. в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе изучались следующие предметы:

I. «Руководствующие к познанию прочих наук»: 1) логика, 2) начальные основания математики, 3) красноречие, 4) физика, 5) история священная и светская, 6) география и хронология, 7) языки, употребительные и для наук потребные, 8) математика, 9) механика.

II. «Предпочтительно нужные гражданскому званию»: 1) нравоучение, 2) естественное право, 3) всенародное право, 4) государственное право, 5) экономия государственная.

III. «Полезные»: 1) генеральная и экспериментальная физика, 2) астрономия, 3) география вообще, 4) наутика, или сведения о морском искусстве, 5) воинское искусство, 6) натуральная история, 7) фортификация и артиллерия, 8) химия.

IV. «Художества»: 1) рисование, 2) живопись, 3) гравирование, 4) изваяние, 5) делание статуй, 6) архитектура, 7) музыка, 8) танцевание, 9) фехтование.

Как видно из приведенных данных, просветительная политика правительства Екатерины II открывала широкий доступ

к получению образования лишь дворянству и давала так называемые начатки образования незначительной части непривилегированного населения. Учащиеся народных училищ были вовсе лишены физического воспитания.

В подтверждение этого можно привести хотя бы следующее свидетельство, взятое нами из инструкций по разработке «проектов частной комиссии об училищах и призрения требующих»¹:

«Бывает в некоторых местах, при гимназиях и университетах и для телесных эскерциций классы, как-то: фехтование, верховая езда, танцы и проч.», — читаем мы в инструкции. Но это — «в некоторых местах», а в России (в инструкции сказано «здесь»)... «до ныне обучаются оным в одних шляхетных кадетских корпусах и в особливых, так названных воспитательных училищах». Следовательно, физическое воспитание в России было в то время лишь в кадетских корпусах и в «особливых училищах» (имеются в виду институты благородных девиц и им подобные воспитательные заведения).

Но и в более позднее время правительством Екатерины II так и не было ничего сделано для осуществления тех пунктов проектов о «средних» училищах, в которых говорилось о необходимости введения физического воспитания для учащихся гимназии. О введении физического воспитания в народных училищах не приходится и говорить. Оно в них отсутствовало вплоть до Великой Октябрьской революции.

Но что же собою представляло физическое воспитание, проходимое в шляхетном кадетском корпусе?

По имеющимся в нашем распоряжении данным, там изучались фехтование, верховая езда и несколько позже «мячиковая игра». С известной натяжкой туда следует отнести и танцы. По уставу 1766 г. фехтование и верховая езда изучались учащимися 4-го возраста (от 15 до 18 лет) и 5-го возраста (от 18 до 21 года).

Из других учебных заведений, где также преподавалось фехтование, следует отметить Морской кадетский корпус² и Греческую гимназию. В списке учебных дисциплин первого мы находим: артиллерию, фортификацию, математические и навигацкие науки, географию, генеалогию, риторiku, историю, политику, мораль, геральдику, иностранные языки, рисование, танцы, парусно-гребное дело и упомянутое выше фехтование³. Что же касается Греческой гимназии или Греческого ка-

---

¹ Рождественский. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII в. СПб. 1910. Стр. 145—146.

² С.-Петербургский Морской кадетский корпус был основан имп. Елизаветой Петровной в 1752 г.; с учреждением его были ликвидированы: Московская школа или академия на Сухарева башне, СПб. Морская академия, Гардемаринская рота и Морская артиллерийская школа (Веселаго. Очерк истории Морск. кад. корпуса. СПб. 1852.).

³ Там же, стр. 121.

Урок фехтования в кадетском корпусе

детского корпуса (основан в 1775 г.), то и в этом учебном заведении, наряду с такими предметами, как закон веры, арифметика, алгебра, геометрия, история, география, рисование и иностранные языки, мы встречаем «танцевание» и «фехтование»¹. Можно предполагать, что фехтование еще изучалось в Пажеском кадетском корпусе (основан в 1772 г.). Так, в книге Георги «Описание столичного города Санкт-Петербурга» в том месте, где дается характеристика Пажеского кадетского корпуса, имеется замечание, что учащиеся в свободное от дежурств при дворе время «занимаются изучением всего того, что для дворянства во всяком звании полезным быть может». Надо полагать, что фехтование здесь было не забыто, поскольку тот же Георги далее указывает: «Поелику пажи выпускаются почти все в армию поручиками, а иные капитанами, то учение оных простирается и до военных наук».

Таким образом, можно считать установленным, что фехтование, являвшееся в то время одним из основных средств физического воспитания, изучалось по крайней мере в трех учебных заведениях, а может быть, в четырех (имея в виду Пажеский корпус). Относительно других учебных заведений, как Горного училища (основано в 1772 г.), гимназии при Академии наук, училища для детей иностранцев, учительской семинарии, так и всей системы народных училищ, мы не имеем никаких данных, говорящих о наличии в них хотя бы одного из предметов физического воспитания.

Переходя к организации преподавания фехтования и верховой езды, прежде всего следует остановиться на местах для занятий. Вот что сообщает по этому вопросу Георги, касаясь организации физического воспитания в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе: «К физическому воспитанию, — говорит он, — служат сады, которые при всех возрастах находятся и в коих они гуляют, различные игры и телодвижения производят; равным образом и рекреационные залы, украшенные географическими картами, планами, журналами, ведомостями и другими полезными для чтения книгами; здесь они танцуют, фехтуют, вольтижируют и разными другими играми забавляются».

Следовательно, уроки фехтования проходили в рекреационных залах. Специально оборудованных помещений для фехтования, какое, например, было в школе навигацких и математических наук в Москве при Петре I, Сухопутный кадетский корпус не имел, и уж подавно не имели другие кадетские корпуса, располагавшие значительно меньшими материальными средствами.

Значительно лучше обстояло дело с условиями для занятий верховой ездой, которая, как отмечалось выше, проходила в том же Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. По дан-

---

¹ Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. 1794.

ным Георги, «корпус имел знатную большую, светлую, каменную манежь у берегу Невы» и 30 лошадей, предназначенных для прохождения кадетами курса верховой езды.

Преподаватели фехтования и верховой езды кадетских корпусов обычно выписывались из-за границы. Многие из них, наряду с преподаванием в государственных учебных заведениях, занимались еще частной практикой, создавая свои «школы фехтовального искусства», предлагая свои услуги в обучении верховой езде.

Так, в 1766 г. прибывший из-за границы капитан Розенфельд, через объявление в «СПБ. Ведомостях» приглашал «желающих обучаться фехтовальному искусству явиться к нему на Моховую ул., в дом Щербакова»¹.

Появившийся вслед за ним итальянский танцмейстер Бартоло Фошолли и фехтмейстер Иосиф Дешамб, приехавший из Парижа², также не замедлили создать частные школы фехтовального искусства. Последний, желая привлечь к себе возможно большее число учеников, поместил следующее объявление в «Петербургских Ведомостях»: «Иосиф Дешамб, фламандский уроженец, бывший прежде сего в Парижской Королевской Академии форфехтером, а ныне находящийся в службе как при Шляхетном Инженерном кадетском корпусе, так и при новозаведенной при оном греческой гимназии по просьбе молодых благородных особ, состоящих из 25 чел., и с дозволения главной полиции завел здесь фехтовальное училище, в коем показаны будут основательные правила сей науки; желающее пользоваться учением оной благородное юношество приезжать имеет три раза в неделю, во вторник, четверг и субботу с 8 утра до обеда, а прочим молодым людям училище сие открыто также три раза в неделю»³.

Но наиболее широкую известность в распространении фехтовального искусства в России приобрел Балтазар Фишер, автор первого наставления по фехтованию, вышедшего на русском языке. Начало его деятельности относится к 60-м годам XVIII столетия. «Уже тридцать один год как имею честь обучать фехтованию благородное российское юношество», — писал он в предисловии к своему трактату о фехтовании, опубликованному им около 1796 г. Следовательно, его деятельность в России началась в 1764—65 гг. Балтазар Фишер не ограничился преподаванием фехтования только в учебных заведениях. Судя по целому ряду объявлений в «СПБ. Ведомостях», он, подобно Иосифу Дешамбу, давал еще уроки фехтования в созданном им для этой цели «фехтовальном училище»⁴.

Неслучайным, повидимому, является и тот факт, что именно Балтазар Фишер был инициатором «публичных ASSO», ко-

¹ «СПБ. Ведомости». 1766. № 40.

² «СПБ. Ведомости». 1773. № 86.

³ «СПБ. Ведомости». 1777. № 84.

⁴ «СПБ. Ведомости». 1791. Стр. 1769; там же. 1793. Стр. 1813.

которые пользовались большим успехом в России вплоть до 30-х годов прошлого столетия¹.

Первое такое «ассо», как называл Фишер «публичное собрание», на котором «охотники до фехтования» демонстрировали свое искусство, было устроено им в С.-Петербурге 19 августа 1778 г.² Свой большой педагогический опыт в области фехтования Балтазар Фишер изложил в довольно обширном труде. Содержание этого труда дает нам возможность ближе познакомиться с вопросами фехтовального искусства в России во второй половине XVIII в. и выяснить, на каком уровне стояло тогда фехтование в учебных заведениях и частных школах.

«Искусство фехтовать во всем его пространстве, новое описание со всеми нужными познаниями, как хорошо владеть шпагою» — таково полное название этой редкой уже теперь книги, вышедшей в России в конце XVIII в.³.

Каждая страница этого первого в России руководства делилась на две части и заполнялась французским (слева) и русским (справа) текстом одинакового содержания. Это чрезвычайно характерно для России второй половины XVIII в., когда увлечение всем французским проникало во все поры общественной жизни и быта привилегированных классов.

«Трактат о фехтовании», как называет Балтазар Фишер свое руководство по фехтованию, состоит из предисловия, краткого введения и двух больших разделов, посвященных методам обучения и разбору технических приемов фехтования на рапирах.

Четырнадцать гравюр, помещенных в тексте книги, служат прекрасной иллюстрацией к содержанию отдельных ее глав, не говоря уже о том значении, какое они имеют для выяснения особенностей техники фехтования на рапирах в России в конце XVIII в.

Значение фехтования, по Б. Фишеру, заключается прежде всего в том, что оно является одним из средств физического воспитания: «Фехтование, — говорит он, — развязывает (очевидно, здесь имеется в виду развитие) члены молодого человека». Фехтование, по Фишеру, играет большую роль⁴ в организации отдыха юношества. В этом случае оно уже является забавой, для которой следует использовать время, свободное от занятий науками. И, наконец, третьей, весьма важной стороной фехтования, по Б. Фишеру, выступает его значение для привития целого ряда ценных в военном отно-

---

¹ Столпянский. Спорт в старом Петербурге.

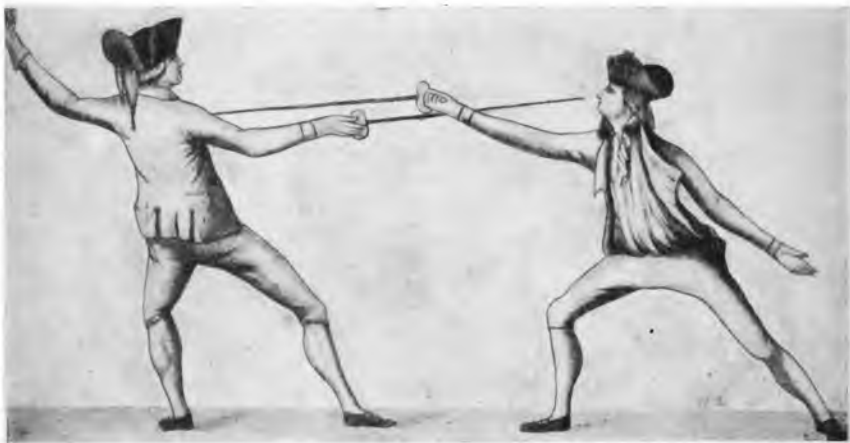
² «СПБ. Ведомости». 1778. Стр. 857.

³ Б. Фишер. Искусство фехтовать во всем его пространстве. (Год издания не указан, однако две гравюры, помещенные в книге и помеченные 1795 и 1796 гг., позволяют думать, что и книга была издана около этого времени.)

⁴ Б. Фишер. Искусство фехтовать во всем его пространстве.

шении качеств: «Оно научает почитать самого себя и ценить своих сограждан; удволяет также в нем похвальное честолюбие защищать свое отечество. Из сего, — заключает он, — можно судить о важности сего искусства для военного, что знатнейшие герои старались оное приобрести, и побуждает нас через то следовать их примеру»¹.

Таково значение фехтования, по Б. Фишеру, рассматриваемое им в конечном счете как одно из средств физического воспитания. В отличие от других средств физического воспитания для фехтования характерно «овладение контрой или

Урок фехтования
(с гравюры из книги Б. Фишера)

ассо, основанное на порядке ударов, употребительных в нашем искусстве и научающих вас, — говорит Б. Фишер, — как производить, так и отвращать удары». Иначе говоря, фехтование в понимании Б. Фишера — это один из предметов физического воспитания, обычно объединяемых общим названием дисциплин «защиты и нападения».

Ознакомление с 25 частями² первой книги и с 19 частями второй книги, в которых дается подробное описание технических приемов защиты и нападения в фехтовании на рапирах, приводит нас к выводу, что автор книги является сторонником так называемой французской школы фехтования. Принципам этой школы он следует как в отправных пунктах обучения фехтованию, так и в самом проведении учебных занятий³.

Для того чтобы познакомиться ближе с содержанием уро-

¹ Б. Фишер. Искусство фехтовать во всем его пространстве.

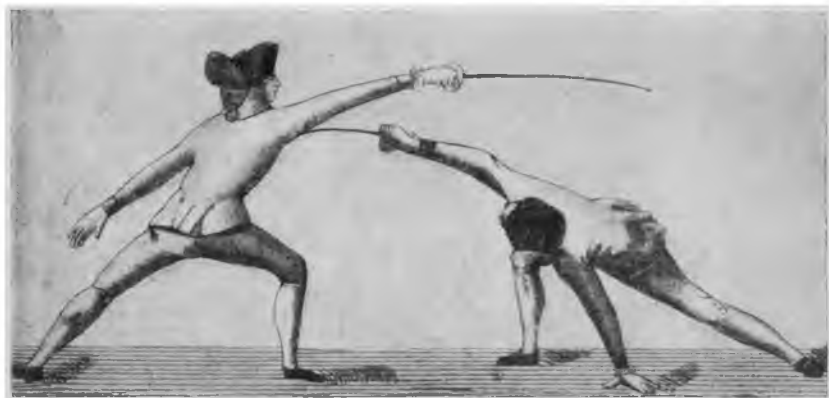
² Так Б. Фишер называет маленькие главы своего руководства.

³ О различии между «французской» и «итальянской» школами фехтования см. в книге «Руководство по фехтованию». 1936.

ков до фехтованию на рапирах и воочию представить себе преподавание его в учебных заведениях России конца XVIII в., мы приведем содержание двух первых уроков из восьми, которые имеются в книге Б. Фишера:

«1-й урок. Шаг вперед. Стукни два раза ногою. Вытяни колено. Выпадай, садись в позитуру. Шаг назад. Стукни два раза ногою. Вытяни колено. Выпадай, садись. Парируй кварт. Парируй тиерс.

2-й урок. Шаг вперед, перенеси кварт, садись, перенеси тиерс, садись. Перенеси кварт, вставая парируй кварт и выпа-

Урок фехтования
(с гравюры из книги Б. Фишера)

дай кварт, садись, перенеси тиерс, садись. Шаг назад, парируй кварт, выпадай кварт, садись. Парируй тиерс, выпадай тиерс, садись. Парируй кварт, выпадай, парируй кварт, выпадай, садись. Парируй тиерс, выпадай, парируй тиерс, выпадай, садись. Поклон. Перенеси кварт тиерс. Секундой кварт, парируй кварт, выпадай тиерс, парируй тиерс, выпадай секундой, парируй секунду, выпадай. Перенеси. Перенеси кварт, парируй кварт, раз—два тиерс, парируй тиерс, раз—два. Секундой. Парируй секундою раз—два. Кварт, парируй кварт, фланконад. Фланконад парируй фланконад, выпадай секундой. Перенеси кварт и обезоружь».

При анализе содержания всех 8 уроков первое, что обращает на себя внимание, это отсутствие строго определенной системы занятий или даже схемы, которая указывала бы на выделение разделов или частей в каждом отдельно взятом уроке. Правда, Б. Фишеру нельзя отказать в известной последовательности в расположении материала, в смысле постепенного перехода от менее сложных упражнений к более сложным. Но только этим, пожалуй, и ограничиваются те немногие завоевания в области методики обучения фехтованию, которые

мы можем отметить даже при самом тщательном ознакомлении с книгой Б. Фишера.

В этом отношении на несравненно более высоком уровне находилась методика, применяемая в гимнастических системах Фита и Гутс-Мутса, труды которых были опубликованы в Германии примерно в те же годы, что и трактат «Искусство фехтования во всем его пространстве».

Впрочем, не только в России, но и во всех других странах методика обучения фехтованию стояла много ниже методики

Урок фехтования
(с гравюры из книги Б. Фишера)

гимнастики, несмотря на давность первого и на отроческий возраст последней.

Сводя воедино сказанное о руководстве по фехтованию Б. Фишера, следует особенно подчеркнуть его значение как первого учебника по фехтованию, вышедшего на русском языке. Для изучающих историю фехтования в России оно явилось редкой и драгоценной находкой, благодаря которой стало возможным ознакомление с развитием фехтования на протяжении всей второй половины XVIII в.

Если фехтование было той дисциплиной, которая преподавалась во всех кадетских корпусах и являлась общепризнанным и необходимым предметом образования молодых дворян, то этого нельзя сказать о таких формах и средствах физического воспитания, как верховая езда, парусно-гребное дело и так называемая «мячиковая игра».

Так например, парусно-гребное дело изучалось лишь в Морском корпусе¹, а верховая езда и «мячиковая игра» преподавались лишь в Сухопутном кадетском корпусе. На последней следует остановиться несколько подробнее. Преподавание «мячиковой игры» в Сухопутном кадетском корпусе началось в 1772 г.

В конце этого года И. И. Бецкий, по указанию Екатерины II, заключил договор с «профессором мячиковой игры» г-ном Корбинь де-Плеси, прибывшим из Парижа, где эта игра культивировалась в Тюильри.

По договору за обучение кадет «мячиковой игре» де-Плеси в течение 6 лет получал ежегодно 1 500 французских ливров². По истечении 6 лет контракт был возобновлен еще на три года, а когда кончился и этот срок, был заключен новый с неким иностранцем Бином, «определенным в Сухопутный шляхетный корпус» для обучения «мячиковой игре», с жалованием в 500 руб. в месяц³.

Можно также предполагать, что в свободное от учебных занятий время учащиеся кадетских корпусов занимались различного рода играми. Во всяком случае в том же уставе 1766 г. в часы отдыха учащимся рекомендуется так проводить досуг, «чтобы все игры и гулянья служили им в пользу и в увеселение и оставлять им благопристойную вольность выбирать оные по своим летам, так чтобы самые забавы не казались им должностью».

Располагая крайне скудными данными о постановке физического воспитания в воспитательных домах и в учебно-воспитательных заведениях типа института благородных девиц, тем не менее можно сказать, что и здесь уделялось известное внимание физическому воспитанию. Как в институтах благородных девиц в Смольном (С.-Петербург) и Екатерининском (Москва), так и в воспитательных домах (Москва и Петербург) в качестве основных форм физического воспитания применялись игры в помещении и на свежем воздухе.

В уставе «Воспитательного общества благородных девиц» (институтов) 1764 г. имеются следующие указания к организации так называемых «забав».

(п. 22). «Для воспитываемого общества не меньше нужны всякие невинные забавы, которые в удовольствие их стараться изыскивать, а от благорассмотрения госпожи начальницы зависит оные так учреждать, чтоб по склонностям и по времени изобретаемы были».

---

¹ Веселаго в «Очерке по истории кадетского морского корпуса» упоминает о преподавании парусно-гребного дела; но возможно, что там еще изучалось и плавание; так, в «СПБ. Ведомостях» 1782 г. на стр. 549, было опубликовано объявление, приглашающее желающих преподавать плавание являться к директору Шляхетного кадетского корпуса.

² «Иллюстр. газета» за 1861 г. № 179 от 27 июля.

³ Общий архив министерства двора. Опись 352/1343, д. 35, л. 97.

(п. 23). «Между тем госпожи надзирательницы и учительницы от девиц хотя не отлучаются, однако же отнюдь ни в чем не препятствуют, паче же при всех их непорочных играх и забавах являются будто бы оных и не примечают».

(п. 24). «Есть ли случаются иногда такие, кои меланхолического сложения и от забав уклоняются, то таковых ласково уговаривать и привлекать к тому, чтоб равно с прочими в веселии участие принимали, а до того всячески не допускать, чтоб являли унылый вид с упрямым молчанием или задумчивостью, но паче стараться все общество содержать в забавах».

В этом же уставе мы встречаем и ряд гигиенических указаний о проветривании спальных комнат, о поддержании умеренной температуры в помещениях, «ибо великая теплота, — говорится в уставе, — или жар во всякое время здоровью вредительны, а наипаче во время сна» (п. 28). Горячо рекомендуются прогулки на свежем воздухе: «Весьма нужно, чтоб девицы, прогуливаясь в садах, питались свежим и здоровым воздухом, особенно когда время к тому удобно, ибо ничто столько не пользует их здравия: того дня, как скоро оно настанет, довольствоваться те имеют; а в худое время в особенных к тому устроенных местах» (п. 21).

На основании даже этих немногих данных можно заключить, что по сравнению с 30—50-ми годами физическое воспитание в воспитательных и учебных заведениях конца XVIII в. находилось на значительно более высоком уровне.

ЭЛЕМЕНТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РАЗВЛЕЧЕНИЯХ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ КЛАССОВ

Развлечения привилегированных классов второй половины XVIII в., включающие элементы физического воспитания, во многом были похожи на развлечения эпохи реформ Петра I.

И в это время мы встречаемся с устройством катаний на лодках на Неве. «Екатерина II вместе со своими придворными, — сообщает Столпянский, — очень часто большой флотилией ездила на Петровский остров во вновь устроенный архитектором Ринальди дворец»¹.

У Державина катание на лодках на Неве нашло отражение в следующих строках:

Над Невскими берегами
Я тешусь по ночам роями
И греблей удалых гребцов.

Катание на лодках среди привилегированных классов С.-Петербурга было столь распространено, что увлечение им

¹ Столпянский. Спорт и физическое развитие в старом и новом Петербурге. 1917.

иногда даже приводило к устройству требных соревнований. Доказательством этого может служить следующее объявление, помещенное в «СПБ. Ведомостях» от июля 1773 г. в № 57:

«Некоторые здешнего города граждане для собственного своего и сограждан своих увеселения намерились сего июля 7 дня сделать бег шлюпочный по Неве реке следующим порядком: 1) все казенные и партикулярные шлюпки 12 и 10 весельные только к тому приглашаются, назначивая за первый бег той шлюпки, которая всех обежит, 50 р., той, которая во втором бегу то же сделает, — 30 р., той, коя третьей то же исполнит, — 20 руб. Осми же весельные и др. какие суда, кроме вышеозначенных, приняты не будут; 2) шлюпкам съезжаться к пристани, называемой Троицкой; и всякой ехать мимо судна, поставленного посреди реки против дома его сиятельства графа Петра Григорьевича Чернышева, и на оном будущим (т. е. тем, кто находится на этом судне) сказывать, коего оно ведомства или чье судно, то те шлюпки, которые позже 5 часов придут, к бегу допущены не будут; 3) бег начнется ровно в 6 часов по знаку, который дается итранием на трубах троекратно: по первому шлюпки отвалят от пристани, по второму выравниваются на речку, а когда все поравняются, то по третьему от самой Троицкой пристани пустятся вниз к мосту, где они должны объезжать другое нарочно поставленное судно и от оногo подниматься вверх к судну, стоящему против дома графа Чернышева, где выигравшая награждение получает. Таким образом будет второй и третьей после первого бега через полчаса; по прежнему строятся и в бег вступают; 4) если день будет ненастливый или менее 15 шлюпок соберется, то отложено сие будет до 29 июля; 5) деньги, назначиваемые в награждение, в тот же день по окончании всех трех бегов с судна, которое поставлено против дома Чернышева, выданы будут».

Мы не знаем ничего более об этих состязаниях. Но сам по себе факт организации требных соревнований в 70-х годах XVIII в. заслуживает быть отмеченным как факт, говорящий не только о популярности катания на лодках, но и о перерастании его в один из видов спорта.

Из других летних развлечений, заключавших в себе физические упражнения, следует указать на верховую езду, которая, по данным Фита и Георги, была излюбленным видом спорта даже среди женщин, и на катание с деревянных гор. Последнее практиковалось¹ в садах Петергофа и Ораниенбаума. Фит дает следующее описание одной из этих гор:

«Петергофская гора стоит посреди длинноватой, округлой площади, которая замыкается открытой колоннадой с плоской крышей, служащей местом для зрителей. Окружность

---

¹ Георги Описание столичного города Санкт-Петербурга. 1794. Стр. 625

площади более чем на $\frac{1}{4}$ часа ходу. Катальная гора простирается почти от одной стороны площади до другой. Это деревянный, покоящийся на столбах помост, образующий гору, склон которой представляет волнообразную линию из трех частей или холмов. Каждый из них лежит ниже другого и отделен от других промежуточными пространствами, составляющими как бы долину между этими холмами. От вершины спускается путь, уложенный досками до самой земли, в которой вделаны три параллельно идущие фуги. Маленький вагон, в котором место лишь для одного лица, ставится на вершине в среднюю фугу и скатывается сейчас же с величайшей скоростью с высшего холма. Благодаря быстроте, с которой он скатывается, он может сам собой въехать на второй холм. Скатившись с него, он поднимается таким же способом на третье и последнее возвышение, с которого опускается на площадь, где продолжает катиться еще некоторое время. После этого его вставляют в одну из боковых фуг и канатом при помощи ворота снова подтягивают кверху. Тому, кто видит поездку в первый раз, она кажется опасной, но не следует бояться аварий, так как фуги держат вагоны в должном направлении».

Одним из мероприятий, способствовавших громадному увлечению дворянской молодежи и даже взрослых верховой ездой, послужило устройство «карусели», которая была построена в С.-Петербурге 16 июня 1767 г. по прямому указанию Екатерины II. Об этом факте «СПБ. Ведомости» от 27 июня 1767 г. сообщают, как о чрезвычайно большом событии в петербургской жизни: «16 июня 1767 г. был карусель перед зимним ее имп. велич. дворцом, в нарочно выстроенном амфитатре» — первое, что отмечается в этом сообщении; «четыре кадрили, — читаем мы далее, — были различны, каждая представляла нам народ свой в той степени, в которой старые и новые писатели упоминают их славнейшие ополчения. Кадрилия славянская представляла древность своего народа... Кадрилия римская изображала живо древнюю гордость и величество сих победителей. Кадрилия индийская и кадрилия турецкая».

В заключительной части статьи приведено описание съезда «кадрилий», т. е. отдельных групп всадников, колесниц, на площадь перед Зимним дворцом, где и были устроены различные игры и состязания, проходившие под наблюдением особых судей.

Говоря о значении «карусели», автор статьи особо подчеркивает, что она и «вкус и увеселение нынешнего века отражает», а вместе с тем и «приятное с полезным тесно соединяет»¹.

Касаясь зимних развлечений² привилегированных классов, Фит упоминает о коньках и о рысистых бегах на льду.

---

¹ «СПБ. Ведомости» за 1767 г. № 51 от 27 июня.

² Ф и т. Опыт энциклопедии телесных упражнений. Берлин, 1794. Ч. 1.

Небезынтересно отметить, что увлечение русской знати того времени различными формами физических упражнений, принимавших в конечном счете характер увеселений, не прошло даже мимо театра. Остановливаясь на этом вопросе, Фит говорит, что «здесь стоит упомянуть оперу «Олег», потому что высокий автор изобразил в ней живую картину древних цирковых игр».

Далее он приводит полное описание этих игр во время торжественного приема Олега в Константинополе:

«В начале последнего акта после поднятия занавеса виднеется широкий цирк — амфитеатром сидят греческий двор и толпа зрителей. Начинается целый ряд состязаний. Мы видим состязание в беге, борьбу гладиаторов и т. д.

Можно себе представить, — говорит Фит в заключение, — какие приготовления и какие помещения необходимы были для такого соединения цирковых и сценических игр».

В этот же период времени (70-е—80-е годы) мы встречаемся с попыткой организации среди крестьян массовых соревнований по борьбе в соединении с элементами своеобразного бокса.

Вот как один из очевидцев описывает одно из таких соревнований, устроенных графом Орловым-Чесменским в его манеже. «Около 300 крестьян, разделенных на 2 части, собрались вместе. Каждая часть выбрала предводителя, вызывавшего борцов и натравливавшего их друг на друга. Должна была бороться всегда только одна пара. На них были кожаные толстые рукавицы, столь не гибкие, что они едва могли сжать руку в кулак, отчего многие боролись с обнаженной рукой. Они выступали левой ногой и левым боком, левую руку протягивали к противнику, чтобы задержать его удары, и держали приподнятой правую руку в некотором расстоянии друг от друга. Наступая, они размахивали кругообразно правой рукой и метили всегда в лицо или в голову, но никогда не в грудь или в бок. Как только борец бросал другого на землю, он объявлялся победителем и состязание между этой парой кончалось. Некоторые из этих борцов обладали необыкновенной силой, но их способ борьбы не вызывал появления несчастных случаев; не обнаруживалось ни переломов рук или ног, ни сильных ущемлений, которыми обычно кончаются упражнения в борьбе в Англии. Каждая партия рьяно вступалась за своих борцов. Казалось, что не раз они хотели помочь им, но каждый взрыв спора сейчас же мирно улаживался графом, который был посредником» («Новое собрание путевых описаний», 6-й том, Гамбург, 1788 г.).

Совершенно очевидно, что эти соревнования в борьбе (в соединении с элементами бокса) устраивались среди крепостных крестьян отнюдь не с целью их физического развития, а с той же целью развлечения знати, с какой использовались физические силы крепостных гребцов во время катаний на

лодках скучающих от безделья дворян и подражавших им богатых торговцев, считавших для себя «не лишним побыть на свежем воздухе и поразвлечься».

Этим же целям служила и охота, широко распространенная среди дворян и помещиков, с той лишь разницей, что здесь тот или иной дворянин-помещик уже сам принимал непосредственное участие в охоте, преследуя верхом на лошади убегающую дичь, травил ее собаками или стрелял из ружья, но и здесь не обходилось без услуг крепостных егерей, доезжачих, выжлятников и др., трудами которых всегда пользовались дворяне и помещики, когда дело касалось выезда на охоту или подготовки к ней.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ РОССИИ XVIII ВЕКА

Оживление педагогического движения в России в 60-х годах XVIII столетия в истории русской педагогики обычно связывается с проникновением новых педагогических идей из западно-европейских стран, с осуществлением ряда образовательных мероприятий правительства Екатерины II и с деятельностью И. И. Бецкого. Но, говоря о проникновении новых педагогических идей из западно-европейских стран, необходимо прежде всего отметить влияние просветительной философии Франции в лице французских материалистов и Руссо, идеи которого, несмотря на официальный запрет книги «Эмилъ», вопреки желанию Екатерины II (подписавшей указ о запрещении распространения «Эмиля» в 1763 г.) все же получили достаточную известность в России того времени. К этому следует добавить, что педагогические идеи Локка, проникшие в Россию еще при Петре I и несколько заглушенные к середине XVIII в., теперь вновь ожили и приобрели популярность.

В свете этого представляется возможным выяснить направление педагогической деятельности «чтеца» при дворе Екатерины II И. И. Бецкого, оказавшего известное влияние на теорию и практику физического воспитания в России.

И. И. Бецкий (1704—1795 гг.) родился в Швеции. Образование получил в Копенгагене (Дания). В последующие затем годы, во время своей дипломатической службы, он много путешествовал по западно-европейским странам. Бецкий был хорошо знаком с просветительной философией и передовыми педагогическими течениями Запада. По вступлении Екатерины II на престол он был приглашен ею в Россию для исполнения обязанностей президента Академии художеств и директора кадетского корпуса (1763 г.); одновременно с этим Екатерина II назначила его своим «чтецом» по вопросам образования и просвещения.

Педагогические идеи Бецкого нашли отражение в положениях и уставах воспитательных учреждений, которые были составлены лично им и частью совместно с другими деятелями и педагогами (например, 2-я и 3-я части устава московского воспитательного дома были составлены при участии проф. Барсова).

Если не считать упомянутые «положения» и «уставы», обычно публиковавшиеся с льстивыми обращениями к императрице со стороны Бецкого, говорит Желваков, других, более прямых данных о его педагогических взглядах нет¹.

Наиболее яркое выражение педагогические взгляды Бецкого, вместе с тем и его взгляды на физическое воспитание, нашли в общем положении о воспитательных заведениях, известном под названием «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества» (1764 г.). В этом положении мы встречаемся с попыткой приспособления передовых педагогических идей Запада (Локк, энциклопедисты и Руссо) к условиям феодально-крепостнической России 60-х годов XVIII в., а также с явным стремлением подчинить их интересам дворянства или во всяком случае интересам привилегированных сословий.

Высоко оценивая роль воспитания и ставя его даже выше обучения, Бецкий в «Генеральном учреждении» писал: «Корень всему злу и добру — воспитание». Эту мысль он далее развивал в следующем положении: «Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, т. е. произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, кои бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получали они сами»².

Воспитание, по Бецкому, складывается из воспитания физического, нравственного и умственного. В его высказываниях о физическом воспитании чувствуется сильное влияние Локка и Руссо.

Повторяя мысли Локка и Руссо о физическом воспитании в детском возрасте, Бецкий придает здесь особое значение играм и забавам, которые должны, укрепляя здоровье, развивать в детях самостоятельность, совершенно избегая принуждения. «Понеже забава, веселость и игра суть главные средства к укреплению здоровья, — говорит Бецкий, — того-для не надлежит поступать с детьми сурово, но всему обучать их, как сказано, без принуждения»³.

Эти же мысли были высказаны Бецким и в «Генеральном учреждении о воспитании обоего пола юношества»: «Весьма

---

¹ «Хрестоматия по истории педагогики», т. IV. Сост. Н. А. Желваков. М. 1936. Стр. 193.

² См. «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества». 1764.

³ «Краткое наставление».

еще важное, — писал он, — примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что в жизни целости здоровья и крепости сложения их служить может».

Если в лице Бенцкого мы имеем апологета дворянского образования и воспитания, пытавшегося приспособить передовые педагогические идеи Запада к условиям помещичье-дворянской России 60-х годов XVIII в., то в лице Н. И. Новикова мы имеем поборника буржуазно-освободительных идей, человека, деятельность и устремления которого в области образования и воспитания не замыкались от широких народных масс.

Н. И. Новиков (1744—1818 гг.) родился в семье помещика Московской губернии. Был секретарем в законодательной комиссии 1767 г. Выйдя затем в отставку, он целиком отдался издательской и просветительной деятельности. С 1779 г. Новиков становится арендатором типографии Московского университета. Сконцентрировав здесь всю свою деятельность вокруг издаваемых им «Московских Ведомостей», в «прибавлениях» к ним он печатает статьи педагогического характера, затрагивая в них и вопросы физического воспитания.

В 1791 г. Новиков по обвинению его в принадлежности к тайной организации масонов и «вольномудстве» был осужден к заключению Екатериной II на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. После смерти Екатерины II в 1796 г. Новиков был освобожден из тюрьмы, но годы, проведенные в тюрьме, так надорвали его здоровье, что он был уже не в силах продолжать свою некогда кипучую деятельность.

В своих воззрениях на воспитание и образование Н. И. Новиков не разделял многих взглядов французских просветителей, но тем не менее, передовой человек своей эпохи, каким он был, конечно, не мог избежать влияния передовой педагогической мысли, которая исходила от французских просветителей, стоявших на высоте современной им науки. Вот почему Новиков-педагог, идя часто в разрез с Новиковым-масоном, следовал учению просветительной философии о всепобеждающей силе воспитания и просвещения. Свои взгляды на воспитание и, в частности, на физическое воспитание Н. И. Новиков в наиболее полном виде изложил в большой педагогической статье «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия»¹.

Останавливаясь вначале на выяснении социальной роли воспитания вообще, Новиков особо подчеркивает его значение для благополучия государства и для каждого взятого отдельно человека:

«Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих

---

¹ Приложение к «Московским Ведомостям». 1783. №№ 2—81.

распоряжений в благополучие человеческое, особенно же о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно... С самыми лучшими законами, с самою религиею, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело бы весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором все утверждается в данном государстве».

Нельзя здесь не отметить того, что в этом утверждении мысли Новикова чрезвычайно были близки мыслям, высказанным одним из представителей французской просветительной философии, а именно Гольбахом.

«Люди во всех странах, — говорит он, — так дурны, развращены, неразумны лишь потому, что нигде ими не управляют сообразно их природе и не обучают необходимым законам ее. Повсюду их питают химерами и иллюзиями; повсюду они подчинены правителям, которые пренебрегают просвещением».

Конечную цель воспитания Новиков видит в «образовании детей благополучными или счастливыми людьми и полезными гражданами». Для достижения этой цели Новиков предлагает систему воспитания, состоящую из тех же основных трех частей, какие мы находим в системе воспитания Джона Локка, т. е. из воспитания физического, нравственного и умственного. «...Имеет воспитание три главные части, — говорит Новиков, — воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума».

Значение физического воспитания в достижении основной цели воспитания, создания «счастливых и полезных граждан», Новиков оценивает следующим образом:

«Опыт и человеческие натуры напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здоровья и крепости, так слабости и болезней тела».

«Сию часть воспитания, — говорит он далее, — называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места».

В качестве основных средств физического воспитания Новиков рекомендует игры.

Гигиенические советы Новикова относительно пищи и одежды детей, проветривания помещений, прогулок и игр на свежем воздухе, будучи заимствованными у Локка, не представляют собою чего-либо нового и оригинального. Все это с еще большей подробностью можно найти в книге Дж. Локка «Мысли о воспитании».

Несомненно большой заслугой Новикова в области и теории и практики физического воспитания в России конца XVIII столетия является то, что он был первым, кто после Федора Салтыкова¹ в столь широкой форме выдвинул и развил идею всеобщего физического воспитания как составную часть общего воспитания. Новиков был первым педагогом в России, который сделал попытку подойти к определению предмета физического воспитания. Он вместе с тем явился одним из первых пропагандистов в России новых педагогических идей в области физического воспитания, воспринятых им у переловой научной мысли западно-европейских стран².

Далеко не последнюю роль в распространении новых взглядов на физическое воспитание в России во второй половине XVIII в. сыграло «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества», помещенное в двухтомном сборнике «Учреждения и уставы, касающиеся до воспитания и обучения в России юношества обоего пола», изданном в 1774 г. Как показывает самое название, «Краткое наставление» представляет собою компилятивное сочинение о физическом воспитании детей и юношества. Ознакомление с его содержанием и прямые ссылки на Джона Локка дают основания для вывода, что составитель «Краткого наставления» находился под большим влиянием знаменитого английского философа и классика педагогики.

Все наставление разделено на четыре главы.

В первой главе, носящей название: «О воспитании детей от рождения их до отнятия от груди», рассматриваются вопросы, касающиеся кормления, одежды и общего ухода за младенцами. Говоря об общем уходе за младенцами, «Краткое наставление» дает целый ряд гигиенических советов, которые не отвергаются и современной нам гигиеной детского возраста.

Таковы советы: содержать детей «как, возможно чисто»..., «стараться всеми способами, чтобы дети были на вольном и свежем воздухе»..., «младенец во время сна должен быть таким образом закрыт, чтобы свободно воздух переменяться мог», «весьма вредно качать их (младенцев), чтобы засыпать; сей обычай вовсе отвергнуть должно»..., «не допускать, чтоб всякий человек целовал младенца». Обучать ходьбе или «приваживать ходить» следует начинать не ранее 9 месяцев, причем «лучше младенцу учиться ходить самому собою, а не на помочах, от которых кажется нет пользы».

---

¹ Автор проекта («Пропозиций» 1712 г.) системы бессословного всеобщего образования.

² Некоторые из историков педагогики, как например, Каптерев, считают, что педагогические статьи, помещенные в прибавлениях к «Московским Ведомостям», принадлежали не только Новикову, но и проф. Шварцу, который в своей деятельности был связан с Новиковым.

Глава вторая посвящена вопросам воспитания детей «по отнятии от груди до пяти или шести лет». Здесь уже значительно более подробно рассматриваются вопросы гигиены детской одежды, питания, сна и физических упражнений («телодвижений»), категорически запрещается употребление «тугих завязок и узкой одежды», ибо это «весьма вредит здоровью и останавливает течение крови». Касаясь гигиены питания ребенка в возрасте от 9 месяцев до 5 лет, «Краткое наставление» лучшей пищей признает «хлеб, разные похлебки, молочное». Мясо может допускаться только в ограниченном количестве и вовсе должно быть запрещено употребление «салатов, плодов, сахару, конфетов сахарных» и «все то, что сластями называется». Из сказанного видно, что в то время гигиена питания детей еще не стояла на прочных научных основах. Иначе ничем нельзя объяснить антинаучного утверждения о вреде овощей, фруктов и сахара для детей безотносительно к той или иной дозе.

Физическое воспитание в этом возрастном периоде, согласно указаниям «Краткого наставления», не должно исчерпываться только прогулками на свежем воздухе. Необходимо также всемерно поощрять детские игры, «понеже забава, веселость и игра суть главные средства к укреплению здоровья».

В полном соответствии с указаниями Джона Локка о закаливании детей «Краткое наставление» советует «приучать детей чаще быть на свежем воздухе как холодном, так и теплом во время большего их движения, а лишняя в том бережливость им весьма вредит».

В главе «О детях от пяти до десяти лет» в основном рассматриваются те же вопросы, о которых шла речь в предыдущей главе. В более расширенном виде здесь освещаются вопросы гигиены одежды и закаливания. В целях закаливания «Наставление» советует «приучать помалу детей в сих летах к снесению стужи, влаги и неприятной погоды: нет нужды покрывать и голову, разве во время солнечного зноя; также и по ногам зимою теплым не одевать» для того, чтобы «приучать детские ноги к холоду»; меховую одежду нужно употреблять только в пути, и то в морозную погоду.

Относительно физических упражнений в этой главе «Краткого наставления» имеется следующее указание: «Склонность, которую вселяет природа в сии блаженные лета к игре и к увеселению, есть главное средство к умножению здоровья и к укреплению телесного сложения».

Физическое воспитание должно быть разносторонним. Поэтому необходимо «приучать детей в обыкновенных их играх действовать обеими руками, например: играть в кегли, бросать далеко камнями в цель, бороться и прочия». Вместе с тем физическое воспитание должно содействовать закаливанию детей. Для достижения этого можно «позволять им бегать в яс-

ные и мрачные дни по песку, по кочкам, по пашне, по горам и крутым местам, ходить иногда босиком по каменному полу, в стуже с открытою грудью и головой; ибо все сие укрепляет их здоровье».

В возрасте от 5 до 10 лет следует уже приступить и к умственному воспитанию детей. Однако нужно помнить, что, «приводя детей к учению», нужно действовать так же, как если бы мы привели их в «приятное и украшенное цветами поле»; необходимо добиваться того, «чтобы дети с веселием исполняли свою должность, надлежит стараться всемерно впечистить (внедрить. — А. Г.) в них любовь к учению так, чтобы оно награждением себе почитали. Сие единое способствует к большому просвещению разума».

Умственные занятия детей должны быть ограничены по времени, ибо «неумеренное учение вредно здоровью».

Заключительная глава (IV) «Краткого наставления» («О детях от десяти и двенадцати лет до пятнадцати и шестнадцати лет») подобно предыдущим главам разбирает вопросы гигиены одежды, питания, сна и вопросы физического воспитания подростков и юношества. Новый вопрос, который здесь подввергается весьма подробному освещению и обсуждению, это вопрос о типах юношей, или о «темпераменте или свойстве человеческого», как обозначил его автор «Краткого наставления».

Если в отношении одежды, питания и сна все гигиенические советы и указания, помещенные в первой половине главы, в основном повторяют уже знакомые нам мысли, то этого нельзя сказать о второй половине главы, где наряду с разбором юношеских типов — «сангвинического» и «флегматического», «вспыльчивого» и «меланхолического» характера — весьма подробно освещаются вопросы общего воспитания и воспитания физического. Последнее, как и все воспитание в целом, только тогда может достигать цели, если будут учтены особенности характера того или иного воспитуемого. Таков вывод, к которому приходит автор «Краткого наставления». При этом автор предупреждает воспитателя, что уже после пятнадцати лет начинает сказываться влияние характера «на свойство сложения, которое будет владычествовать в человеке».

Назначение физического воспитания в этом возрасте, с одной стороны — противодействовать утомлению организма юноши, изучающего науки, художества и мастерства в состоянии почти полной неподвижности, с другой стороны, назначение физического воспитания — способствовать развитию природных сил и здоровья человека. «Назначенное к гулянью время, — говорится в «Кратком наставлении», — полезно препровождать в беганье долговременном и трудном на солнце и на дожде, в прыганье, в танцах, в игре мячами, кеглями, в битве на рапирах, в верховой езде и в прочем тому подобном». «Такие на вольном воздухе движения, где телесная сила действует от природы, свойственны человеку, который через то

становится проворнее, здоровее и сильнее», — указывает в заключении автор «Наставления», подводя как бы итог всему, что было им сказано о физическом воспитании юношества. Не подлежит никакому сомнению, что все эти мысли заимствованы у Джона Локка, влияние которого сказалось здесь с особой силой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уровень, которого достигло физическое воспитание в России к концу XVIII в., был немногим выше уровня, на каком оно стояло в последние годы эпохи Петра I. При этом еще следует иметь в виду, что народные формы физического воспитания, развившиеся под гнетом феодально-крепостнических отношений, почти не изменились в своем содержании за истекшее пятидесятилетие. Но тем не менее в целом физическое воспитание к концу XVIII в. уже не было более похоже на хилое, тщедушное растение, каким оно было в 40—50-х годах. Интерес, который вновь появляется к вопросам физического воспитания в 60-х годах XVIII столетия среди просвещенного дворянства и который в последующие годы проявляется с еще большею силою, сам по себе уже может служить одним из показателей некоторого оживления в развитии физического воспитания, которое мы наблюдали еще в начале этого периода.

На основании сказанного о физическом воспитании в учебных заведениях, о быте и развлечениях привилегированных слоев населения дворянско-помещичьей России второй половины XVIII в. можно утверждать, что физическое воспитание (постепенно укрепляясь и оформляясь как элемент дворянской культуры) завоевало право на существование и признание его важности для целей воспитания, образования и военного дела. Интерес к вопросам физического воспитания на страницах педагогической литературы, появление специального руководства по фехтованию на русском языке, распространение иностранных руководств по отдельным отраслям физического воспитания — все это говорит в пользу нашего вывода.

Приводя все эти соображения в доказательство того, что физическое воспитание привилегированного сословия в 60-х годах вступило на путь подъема, мы далеки от того, чтобы считать высоким его уровень к концу XVIII в.

Во всяком случае, не может быть никакого сомнения в том, что физическое воспитание в России, начиная с 60-х годов XVIII в. и кончая последними годами того же столетия, шло под знаком роста. Теоретически его обогащала просветительная литература Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Архив князя Куракина». 1890.
2. Астров. Петр Великий и его армия. «Военный вестник». 1872.
3. Берхгольц. Дневник.
4. Бобровский. История Преображенского полка. Т. I.
5. Brokaw Urvig. The Art of Skating. London. 1910.
6. Веселаго. Очерки истории Морского кадетского корпуса. 1852.
7. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб. 1794.
8. Герье. Отношение Лейбница к Петру Великому. «Журнал министерства народного просвещения». 1870.
9. «Записки о России при Петре Великом», извлеч. из бумаг графа Бассевича. М. 1866.
10. Корб Георг. Дневник путешествия в Московию. СПб. 1906.
11. Кутепов Н. Царская и императорская охота. СПб. 1900.
12. Ленин В. И. Собр. соч. (Статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности»), т. XXII.
13. Локк Дж. Мысли о воспитании.
14. Маркс К. Секретная дипломатия.
15. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVII, ч. 2. 1936.
16. Медынский. История русского педагогики.
17. Номен Я. К. Записки о пребывании Петра I в Нидерландах в 1697—98 и 1716—17 гг.
18. Перри Джон. Состояние России при нынешнем царе. Лондон. 1716. В русском переводе, изд. М. 1871.
19. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом.
20. Погодин. 17 первых лет в жизни императора Петра Великого. 1875.
21. «Поденные записки» (эпоха Петра I).
22. Покровский. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественное России. 1884.
23. Рождественский. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII в. СПб. 1910.
24. Renel Fritz. Das Eissportbuch. Stuttgart. 1925.
25. Сахаров Н. Сказания русского народа, т. III. СПб. 1849.
26. Соловьев С. М. История России с древнейших времен.
27. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 1932 г. Стр. 359.
28. Сталин И. В. Беседа с немецким писателем Э. Людвигом. 1937.
29. Столпянский. Как возник, основался и рос С.-Петербург. Изд-во «Колос». 1918.
30. Столпянский. Спорт в старом Петербурге («Военно-исторический сборник» за 1914 г.).
31. Татищев В. Н. Разговор о пользе наук и училищ.
32. Устрялов. История царствования Петра Великого.
33. Фит. Опыт энциклопедии телесных упражнений. Берлин. 1794.
34. Фишер Б. Искусство фехтовать во всем его пространстве (год издания не указан), а также «Ведомости Петра Великого» (изд. Синодальн. типогр.), «С.-Петербургские Ведомости» (XVIII в.) и «Московские Ведомости» (XVIII в.).
35. «Юрнал» (с 1714 по 1720 г.).
36. Юст-Юль. Записки. М. 1900.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
---------------------------	---

Физическая культура античного мира (Греция и Рим)

С. Д. Синицын

Греция	7
Физическая культура в бассейне Эгейского моря в догреческий период (Крит и Микены)	7
Физическое воспитание в Греции в период разложения родового строя (Гомеровский период, IX-VII вв. до н. э.)	15
Физическое воспитание в Спарте (VII—V вв. до н. э.)	21
Физическое воспитание в Афинах (V в. до н. э.)	27
Олимпийские игры (эпоха расцвета—по V в. до н. э.)	40
Физическое воспитание в эпоху упадка Греции (IV—II вв. до н. э.)	65
Рим	73
Физическое воспитание до падения республики	73
Физическая культура в эпоху империи (I в. до н. э.—IV в. н. э.)	83
Заключение	101

Физическое воспитание в России в эпоху реформ Петра I

А. В. Грачев

Введение	107
Элементы физического воспитания в народных играх и развлечениях	109
Физическое воспитание в потешных войсках	115
Физическое воспитание в учебных заведениях	120
Государственная регламентация парусного и гребного дела	124
Элементы физического воспитания в развлечениях привилегированных классов	128
Отражение вопросов физического воспитания в общественной мысли первой четверти XVIII в.	135
Заклучение	138

Физическое воспитание в России во второй половине XVIII века

А. В. Грачев

Введение	143
Физическое воспитание в быту народов России	144
Физическое воспитание в учебных и воспитательных заведениях	152
Элементы физического воспитания в развлечениях привилегированных классов	163
Физическое воспитание в педагогических теориях России XVIII в.	167
Заклучение	174

1860-1861